

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Кафедра конфликтологии Института социально-философских наук
и массовых коммуникаций
Центр медиации, урегулирования конфликтов
и профилактики экстремизма
Казанский институт социальных исследований «Консенсус»
«Лига медиаторов Поволжья»

ЭКСПЕРТИЗА И АНАЛИЗ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

**Статьи и материалы
Международного казанского научного форума
«Методология исследования конфликтов»**

**КАЗАНЬ
2016**

**УДК 316.3
ББК 60.56
Э41**

*Печатается по рекомендации Ученого совета
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета
(протокол № 6 от 23 июня 2016 г.)*

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор КФУ **А.Б. Лебедев**;
доктор философских наук, профессор КНИТУ **А.Г. Воржецов**

Экспертиза и анализ конфликтов в современном российском обществе: статьи и материалы Международного казанского научного форума «Методология исследования конфликтов» [Электронный ресурс] / под ред. А.Г. Большакова, Т.З. Мансурова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 246 с.

ISBN 978-5-00019-754-7

В сборнике представлены доклады и выступления участников Международного казанского научного форума «Методология исследования конфликтов» по теме: «Экспертиза и анализ конфликтов в современном российском обществе».

Книга адресована научным работникам, специалистам социальной сферы, преподавателям, аспирантам, студентам вузов социального и гуманитарного профиля, а также всем, кого интересуют вопросы экспертизы, анализа и управления конфликтами в современной России.

Минимальные системные требования: Adobe Acrobat.

ISBN 978-5-00019-754-7

**УДК 316.3
ББК 60.56**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
------------------	---

Доклады

Глухова А.В. Социальный диалог в конфликтных практиках современного общества.....	7
Никовская Л.И. Выявление и продвижение общественных интересов в контексте теории социального конфликта.....	21
Тимофеева Л.Н. Регулирование конфликтов в сфере политико-административного управления (отечественный и мировой опыт).....	44
Якимец В.Н. О механизмах продвижения общественных интересов: проблемные и конфликтные кейсы, лучшие практики, рецепты успеха.....	58
Большаков А.Г., Храмова Е.В. Экспертно-аналитическая деятельность как технология формирования государственной политики (на примере системы мониторинга социально-политических и этноконфессиональных процессов в Республике Татарстан).....	73

Выступления

Галихузина Р.Г. Социальное партнерство и практики самофинансирования в мусульманском сообществе Татарстана.....	95
Гареева К.А. Терроризм в информационном обществе как угроза международной и национальной безопасности.....	108
Иванов А.В. Феномен троллинга в виртуальных конфликтах в Интернет-пространстве.....	121
Маврин О.В. Процедура медиации в системе альтернативного разрешения конфликтов современной России.....	133
Мансуров Т.З. Гражданская война в Сирии и контртеррористическая операция Российской Федерации.....	154
Мингазова Н.М. Конфликт проектов при создании экопарка «Озеро Харовое».....	167
Муратова Ю.Д. Технологии информационной агрессии в региональном политическом конфликте.....	179
Носаненко Г.Ю. Городская среда как фактор становления и развития третьего сектора: ресурсы и риски.....	193
Сирюкова Я.А. Государственное управление этнополитическими процессами в Российской Федерации: медийные эффекты и практики.....	203
Терешина Е.А. Социальные форумы антиглобалистов.....	219
Шибанова Н.А. Гендерное измерение конфликтологического анализа.....	227
Сведения об авторах.....	243

Предисловие

Значительное место в современных социальных процессах России приобретают экспертиза и анализ конфликтов, примирительные процедуры, которые могут демонстрировать свою эффективность в их урегулировании, связанных с согласованием общественных интересов, в связи с тем, что использование традиционных административных мер государства явно недостаточно. В настоящем сборнике представлены научные доклады и выступления участников IV Международного Казанского научного форума конфликтологов, посвящённого теме экспертизы и анализа конфликтов в современном российском обществе, прошедшего в 2014 году в Казани.

В ходе работы форума ученые и практики городов и регионов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Воронежа, Севастополя, Йошкар-Олы, Казани, Набережных Челнов, Нижнекамска) с различных позиций рассматривали примирительные процедуры, альтернативные методы решения конфликтов, которые обеспечивают значительный социальный эффект.

Почетными гостями форума стали ведущие ученые в области социальных и политических конфликтов из Института социологии РАН (А.В. Дмитриев, Л.И. Никовская), Института проблем передачи информации РАН (В.Н. Якимец), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Л.Н. Тимофеева), Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (Т.А. Сенюшкина), Воронежского государственного университета (А.В. Глухова), Марийского государственного университета (Е.В. Суслов).

В рамках форума состоялись две сессии «Примирительные процедуры и социальный диалог в конфликтных практиках современного социума», «Правовые и внесудебные методы решения споров в сфере страхования».

На первой сессии участники обсудили вопросы восстановительной медиации, проблемы и перспективы социального диалога принимающего сообщества и мигрантов в РФ, применения примирительных процедур, экспертизы и

анализа конфликтов, этноконфликтологического менеджмента, городской среды как фактора становления и развития «третьего сектора».

На второй сессии обсуждалась действующая практика рассмотрения дел с применением медиации в судах общей юрисдикции и арбитражном суде РТ; потенциал применения медиации при урегулировании споров в плоскости корпоративного страхования в РТ; применение медиации в страховой сфере; ОСАГО: актуальность проблем страхования для населения РТ; обязательность применения медиации в конкретных видах споров: возможности законодательной инициативы местного уровня; актуальные проблемы страхового предпринимательского сообщества в РТ.

На круглом столе «Механизмы отстаивания общественного интереса на примере кейса «Озеро Харовое» изучались механизмы формирования общественных интересов, успешные практики продвижения общественных интересов, диалоговые площадки как способ анализа и разрешения конфликтных ситуаций, гражданские институты и разрешение противоречий, власть и общественные организации в реализации интересов целевых групп.

В сборнике изучаются проблемы взаимодействия власти, бизнеса, гражданских институтов в области создания социального диалога в общественной, экономической и политической сферах, что способствует устойчивому развитию социума.

Авторы выявляют проблемы межсекторного взаимодействия в рамках социального диалога; указывают на необходимость активного применения альтернативных методов разрешения конфликтов в сфере страхования.

В докладах и выступлениях обозначены современное положение и перспективы использования экспертизы и диагностики конфликтов, примирительных процедур в конфликтных практиках современного социума.

Представлен опыт защиты общественных интересов в регионах в рамках конфликтологического менеджмента, выстраивания устойчивого взаимодействия власти, бизнеса, гражданского общества в области социального диалога.

Авторы сборника описывают механизмы согласования общественных интересов в социальных конфликтах и проблемных ситуациях, что позволяет установить баланс интересов субъектов социально-экономической и политической деятельности, приведет к росту гражданского самосознания и формирования российской общегражданской идентичности.

Выступающие указали на приоритетное использование примирительных процедур в разрешении трудовых, межэтнических, миграционных и религиозных конфликтов, отметив, что обеспечить развитие примирительных практик, включающее образовательные и просветительские программы, возможно через органы власти и средства массовой информации.

В выступлениях представителей органов власти и управления, общественных организаций, академического сообщества, прозвучавших на форуме, была подчеркнута мысль о необходимости использования механизмов медиации, переговоров, арбитража и др. при урегулировании социальных конфликтов.

Данный сборник призван распространять практики согласования общественных интересов, развитию сотрудничества между различными субъектами и повысить роль прикладных исследований. Работа представляет интерес не только для специалистов, занятых исследованиями в области экспертизы, анализа, разрешения и урегулирования конфликтов, но также предназначена для всех, кто интересуется вопросами развития социального партнерства в России.

Мы выражаем благодарность всем участникам, принявшим участие в подготовке данного издания, и надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

А.Г. Большаков

**СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
В КОНФЛИКТНЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Глухова А.В., д.полит.н., профессор,
Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Россия

**SOCIAL DIALOGUE
IN CONFLICT PRACTICIANS OF MODERN SOCIETY**

Glukhova A.V., Doctor of political sciences, professor,
Voronezh State University,
Voronezh, Russia

Аннотация. В статье раскрыто содержание социального диалога, описаны условия необходимые для его создания. Отдельное внимание уделено особенностям его конструирования в российском обществе. Определены различные форматы достижения общественного согласия в мировой практике: общественные дискуссии, трипартизм, консультационные группы и комиссии по различным видам деятельности, механизмы обратной связи между населением и властью. Делается вывод том, что эффективное межсекторное партнерство возможно при наличии активности гражданского сектора, обладающего навыками артикуляции и выражения общественно значимых интересов.

Ключевые слова: диалог, межкультурная коммуникация, конфликт, позиции, гражданское общество, межсекторное взаимодействие.

Abstract. In article the content of social dialogue is disclosed, conditions necessary for his creation are described. The separate attention is paid to features of his designing in the Russian society. Various formats of achievement of a public consent in world practice are defined: public discussions, a tripartizm, consulting groups and

the commissions on different types of activity, feedback mechanisms between the population and the power. The conclusion is that effective cross-sector partnership is possible in the presence of activity of the civil sector, possess the skills of articulation and expression of significant public interest.

Key words: dialogue, cross-cultural communication, conflict, positions, civil society, intersector interaction.

Проблема социального диалога в современных условиях имеет особую теоретико-методологическую и практико-технологическую напряженность. Она усиливается включением в мировые социально-политические процессы всех новых субъектов (стран, народов, культур), усложнением взаимодействия глобальных, региональных, национально-государственных и локальных факторов, конфликтным характером общественных трансформаций, изменением иерархии жизненных ценностей, поведенческих моделей и т. д. Глобализация как мега-процесс требует изменения самого типа цивилизационного развития, суть которого, в предельно краткой формуле, состоит в необходимости перехода от односторонних установок на властное доминирование к диалогу государств, народов, культур. В современных сложных обществах коммуникация относительно ценностных ориентаций, целей, норм и фактов образует один из важнейших механизмов общественной интеграции, наряду с такими средствами, выходящими за рамки единичных интересов, как средства управления через меновую стоимость (т. е. деньги) и административная власть. Третий и самый фундаментальный ресурс современных обществ образуют взаимопонимание и солидарность [13, с. 94].

В условиях современного сложного и многообразного мира механизмом формирования солидарности и в целом совместного существования людей выступает диалог, межкультурная коммуникация, предполагающая уважение к позиции оппонента даже при условии несогласия с нею. Ученые фиксируют настоящую потребность в диалоге, как на макроуровне, обращая внимание на «притязания культуры» (С. Бенхабиб) и потребность «в совещании», т. е. в со-

держательной дискуссии, комплексном диалоге и взаимодействии различных культур [1; 5], так и на микроуровне, акцентируя роль и значение новых методик в целях выстраивания продуктивных взаимоотношений между людьми [6]. По общему мнению, конфликтность современной истории является следствием дефицита диалогичности [11, с. 52].

Ресурсы диалогичности (институциональные, коммуникативные, интеллектуальные, психологические) являются важным показателем цивилизованного общества, его способности к устойчивому демократическому развитию. При этом под диалогичностью понимается общественная открытость (прежде всего политических структур), стремление к взаимодействию культур и их носителей, развитость дискурсивных технологий, коммуникативная толерантность. Диалогичность – это вместе с тем свойство, умение субъектов взаимодействия согласовывать свои интересы, обмениваясь ценностями своей культуры, своего видения ситуации и конструктивного решения общих проблем.

Диалог всегда является обменом когнитивными комплексами (информация, знания о чем-то), оценочными компонентами (мнения, суждения), конативными (желания, стремления, целеполагания, волевые интенции) и прагматическими соображениями (способы действия, методы и ресурсы решения общей проблемы), прогностическими предположениями. В диалоге выявляются социокультурные свойства участников социального и политического взаимодействия (их специфика, схожесть, различия). В публичной сфере через диалог выявляются интересы и ориентации субъектов общественных отношений. Их диалоговая артикуляция представляет собой также и самоопределение этих субъектов, их своеобразное превращение из «вещи в себе» в «вещь для себя». «Выявляются, фиксируются, корректируются позиции участников взаимодействия, их статус (объективный и субъективный) как субъектов общественных отношений, их намерения и реальные возможности действия. Одна из важнейших функций публичного диалога – открытое декларирование политических позиций» [12, с. 244].

Проблема социального диалога и достигаемого с его помощью гражданского согласия, причем на разных уровнях государственной иерархии и общественных сфер, всегда была сложной для России в силу ее пространственного, геополитического положения, этнического, религиозного, культурного, регионального и прочего многообразия. Сегодня эта проблема в который уже раз в отечественной истории встала в практическую повестку дня, ввиду очевидного для всех раскола между различными социальными группами, политическими силами, культурными ориентациями и т. д., временно декорированного националистическим («патриотическим») подъемом, связанным с присоединением Крыма. Пока обнадеживающих результатов не наблюдается, спасительное для общества согласие по-прежнему остается скорее желаемым, нежели действительным что и неудивительно. В российской истории нет традиции *диалога, добровольного формирования широкого общественного согласия*, но есть опыт обретения его посредством навязывания «сверху», со стороны властующих кругов либо по формуле «православие – самодержавие – народность», либо под лозунгом «идейно-политического и духовного единства советского народа». Эта наследственность не может не сказываться на нынешних трудностях страны, пытающейся определить свое место в международной системе координат, хотя дело не только в наследственности. Демократия предполагает широкое и добровольное участие всех граждан в формировании общественного согласия и нуждается для этого в соответствующих процедурах, политической коммуникации и желании власти прислушиваться к тому, чего хочет общество. В конечном счете, именно это обеспечивает сохранение политической стабильности и разрешение возникающих конфликтов мирными способами.

В нашу задачу не входит осмысление исторических традиций России, серьезно затрудняющих сегодняшний диалог и поиски общенационального согласия, а также анализ ценностных ориентаций различных слоев населения, хотя их значимость в решении указанной проблемы не подлежит никакому сомнению. Вместе с тем не разделяем точку зрения ряда авторов, доказывающих принципиальную несовместимость для россиян некоторых ценностей, например, либера-

лизма и консерватизма, обретшего неожиданную популярность в последние два года. Сопоставление этих ценностей, а чаще – представлений зачастую осуществляется поверхностно, без глубокого проникновения в смыслы и восприятие российскими гражданами таких ключевых понятий, как «реформа», «демократия», «традиция» и т. п. Кроме того, не учитывается приемлемость (либо неприемлемость) для массового сознания носителей этих ценностей, т. е. личностный фактор, тогда как проблема нередко кроется именно в нем.

Содержательный смысл диалога, общественного согласия и способы его достижения были различными в разные эпохи. Немаловажную роль в его трактовке сыграли традиции рациональной коммуникации, дискурсивного общения между людьми. Теоретики демократии XVIII в. видели в демократическом процессе рациональное рассуждение, ведущее к единодушию и отвечающее общему интересу. Согласно этому мировоззрению, все расхождения суть расхождения во мнениях: не существует конфликтов, которые нельзя было бы устраниć с помощью рационального обсуждения. Роль политического процесса понималась как эпистемологическая, т. е. как поиск истины, а статус консенсуса являлся моральным – как воплощение общего интереса.

Эти идеи в конце XX – начале XXI в. получили новую жизнь. Не только в теоретических наработках коммуникативного действия Ю. Хабермаса, в его теории делиберативной демократии, но и в политических программах многих партий вновь настойчиво звучит мысль о политических дискуссиях как механизмах формирования общественного согласия. По мнению видного европейского политика О. Лафонтина, в демократическом обществе нормативный консенсус может установиться лишь в результате широкой общественной дискуссии. «Мы остро нуждаемся в политической культуре дискуссий, которая соответствовала бы духу античных городов – полисов, явившихся колыбелью демократии», – утверждает О. Лафонтен [7, с. 146]. Показательно, что в сформированном после выборов в Европарламент (май 2014 года) новом составе Европейской комиссии в обязанности одного из комиссаров будет входить социальный диалог [10].

Нормативная политика, пользующаяся широким признанием, невозможна, если в результате общественной дискуссии не будет признано право на существование за разными системами ценностей. Только в условиях признания принципа общественного согласия, гарантирующего нормативные правила от произвола отдельных личностей и придающего им обязательный характер, самобытность отдельной личности может приобрести позитивную оценку и стать конструктивным фактором в жизни общества.

Естественно, что общественное согласие, трактуемое как процесс согласования различных интересов в рамках социального диалога, нуждается не только в добной воле его участников, но и в соответствующей инфраструктуре, которая включала бы в себя разные сферы общественных отношений и разные уровни обсуждения наиболее значимых проблем. Образцом такой инфраструктуры может служить система трипартизма, сложившаяся в ряде европейских стран и охватывающая три общественных сектора: бизнес (союзы предпринимателей), профсоюзы и представителей государства. Все вопросы, касающиеся отношений в сфере труда и производства, решаются именно в таком формате путем обоюдных компромиссов. Представители государства выступают в качестве посредников (медиаторов) урегулирования конфликтов в этой сфере.

Площадкой для поиска решений политических конфликтов традиционно выступают представительные органы власти, когда в ходе парламентских дебатов осуществляется поиск взаимоприемлемых решений, облекаемых в форму нормативных предписаний. Немаловажную роль выполняет также сама публичная сфера политики – от различных общественных слушаний до гайдпарков и телевизионных ток-шоу, призванных пробудить интерес гражданина к политическим вопросам и вовлечь его в их обсуждение. Европейских политиков тревожит растущее политическое отчуждение масс, абсентеизм молодежи и рост несистемных протестных движений, многие из которых откровенно склоняются к экстремизму и насилиственным методам борьбы. В значительной степени эти негативные явления становятся следствием олигархизации властующей элиты, приоритетного обсуждения мелких и частных вопросов и уходом от

действительно кричащих проблем, затрагивающих интересы широких общественных слоев и групп.

С сожалением приходится признать, что в российском обществе сегодня отсутствует столь характерная для западной цивилизации практика открытых публичных дискуссий, борьбы мнений, противопоставления позиций и т. п. Дебаты, которые обычно ведутся в парламенте, в российском случае почти полностью исчезли. Но даже если бы они велись, они не могут заменить нормальной, полноценной дискуссии в обществе. Сегодня многие позиции, точки зрения, не совпадающие с официальной позицией телеканалов, ориентирующихся в основном на властные структуры, блокированы, их не слышно в радио- и телевизионном эфире. Общество, которое еще совсем недавно, в советский период новейшей истории, было задавлено государством, сегодня формально представлено в парламенте. Однако представлено таким образом, что остались почти одни представители, контроль за которыми практически полностью отсутствует. То же самое следует сказать и о правительстенных решениях, которые вбрасываются в публичную сферу без учета каких бы то ни было реакций со стороны общественного мнения. Примером может служить решение об изъятии пенсионных накоплений граждан за 2015 год, принятое недавно (август 2014 г.) на заседании правительства в рекордные сроки – примерно за две недели при отсутствии профильных министров и, напротив, в присутствии представителей тех ведомств, которые никогда публично не поддерживали это предложение [9, с. 1]. Другим примером являются попытки российских госкомпаний, попавших под санкции Запада в связи с украинским кризисом, покрыть свои убытки за счет средств Фонда национального благосостояния, принадлежащего – по логике вещей – всем гражданам.

Особую тревогу вызывает характер и формат общественных дискуссий на телевидении, в которых главная задача участников заключается в том, чтобы повесить на оппонента оскорбительный ярлык и тем самым сделать сомнительной или даже ущербной его позицию. И это, пожалуй, самая главная трагедия нашего общества. Пропала сама идея общения, диалога, произошла поляриза-

ция мнений, и очень трудно представлять какую-то разумную точку зрения, быть посередине, потому что сразу же становишься врагом для тех, кто отстаивает крайности по принципу: кто не с нами, тот против нас. Такая ситуация с психологической точки зрения крайне опасна и является симптомом паралича сознания. Одним из главных механизмов зрелого сознания считается критичность – способность анализировать, «фильтровать» поступающую извне информацию, трезво понимать ограниченность собственного знания. Однако в нынешней ситуации, похоже, все естественные фильтры исчезли. Сознание перестает работать, оно просто заглатывает готовые расфасованные тексты и выдает их же обратно. Как только в дискуссии предпринимается попытка что-то уточнить, конкретизировать, оппонент в ответ начинает до бесконечности расширять предмет разговора, вплетая туда все, что можно. И это самый главный способ бессознательной чаще всего манипуляции, который сейчас используется: валить все в одну кучу. Предмет разговора размывается, в разговор вплетается множество деталей, не имеющих к теме никакого отношения.

По словам профессора факультета психологии МГУ Д. Леонтьева, у нас сильно обесценилось значение слова «мнение». «Любой бред, который человеку приходит в голову, называют мнением. Это порождение так называемого постмодернизма – считать, что все мнения равнозначны, – считает Д. Леонтьев. – Раньше, когда мнения спрашивали у экспертов, предполагалось, что оно производится с помощью умственной работы, и именно в той области, которой человек профессионально занимается. Тогда могут развиваться настоящие дискуссии, можно найти того, кому можно верить. Сейчас же обычно называют мнением то, в чем чаще всего нет и следа аналитической и интеллектуальной работы. Откуда-то ветром занесло «как бы» «типа» информацию. Такие «мнения» не укоренены, они легко меняются на диаметрально противоположные. Поэтому я с большим скепсисом отношусь к цифре 85 % населения, которые, по данным социологов, поддерживают сегодня все действия президента России в Украине. Это во многом явление погодное, ветер надул такой градус, а подует в другую сторону – всё упадет ниже нуля» [8].

Серьезным препятствием для достижения общественного согласия является и то, что для полнокровной общественной дискуссии, столь необходимой расколотому российскому обществу, отсутствуют соответствующие условия – как технические (подлинно независимые телеканалы, наличие талантливых коммуникаторов, способных спокойно и непредвзято вести диалог и т. д.), так и психологические. Многочисленные неудачи, сопровождавшие поиски согласия в последние годы, привели к тому, что общество психологически устало от громовещательных заявлений и «добрых намерений», которые, как правило, заканчиваются ничем. Иными словами, для того, чтобы не дискредитировать благородную и со всех точек зрения полезную идею, необходимо подкреплять ее какими-то значимыми свершениями, способными вселить в общество потерянный им оптимизм и надежду на лучшее будущее. Такими свершениями могли бы стать реальные результаты борьбы с коррупцией, организованной преступностью, повышение собираемости налогов, пресечение утечки капитала за границу, создание новых рабочих мест, преодоление сырьевой экономической зависимости и т. д., одним словом, наведение того самого порядка, по которому так истосковалось российское общество. В противном случае никакое согласие не может возникнуть: слишком далеко разошлись интересы различных групп и слоев российского общества, слишком разным идеалам и ценностям они поклоняются, слишком слаба вера в способности нынешнего государства обеспечить стране модернизационный рывок и достойный уровень жизни ее граждан. По данным социологического исследования 2014 года, проведенного Левада-центром, на вопрос о том, что более важно для людей, которые стоят сейчас у власти, 35% респондентов назвали «процветание страны», а 52 % – «сохранение и укрепление собственной власти» [4, с. 138].

Несколько лет назад в общественном сознании россиян, казалось бы, получила стойкую прописку идея межкультурной коммуникации, диалога основных политических культур. Однако реальность убеждает в том, что о межкультурной коммуникации легче говорить, чем обеспечивать ее на практике. Во всяком случае, отдельные политические дискуссии, изредка ведущиеся на об-

щероссийских телеканалах, не только не проясняют спорных и даже кричащих вопросов нашей жизни, но и еще более обостряют их. Поэтому не следует возлагать излишние надежды на технологическую сторону диалога: при отсутствии политической ответственности и воли к достижению соглашений, при искреннем презрении к идее любых переговоров и «уступок» чьим-либо требованиям никакие процедурные правила не дадут должного результата. Как справедливо отмечает известный американский дипломат Г. Киссинджер, в отличие от дипломатической практики, где господствует диалог как форма коммуникации, легислатура ориентирована на директивы ультимативного свойства, не составляющие пространства для обсуждения и компромисса. Ко всему прочему, вездесущие и громогласные СМИ превращают внешнюю политику в род публичного аттракциона. Одержанность рейтингом приводит к тому, что любой текущий кризис преподносится публике в морализаторских тонах как сражение между добром и злом с окончательным результатом, а не как *эпизод и проблема* в ходе долгого исторического процесса. Эти оценки, на наш взгляд, справедливы и для внутренней политики, в которой действуют сходные закономерности. Следовательно, нужно определить не только процедуру, но и тематику дискурсивного диалога, обеспечив участие в нем представителей различных интересов, подходов, позиций.

В свое время преодоление человечеством «естественного состояния», которое английский ученый Т. Гоббс обозначил крылатой фразой «война всех против всех», потребовало выработки социального контракта. Другой известный ученый – просветитель Ж.-Ж. Руссо изложил содержание этого контракта в пламенном манифесте под названием «Об общественном договоре», которому в этом году исполняется ровно 250 лет. Было бы странно и трагично, если бы человечество двинулось вспять и вновь вернулось бы к естественному состоянию, да еще в ядерный век. Следовательно, иных способов кроме стремления оставить за оппонентом право иметь собственную точку зрения, вести с ним диалог, понять друг друга попросту не существует. Как пишет в своей книге американ-

ская исследовательница С. Бенхабиб, «ведение комплексных культурных диалогов в условиях глобальной цивилизации – это теперь наша судьба» [1, с. 222].

В заключении хотелось бы коснуться проблем регионального уровня. Значительными негативными факторами в процессе выстраивания диалога на региональном уровне в рамках межсекторного социального партнерства выступают дефицит ресурсов в совокупности со слабостью навыков в их мобилизации, а также нестабильность формально-правовых рамок деятельности некоммерческих организаций (НКО) в сочетании с тенденцией к бюрократизации их деятельности. Это не только сужает их возможности по реализации интересов жителей региона, но и превращает их в более слабого партнёра во взаимодействии с властными структурами [2, с. 201].

Несмотря на наличие Общественных палат, консультативных советов и т. п., формы координации деятельности некоммерческих организаций развиты слабо. Необходима открытая площадка, на которой могли бы встречаться инициативы разных организаций. В этих целях следует активнее использовать Интернет, предоставляющий дополнительные возможности артикуляции и агрегирования интересов, усиления общественной поддержки, мобилизации активности.

Далеко не все зарегистрированные общественные организации области осуществляют постоянную деятельность и являются в полной мере автономными. Даже реально действующие НКО в большинстве случаев не имеют тщательно разработанного, адаптированного к задачам организации, своевременно обновляемого сайта, тогда как потребность в нем исключительно велика.

Дополнительным отягчающим фактором выступают дефицит квалифицированных специалистов необходимого профиля в органах власти и управления, а также клиентельно-патронажные связи, искажающие конкуренцию в среде НКО, НПО. Подавляющее большинство организаций третьего сектора региона ограничено в использовании такого ресурса как международные гранты и сети, хотя такие возможности имеются. Проблема заключается не только в более жёстких требованиях отчётности, но и в слабом владении иностранными языками, отсутствии специалистов, способных правильно оформить документацию. Осо-

бенно это касается районных НКО и НПО. Общественные организации не в должной мере владеют социальными и политическими технологиями, несмотря на то, что в 2009 году различными формами подготовки кадров и актива было охвачено около 35 тыс. человек. Косвенным доказательством этого является низкая активность в представлении проектов на различные конкурсы [2, с. 202].

Межсекторное партнерство в Воронежской области строится с большим трудом. Власть пытается взаимодействовать отдельно с бизнесом, отдельно с гражданским обществом, для чего конструируются параллельные структуры: одна – для бизнеса, другая – для гражданского общества. Не случайно довольно большое распространение получили временные «социальные альянсы», когда для достижения определённой цели объединяются ресурсы и усилия организаций только двух секторов. Обычно в подобное взаимодействие вступают представители власти и бизнеса. Тем самым институты гражданского общества оказываются исключёнными из основного поля публичной политики региона, и, лишившись возможности участвовать на равных условиях в осуществлении механизмов прямой и обратной связи с государством и бизнес-структурами, утрачивают стимулы к активной деятельности. Отсюда рост недоверия по отношению к своим потенциальным партнёрам.

На сегодняшний день приоритетным направлением, способствующим развитию конструктивного диалога, является создание нормативно-правовой базы и организационно-правовых механизмов сотрудничества и совместной работы в консультационных группах и комиссиях по различным видам деятельности. Это свидетельствует о том, что в Воронежской области начинается процесс институционализации отношений партнёрства, хотя он еще далек от завершения.

Гражданское общество в Воронежской области само должно стать более активным, инициативным, научиться чётко, связно, аргументированно представлять свои предложения, программы, проекты, а также результаты своей деятельности. От этого напрямую зависит то, как органы власти будут к нему относиться, и будет ли развиваться диалог. На сегодняшний день факт существования множества общественных организаций сочетается со слабостью их публичного влияния, не-

развитостью практически-деятельных и информационных связей с большинством населения, отсутствием должной поддержки со стороны последнего. До тех пор, пока будет сохраняться данная тенденция, говорить об эффективно функционирующем гражданском обществе в регионе не приходится. Без активного участия граждан в работе различных НКО оно утрачивает смысл. Вместе с тем обнаруженный в ходе проведенного исследования потенциал гражданского общества в регионе представляется весьма существенным, оставляющим надежду на его укрепление в средне- и долгосрочной перспективе.

Отрадно отметить, что руководство области осознает эту проблему, реагирует на нее и демонстрирует готовность к ее совместному решению. Губернатор Воронежской области А.В. Гордеев, переизбранный на второй срок, в своей предвыборной программе отметил важность обратной связи между населением региона и его руководителем. «Благодарю всех, кто своей активной гражданской позицией, своими личными обращениями и письмами помогал мне все эти годы получать объективную информацию, выстраивать четкие приоритеты в работе и эффективно решать стоящие задачи. *Буду рад продолжению диалога, который позволит консолидировать усилия общества во всех созидательных делах (выделено мною – А.Г.)*» [3, с. 3]. В числе основных направлений действий в программе кандидата названы новые механизмы прямого взаимодействия власти и регионального креативного класса, научного и экспертного сообщества, краудсорсинговые проекты¹. Остается надеяться, что эти своевременные и давно ожидаемые решения в самом скором времени начнут претворяться в жизнь.

Литература

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2003.

¹ На выборах губернатора Воронежской области 14 сентября 2014 г. А.В. Гордеев набрал 88,8 % голосов. Явка составила чуть более 53 %.

2. Глухова А.В., Жаркова И.А. Гражданское общество глазами воронежцев (по результатам социологического исследования) // Публичная политика – 2012. Сб. статей / Под ред. М.Б. Горного и А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2013.
3. Гордеев А. Достижения региона – успех каждого. Воронеж: Воронежская областная типография, 2014.
4. Гудков Л. Путинский рецидив тоталитаризма // Pro et contra. № 3-4 (63), май – август 2014.
5. Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / отв. ред. В.С.Степин, А.А. Гусейнов; Ин-т философии. – М.: Наука, 2005.
6. Келлетт П. Конфликтный диалог: работа с пластами значений для продуктивных взаимоотношений / Пер. с англ. – Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр» (М.А. Новицкая), 2010.
7. Лафонтен О. Общество будущего. Политика реформ в изменившемся мире. – М.,1990.
8. Леонтьев Д. Состояние умов при ветреной погоде // Новая газета. 30.09.2014 г.
9. Милюкова Я., Нетреба П., Метелица Е. Шоковая заморозка // РБК daily. 18.08.2014.
10. Минеев А. Они будут управлять Европой в ближайшие пять лет // Новая газета. 11. 09. 2014 г.
11. Пригожин А.И. Диалогические решения // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3.
12. Рахманин В.С. Диалог политических культур как демократический культур // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4.
13. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. Москва: Издательский центр «ACADEMIA», 1995.

ВЫЯВЛЕНИЕ И ПРОДВИЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Никовская Л.И., д.с.н., главный научный сотрудник,
Институт социологии РАН,
г. Москва, Россия

IDENTIFICATION AND ADVANCE OF PUBLIC INTERESTS IN A CONTEXT THEORIES OF SOCIAL CONFLICT

Nikovskaya L.I., Doctor of sociological sciences, chief researcher,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Аннотация. В статье анализируется один из институтов публичной политики, такой как институт формирования и продвижения общественных интересов. Систематизированы механизмы общественного влияния на органы власти: гражданская экспертиза, партнерство, компромисс, сотрудничество, межсекторное социальное партнерство. Описан такой тип взаимодействия общества и власти как «конfrontация – игнорирование – партнерство». Анализируются возможности системы социального представительства общественных интересов, которые формируются в современном российском обществе. Показаны механизмы взаимодействия общества и власти с позиций политической конфликтологии. Делается вывод о необходимости формирования конфликтологической компетенции у участников, приводящих общественный интерес (осознание и защита собственных интересов, оценка уровня профессионализма).

Ключевые слова: государство, общественный интерес, продвижение, общество, конфликт, социальное напряжение, теория конфликта.

Abstract. In article one of institutes of public policy as institute of formation and advance of public interests is analyzed. Mechanisms of public influence on authorities are systematized: civil examination, partnership, compromise, cooperation, intersector social partnership. Such type of interaction of society and power as "confrontation - ignoring - partnership" is described. The possibilities of system of social representation of public interests which are formed in modern Russian society are analyzed. The mechanisms of interaction of society and power from positions of political conflictology are shown. The conclusion about the necessity of forming conflictological competence of the participants, promoting the public interest (awareness and protection of their own interests, assessment of the level of professionalism).

Key words: state, public interest, advance, society, conflict, social tension, theory of the conflict.

Органическое взаимодействие власти и гражданского общества является ключевой проблемой для поступательного развертывания процесса политической модернизации, как и в целом проекта системной модернизации в России. Исторический опыт развития западных демократий показывает, что конструктивный исход многих социальных конфликтов, которые возникают в процессе общественно-политических преобразований, зависит от совокупных усилий как государства (и представляющих его политico-административных элит), так и гражданского общества. Именно их совместное и ответственное взаимодействие способно «погасить» все негативные всплески деструктивной конфликтности, сохранив при этом позитивный, инновационный потенциал конфликта.

Для гражданского общества органической нормой является *диалоговый режим общения*, партнерство и отношения сотрудничества, многомерность восприятия проблемы и, соответственно, многомерность ее решения (с учетом экономических, экологических, культурных и пр. аспектов), открытость потоков информации и публичность своей позиции, соревновательность интересов, поливариантность ролей и целей и примат горизонтальных, кооперативных связей [5, с. 439].

В силу этого между гражданским обществом и государством имманентно присутствует так называемый *протоконфликт*¹, который является необходимым условием для обеспечения реальной возможности граждан и их объединений *контролировать* действия правящей государственной элиты и влиять посредством своей гражданской экспертизы на функционирование государственной вертикали власти. Здесь внутренняя конфликтность должна быть «встроена» в качестве генеральной социально-конструктивной силы всей общественной жизни. С ее помощью блокируется стремление государства (а точнее – сил, которые монополизируют государство) свести многомерность и поливариантность целостного социума к одному – политическому – измерению, уничтожить разнообразие социальных структур и институтов, деперсонализировать личность. Следовательно, *функционально понимаемая конфликтность во взаимоотношениях между гражданским обществом и государством является необходимым элементом социальной динамики и неустранимым условием оптимизации и самосовершенствования всей социальной системы*. Характер, качество, тип и направленность этого взаимодействия может быть, следовательно, описано континуумом «конфронтация – игнорирование – партнерство». Те образования гражданского общества, которые вступают в конфронтацию с государством, представляют деструктивную конфликтность, создают напряжения и противоречия разрушительного толка, тормозят общественную динамику и позитивные преобразования (хотя при этом они не перестают быть элементами гражданского общества). Те же структуры гражданского общества, которые вступают в партнерские взаимоотношения с государством, работают на взаимоусиление совместных усилий, оптимизируют общественное развитие, ведут его к позитивному исходу. Степень функциональной конфликтности может быть выражена по-разному у различных сегментов гражданского общества: от максимально близкой к противостоянию и противоборству у представителей

¹ Протоконфликт – это ситуация, при которой субъекты способны осознать реально существующую совокупность противоречивых отношений, заданную спецификой их социальной природы и особенностями их деятельности, и трансформировать ее в позитивную форму взаимодействия по «снятию» этого противоречия.

правозащитных и частично экологических объединений до взвешенного компромисса у социально-ориентированных организаций и полного сотрудничества у политически-заинтересованных объединений.

Рассмотрим обстоятельнее механизм взаимодействия гражданского общества и власти с точки зрения принципов политической конфликтологии.

В деятельности власти, представленной, прежде всего, структурами современного государства, могут сочетаться два типа дихотомий: **господство – подчинение; руководство – принятие**. Если преобладает первый тип отношений, то идет навязывание одной и подавление другой воли. Это отношение предполагает позиционное неравенство сторон, монологовый, директивный режим выстраивания коммуникаций, свертывание и монополизацию информационных каналов, преобладание администрирования над публичной политикой. Чаще всего господство реализуется в жестких нормативах «можно – нельзя», «правильно – неправильно».

При преобладании второго отношения – доминирует ориентация на диалог, поиск компромисса и сотрудничества. Это реализуется в управлеченческих принципах организации, обращения, убеждения, выстраивания симметричных моделей политической коммуникации.

На практике сложная природа власти чаще всего является смешением принципов «господства и подчинения» руководства – с одной стороны, «руководства и принятия» – с другой.

Если дифференцировать современную российскую власть по субъектно-деятельностному основанию, то можно за фасадом официальной власти увидеть бесконтрольное и безответственное правление бюрократии. Об этом серьезно размышлял еще М. Вебер. Для чиновников характерна вера в то, что благодаря своей специальной подготовке и компетентности они обладают превосходством над публичными политиками (членами парламента, представителями общественности) и лучше понимают, в чем состоят истинные потребности государства как общенационального института. Но под видом интересов государства бюрократы во многих случаях отстаивали свои собственные интересы.

Главная опасность присутствия бюрократии во власти состоит в том, что наделенная функцией управлять, она в процессе своей деятельности абсолютизирует свои функции и из посредника между гражданским обществом и государством превращается в безраздельно властвующего субъекта.

Не следует упускать из виду, что государство может выступать во взаимодействии с обществом далеко не конструктивным партнером и блокировать поступательное развитие общества, подменяя общенациональные интересы узкоэгоистическими, корпоративно-чиновничими.

Фактором же угрозы для государства со стороны субъектов гражданско-го общества являются действия, несовместимые с приоритетами данной власти. Но причинно-следственные связи здесь будут выстраиваться по принципу – «народ является конечным источником любой политической власти»: если государственная власть перестает отвечать интересам народа, не обеспечивает эффективность управления, то она теряет авторитет и, соответственно, легитимность у населения, что может вызвать и более серьезные действия. Падение авторитета власти, ее престижа, утрата общественного доверия к ней – это острые сигналы скрытого социального конфликта между властью и обществом. И самый распространенный тип этого конфликта – *гражданское неповиновение*: массовые выступления, демонстрации, пикетирования, забастовки и пр. Но деструктивный и, соответственно, конфронтационный характер развертывания полной версии социального конфликта может привести к созданию альтернативных структур власти, незаконному наделению теми или иными властными правами общественно-политических объединений, съездов, национальных конгрессов, формированию вооруженных отрядов. Все эти опасные действия свидетельствуют о глубоком недоверии официальной власти и стремлении решать дела по собственному усмотрению.

К сожалению, такой поворот событий говорит о необратимом характере кризиса в системе «власть-общество», толкающего социум к гражданской войне, революциям, социальным взрывам, то есть стихийным, неинституциализиро-

ванным, а потому мало прогнозируемым и управляемым формам эскалации социальной конфликтности.

Гражданское общество должно быть заинтересовано в существовании не просто «ограниченного», т. е. не вытягивающего все жизненные соки из общества государства, но и государства – сильного, к которому можно не только адресовать требования, но и от которого можно ожидать, что благодаря своей силе оно эти требования способно удовлетворить.

Отказ от отношений с государством, основанных на принципах «игры с нулевой суммой», предполагает и утверждение соответствующей компромиссной культуры в тех ситуациях, в которых **сила государства и гражданского общества увеличиваются одновременно, взаимно усиливая друг друга**. Одним из итогов происходящей в последнее время переоценки зарубежной политической социологией концепции гражданского общества является вывод о том, что оно может способствовать упрочению демократии лишь в том случае, если *следует определенным правилам*. И одним из таких правил, судя по всему, чаще всего нарушаемых в посткоммунистических обществах является **установление здоровых, взаимополезных отношений между гражданским обществом и властью**.

Очень важно при взаимодействии государства с различными группами интересов сохранять и оптимизировать публичную сферу, в которой многообразие интересов «снизу» соприкасается со способностью и возможностью государства их услышать и реализовать. Сильное государство их фильтрует (функция квалифицированного контроля), согласно трем принципам – открытость (прозрачность); степень выраженности общественных интересов; демократичность механизмов реализации. Чем больше государство поглощается авторитарным режимом, тем больше оно будет ставить «барьеры глухоты» на пути общественных инициатив, идущих «снизу». При нынешнем «мягко-авторитарном» режиме – сохраняется моноцентричный актор (очень неоднородный внутри – господство политico-бюрократической верхушки чиновничества и крупного бизнеса, разделенного на определенные группы и кланы) и

преобладание неформальных институтов (правил и норм деятельности) над формальными. Это предполагает сохранение и активное функционирование патрон-клиентелистских отношений, что означает избирательное выстраивание «барьеров глухоты» и отношения ко многим структурам гражданского общества как к «приводным ремням» от «верхов» к «низам». В публичной сфере сталкиваются интересы квази-образований гражданского общества и его истинных носителей. И это серьезная проблема.

Наши исследования показали значительный функциональный дисбаланс, тесно связанный с важнейшей функцией публичной сферы, в рамках которой формируется – посредством общественного дискурса – публичный (общественный) интерес. Часто эта дисфункция манифестирует себя не просто проблемным, а более резким способом – через социальный конфликт. При этом исследователи отмечают, что в этом процессе важны характеристики основных субъектов конфликтного взаимодействия, а именно, качество развития самого *гражданского общества* и состояние *государства*, его важной атрибутивной характеристики – государственного управления, нацеленного на диалог с обществом и рассматривающего его как важнейший ресурс общественного развития, важный фактор принятия социально-значимых решений. И, безусловно, важно само состояние публичной сферы (ее прозрачность, доступность для всего многообразия частных, партикулярных интересов).

Общественный интерес не представляет собой механическую сумму частных интересов. Он рождается на пересечении совместных усилий, сигналов, запросов и ожиданий, идущих «снизу», от самого общества, и решений, посыпавших, поступающих «сверху», со стороны политico-государственных структур. Публичная сфера позволяет этим сигналам встретиться и, благодаря диалогу, взаимной рефлексии, активному обсуждению найти точки согласия, сопряжения и солидарности для формулирования общих целей и приоритетов, которые и составят содержательную основу общественного интереса. Способность представителей гражданского общества к этому взаимодействию с государством, в результате которого формируется понимание общественного блага и ин-

тереса, многие исследователи называют гражданственностью, гражданской культурой взаимодействия с государством. Некоторые исследователи [1, с. 15] отмечают, что по критерию *гражданственности* можно отделить общественные организации, которые в большей степени нацелены на реализацию только своих групповых интересов, не стремящихся выйти за рамки их удовлетворения внутри организации (клубы по интересам, например, и пр.), от тех организаций, которые ставят своей задачей решение общественных проблем, реализация которых может существенно помочь улучшению общественной жизнедеятельности неопределенного круга лиц. Решение этих проблем требует непрерывного участия государства в силу наличия общественного договора с гражданским обществом. Основное отличие этих гражданских объединений состоит в том, что они служат публичной цели, работают на достижение общественного блага. Результатом деятельности такого рода организаций является изменение социальных практик, отвечающих общественным (публичным) интересам.

Роль и качество развития публичной сферы в формировании и продвижении общественных интересов очень значима. Публичная сфера предстает, с одной стороны, как форум коллективного поиска гражданами общих целей и средств их достижения, с другой стороны, как область практических воплощений этих целей в систему отношений и институтов, образующих общественный сектор жизнедеятельности общества и государства. В этом пространстве осуществляются важнейшие функции взаимодействия власти и общества в формировании публичной политики, выражающей публичный (общественный) интерес. Артикуляция основных кластеров интересов общества в публичном пространстве служит средством и необходимой предпосылкой самоидентификации этого общества, определяющей суть и главные линии публичной политики. Они должны прозвучать в самом обществе, отчетливо заявить о себе, чтобы и власть, и сама общественность смогли их заметить и оценить. Тогда в повестке дня публичной политики выявятся вопросы, действительно волнующие общественность, проясняются приоритетность и очередность их решения.

Обобщая материалы качественных исследований, проведенных в трех регионах (Костромская и Ярославская области, Республика Татарстан) в рамках гранта¹ по поводу взаимодействия гражданского общества и региональной власти в решении проблемных ситуаций, связанных с отстаиванием и защитой общественных интересов, можно выделить некоторые особенности этого процесса.

Практически все представители экспертного сообщества трех регионов отметили важность наличия определенной компетентности со стороны общественности во взаимодействии с органами власти. Необходимы не только навыки сложной аналитической деятельности, которые позволяют делать грамотную экспертизу, взвешенные оценки, комплексное видение проблемы, но и требуются узкие компетенции, которые нацелены на решение узких предметных областей общественной жизнедеятельности. Не все организации готовы к такому систематическому и полноценному взаимодействию. Сохраняется и иждивенческая позиция общественных объединений, и «узость» их взгляда на проблему, и неумение вести конструктивное взаимодействие с представителями госслужбы. Так, представители костромских общественных организаций указали на отсутствие навыков ведения деловых переговоров у собственников ОДИ и представляющих их интересы общественных организаций, а также отсутствие толерантности и профессиональных познаний в сфере законодательства и права, что приводит к произвольному истолкованию юридически значимых фактов со стороны чиновников в отношении собственников МКД и общественности.

Практически все три региона указали, на то, что институциональная основа взаимодействия в публичном пространстве в общих чертах сложилась – есть соответствующие департаменты по связям с общественностью, заработали Общественные палаты, дает свой эффект и деятельность гражданских форумов, но... *«чтобы каналы обратной связи между обществом и властью работали эффективно, нужны шаги с обеих сторон. Профильные органы власти должны реально общаться со своей целевой аудиторией. Сейчас на уровне губернатора*

¹ Грант ИПГО № 555-13 за 2014 г. «Развитие навыков и обучение технологиям формирования и отстаивания общественных интересов при решении приоритетных задач социальной сферы региона».

тора о таких каналах говорить трудно. Власть должна быть готова к диалогу не только на бумаге, а на деле. А также реальными примерами добиваться доверия к себе. Это может замотивировать общественность предлагать свои услуги. В рамках портала «народного правительства» обществу даётся посыл и призыв к совместной работе. Но экспертное сообщество пока не оценило новые возможности и не принимает должного участия в его работе. Общественная палата и гражданские форумы помогают власти и обществу лучше слышать друг друга, но там обсуждаются общие проблемы. Для диалога по частным вопросам нужны более узкие диалоговые площадки. Также есть явный запрос на компетентного модератора такого общения. Многие эксперты также отмечают, что такие площадки должны быть более систематическими, не единичными» (из глубинного интервью ярославских экспертов).

Представители костромской экспертной мысли показали, что наибольший эффект при продвижении общественных интересов в защите ОДИ дает именно узкая предметная Комиссия по выявлению помещений общего имущества МКД, находящихся в собственности муниципального образования под председательством заместителя главы администрации города Костромы О. Болоховца. В нее входят представители Общественной палаты Костромской области, НКО «Костромская региональная Ассоциация ТСЖ и ЖСК», эксперты, четыре депутаты думы города Костромы и городской власти: «Комиссия – при всех ее недостатках – остается единственной и, по своему, уникальной площадкой для диалога и внесудебного решения спорных вопросов» (из глубинного интервью костромских экспертов).

Практически все участники экспертного сообщества оценили суд как наиболее громоздкий и неэффективный инструмент для защиты и продвижения общественного интереса: «...именно в суд чиновники отсылают в ряде случаев собственников ОДИ. Но это крайне непродуктивный, затратный по времени и по денежным средствам метод решения проблем с непредсказуемым результатом. Суды чаще всего занимают провластную позицию» (из интервью экспертов Костромы).

Неожиданно слабой оказалась роль региональных СМИ в формировании публичных возможностей для рефлексии и кристаллизации общественных интересов: *«региональные СМИ дают возможность общественности выступать или представлять свою точку зрения только по указанию власти»* (из интервью экспертов Костромы). Ярославские эксперты довольно чётко определили, что СМИ не являются инструментом формирования и проводником реального общественного мнения в регионе: *«с одной стороны, СМИ зависимы, так как принадлежат органам власти и поэтому дают одностороннюю интерпретацию ситуации. С другой, эту ситуацию поправляет интернет. Если к информации, полученной по ТВ, радио или из газет, добавить отфильтрованные новости и обсуждения в социальных сетях, электронных изданиях, то можно сложить достоверную картинку. Но сложно говорить о дискуссии, так как традиционные СМИ – односторонний инструмент, а в интернете – достаточно узкая аудитория»*.

В этой ситуации роль СМИ дополняют интернет-ресурсы, созданные при органах власти или специально под решение проблемы: в Ярославле активно работает портал «Народного правительства», в Костроме – интернет-сайты (tsgdom.ru/kos и др.), интернет-приемные, интернет-форумы. Но не все представители ТСЖ и домовых комитетов имеют к ним доступ, общественники более расположены к личным каналам общения, включая неформальное. Высокую значимость имеет прямой доступ к тем должностным лицам, которые принимают исполнительно-распорядительные решения непосредственно. И часто интернет и сетевое сообщество выполняют сигнальную функцию, чтобы проинформировать власть о проблеме и сформировавшемся противоречии и отмобилизовать своих сторонников.

Особо выделяется роль гражданского просвещения: *«в последнее время администрация города (с марта 2014 г.) под нацином со стороны общественности стала проводить обучающие семинары, обучение актива (Костромской городской Совет Управдомов и др.)»*.

В Казани с целью популяризации информации о водоеме Фонд поддержки экопарка создал сайт озера Харовое, на котором размещена информация об обитателях озера, внесенных в Красную книгу, о проводимых мероприятиях, планах по созданию экопарка, вариантах благоустройства.

Практически все представители экспертной мысли трех регионов отметили, что при решении проблем по защите и продвижению общественных интересов решающая роль остается за государством, его органами. Линия на доминирование государства (на деле государственной бюрократии) в публичной сфере распространяется на все структуры социума. Во взаимоотношениях с организациями гражданского общества, бизнес-сообщества властные органы ставят во главу угла усиление государственного начала. Эти организации и объединения рассматриваются ими как «приводные ремни», образующие контролируемую из одного центра тотальную систему управления обществом. При этом эксперты отметили, что нынешнее состояние системы госуправления не дает эффективной основы для формирования полноценной и долгосрочной стратегии конструктивного взаимодействия: *«органы власти и структуры гражданского общества не представляют заранее возможные точки социального напряжения по наиболее проблемным вопросам развития региона и местного сообщества. Такая работа велась какое-то время назад. Свидетельство тому – спокойная ситуация в межнациональных отношениях. Этому предшествовала многолетняя работа правительства и диаспор. На нынешнем этапе все работают «по факту» и можно говорить лишь о краткосрочной перспективе. Чиновники работают по контракту и у них нет стимула думать на перспективу. НКО ограничены в ресурсах, чтобы строить долгосрочные планы. Попытка изменения ситуации – это разработка стратегии развития Ярославии до 2025 года, к работе над которой привлекаются эксперты из разных сфер»* (из глубинного интервью экспертов Ярославля). Костромские общественники отмечают также некоторые элементы недоверия и зарегламентированности в деятельности административных структур, в превалировании корпоративных и коммерческих интересов над общественными: *«у администрации всегда есть*

потенциальная возможность что-то скрыть и продать то или иное помещение с торгов. Такие случаи были (март 2013 г.), когда уже функционировала Комиссия. Тогда было продано подвальное помещение по адресу проспект Мира, 94. Собственники возмущались, но администрация все равно выставила это помещение на торги и продала» (из глубинного интервью).

Казанский случай с защитой озера Харовое полностью строился на основе решения высшего должностного лица – президента РТ Минниханова Р.Н. – «анализ практики защиты общественных интересов позволяют говорить о существующем механизме решения социальных (в т. ч. экологических) проблем при взаимодействии общественности с политическим лидером региона, все иные формы коммуникации людей и властей различного уровня не являются достаточно эффективными в условиях национальной республики» (из материалов глубинного интервью экспертов Казани).

Провалы и институциональные разрывы во взаимодействии власти и гражданского общества, отсутствие навыков такого взаимодействия существенно блокируют процесс формирования, защиты и продвижения общественных интересов, поскольку это процесс обоюдный. Несущей конструкцией, своеобразным субстратом установления конструктивных отношений является способность и готовность выстраивать **симметричные**, основанные на **балансе интересов**, двусторонние связи представителей государственной власти и гражданского общества. Основой этого процесса выступает *искусство общения, налаживания эффективных коммуникаций*, которые позволяют выявить зоны *согласования интересов* и создать условия для их согласования. Эти технологии представляют такой способ достижения целей, при котором субъект и объект управления существуют не как разнополюсные, подчас антагонистические субстанции, но как взаимосвязанные субъекты общественных отношений, равно заинтересованные друг в друге и находящие «точки согласования интересов» как внутренний императив своего существования и успеха [7]. *«Власти необходимо не лениться прислушиваться к общественным инициативам и избегать формального подхода к обращениям. В свою очередь общественные организа-*

ции должны понять, что они призваны помогать исполнительным органам, и избавиться от принципа, согласно которому им все должны. Когда органам власти нужен иной взгляд и они обращаются к НКО за ним, те не должны отказываться и оставлять проблему на попечение только власти» (из материалов глубинного интервью экспертов Ярославля).

Обращение к технологиям эффективных коммуникаций и «связей с общественностью», понимаемым не просто как искусство построения общения, а как, прежде всего, управленческий процесс, позволяет представителям государства и гражданского общества снять потенциальный **конфликт отношений**, основанный на плохих возможностях общения, социальной стереотипизации восприятия; **информационный конфликт**, вырастающий на основе искажения, сокрытия информации или дезинформации; **ценностный конфликт**, основанный на противопоставлении ценностных убеждений и идеалов; и в какой-то степени – **структурный конфликт**, который базируется на неравноправии сторон, несправедливом распределении власти и полномочий, ресурсов, возможностей влияния на процесс принятия решений [6, с. 28].

В целом, обобщая рассмотрение вопроса о характере взаимодействия государства и гражданского общества в аспекте формирования публичных (общественных) интересов, можно констатировать, что современные демократические государства, включая и те, которые ими стали недавно, объективно стремятся к построению партнерских отношений с гражданским обществом, понимая, что опора на гражданское общество – это мощная «корневая система», придающая общественную силу и устойчивость политической системе общества. Однако поиск оптимума в этом взаимодействии идет сегодня очень не просто. Социокультурные сдвиги общества постмодерна отличаются «утончением» социальной ткани, нарастанием хрупкости социальных связей, их «виртуализации». *Социальный механизм осуществления государственного управления стал сложнее и противоречивее*, так как именно к горизонтальному уровню «стянулась» живая энергия развивающегося социума и именно он острее и оперативнее «схватывает» назревающие в толще реальной жизни потребности и про-

блемы общественного развития. В этом смысле особая роль ложится на *систему представительства социальных интересов* в рамках государственного управления, что позволяет постоянно поддерживать режим баланса во взаимоотношениях государства и общественных ассоциаций, защищая его от угрозы «сваливания» в деструктивное русло. И роль эффективного механизма такого представительства взяло на себя *межсекторное социальное партнерство* – как особая социальная технология, соединяющая поиск баланса интересов на основе выявления «зон согласия», поиска компромиссов в условиях плюрализма и несовпадения частных, групповых интересов. Эта технология приучает двигаться от *эгопартиуляризма* в направлении выявления основ *общественного блага и общих интересов*. Это требует, в свою очередь, всемерного развития публичной сферы и такого ее важного элемента как института формирования, отстаивания и продвижения общественного интереса, который может работать только при наличии каналов обратной связи между властью и гражданским обществом.

Вызов «публичности» в условиях сетевого общества, которым постепенно становится наша страна, востребовал новый тип гражданской компетентности – профессионализма, умения договариваться «по существу дела», без вмешательства внешних посредников. Процесс подготовки и принятия решений стал особенно чувствителен к требованиям процедуры. Произошло заметное расширение круга участников. В принимаемых решениях стала просматриваться попытка установить связь с реальными интересами и настроениями различных групп интересов. Но этот поворот весьма хрупок и пока достаточно противоречив. Открывая новые возможности для представителей гражданского общества, он создает и новые проблемы. Во-первых, к участникам предъявляются иные, чем раньше, требования. Чтобы успешно работать в режиме консультаций, гражданскому обществу необходимо наращивать компетенцию в вопросах государственной политики и защищать свою общественно-политическую автономию и право на равноправное участие в принятии социально-значимых решений. В области компетенции административная власть обладает «естествен-

ной монополией». Она доминирует не только как центр исполнительно-распорядительной власти и политического влияния, но и как монополист на профессиональную компетентность. Опыт непростого и противоречивого процесса формирования независимой системы оценки качества услуг в социальной сфере в Ярославской области это подтверждает. Всем ясно, что запрос на качественные социальные услуги населению, защищенные от коррупции, это выражение общественного интереса, но он нуждается в системной реализации: правовой, методической, экспертной, организационной и пр. И представители гражданских организаций здесь поставлены в непростую ситуацию.

Во-вторых, режим консультаций порождает опасность усиления бюрократического корпоративизма. Традиционное чиновничество не готово к постоянному и равноправному диалогу с партнерами, которые пытаются войти в круг общественных консультаций. Формирование государственной региональной политики оно по-прежнему рассматривает как составную часть своих прерогатив. Участие общественных сил воспринимается как покушение на суверенную территорию исполнительной власти. Существующая система принятия решений демонстрирует устойчивую склонность превращать «режим консультаций» в декорацию традиционно бюрократической политики. Поэтому «режим консультаций» работает в той мере, в какой высшая политico-государственная власть заинтересована оказывать политическое давление на участников, при нуждая их к лояльности и сотрудничеству. Многие перспективные общественные организации и структуры, не обладая надежными каналами представительства интересов и политическими связями, оказываются вне сферы «парадигмы согласования», которая пока все больше функционирует в духе бюрократически-элитистского корпоративизма.

Многие представители некоммерческого сектора пока слабо владеют на выками культуры конфликта, романтически полагая, что конфликт – это легко управляемая «материя», которую они могут одолеть с «наскока», односторонними действиями, пробивая преимущественно свой односторонний интерес, не задумываясь над тем, каковы интересы, позиции, подходы, ценности, реальные

возможности противоположной стороны, в данном случае – представителей госаппарата и исполнительной власти. И – в случае неудачи – сразу «возгоняют» ее в образ врага, а конфликт – в форму конфронтации, лобового, часто ультимативного, столкновения, что существенно повышает социально-политические риски такого рода взаимодействия. Но ни одно государственное ведомство в мире не любит подобного рода конфликтных действий в силу их стихийной импровизации, большого «элемента улицы» и эмоциональной неуправляемости. Часто для удовлетворительного и полномасштабного решения проблемы требуется широкий спектр конфликтных действий – *от переговорных усилий и посредничества, законодательных инициатив и слушаний, экспертизы и мониторинга, до судебных исков и разбирательства, а иногда и акций гражданского неповиновения.*

Во всех этих действиях требуется **конфликтологическая компетентность**, которая приучает представителей третьего сектора к большему професионализму, культуре взаимодействия с государственными органами, предоставляя инструментарий всесторонней диагностики конфликтной ситуации и широкий набор технологий воздействия на ее решение, а представителей государства ориентирует на признание альтернативных позиций, на уважительный диалог с общественностью и выработку соответствующей правовой базы для длительного партнерства с некоммерческим сектором. И надо с самого начала прямо признать, что это взаимное движение навстречу друг другу – процесс, который в целом создает атмосферу совместного диалога и доверия, в котором представители третьего сектора лучше формулируют «низовые» общественные интересы, способствуют созданию необходимых механизмов согласования позиций общественности и государства, а представители последнего лучше понимают общественные противоречия, наконец, в силу своего положения, принимают решения, влекущие юридические последствия. И именно в этом состоит позитивная роль конфликта, поднятого до уровня **культуры конфликтного оппонирования**.

Как показывают последние исследования некоммерческого сообщества (Халий И.А., Аксенова О.В. [9]), в данном сегменте гражданского общества наблюдается тенденция к коалиционной активности и созданию коалиционных структур для достижения своих целей: обмен информацией и опытом, выполнение совместных проектов, акций и кампаний и пр. Но одним из самых главных свидетельств солидаризации внутри данного сообщества, по мысли авторов, можно считать крепнущую тенденцию на углубление *гражданского образования*, способствующего осознанию россиянами самих себя как граждан страны, формирующего у них гражданскую позицию, ответственное отношение к своей жизни и к развитию общества в целом, действенное восприятие реализующихся в современных условиях процессов [9, с. 248]. Все это, по мнению самих респондентов, будет способствовать включению более широких слоев граждан в активность НКО и сплочению самих общественных организаций как части формирующегося гражданского общества. В прежние годы такой ярко выраженной и четко сформулированной установки, реализующейся в виде конкретной социальной технологии – гражданского образования – не фиксировалось. Кроме того, гораздо больше, чем прежде, НКО уделяют внимание развитию гражданского общества в России, выделяя это как значимую в ряду других проблему и предлагая способы и методы действия в этом направлении.

Особое место в инициирующемся НКО процессе взаимодействия с властями занимает налаживание диалога в формате переговоров, консультаций, «круглых столов» и прочих согласительных процедур. В результате появляются определенные механизмы и институты взаимодействия в виде совместных рабочих групп, экспертных советов, общественных палат, договоров о сотрудничестве и т.п., что свидетельствует о крепнущей тенденции углубления различных технологий межсекторного социального партнерства.

Исследования показали, что даже протестную активность НКО можно интерпретировать как их стремление к консолидации [9, с. 249]. Вскрывая назревшие проблемы, НКО привлекают к их решению заинтересованные стороны, способствуют формирования и манифестиации позиций представителей вла-

сти и заинтересованных субъектов, предрасполагают к новой расстановки социальных сил общества. В конечном итоге, это приводит к установлению контактов между противоборствующими сторонами, развитию переговорного процесса, достижению согласия. Данные тенденции в свое время были зафиксированы исследованиями Л. Никовской и В. Якимца [6, с. 25]. Ученые выявили, что в «продвинутых» регионах (Санкт-Петербург, Пермь, Новосибирск) и сотрудники НКО, и госслужащие отметили, что в их взаимоотношениях присутствуют и негативные, и позитивные моменты, хотя доминируют все-таки позитивные. Был выявлен интересный феномен: для определенного типа регионов характерно *бимодальное распределение* оценок характера взаимодействия с разными масштабами «пиков» в негативной и позитивной частях шкалы, характеризующей взаимодействие. *Это такие регионы, где у НКО имеется четко выраженная позиция по ключевым вопросам социальной политики, которая не совпадает с позицией власти.* И поэтому наряду с разными формами сотрудничества, существуют противоречия (в виде конфронтации, разногласий, столкновений позиций и др.).

Таким образом, подтверждается одна из важных закономерностей формирования представителями некоммерческого сообщества демократической консолидации общества, ориентированной на создание *конкурентной среды* во всех сферах жизнедеятельности общества при формулировании, продвижении и поддержании *общих базовых ценностей и интересов* (в отличие от унифицирующей консолидации, направленной на создание гомогенного социально-политического и идеологического порядка, который базируется на монополизме власти и на социально-патерналистских ориентациях населения и его основных общностей [8, с. 5]). И эта консолидация, которая основывается на реальном проявлении социального капитала, вырастает «снизу», из совместной кооперативной деятельности, в которой складывается базовая солидарность и проявляется в действии социальный капитал как устойчивая форма социальных сетевых взаимодействий на основании норм взаимности и доверия. И как правильно подметил А.В. Дмитриев, при таком типе консолидации общества «на-

пряженность не всегда должна сниматься, а враждебные чувства, иногда и действия, канализироваться или подавляться. Конечно, конфликтность часто затрагивает основы единения, но может быть и орудием их упрочения, если участие в нем имеет локальный, частный, а не тотальный характер. Недовольство, которое довольно быстро разрешается или удовлетворяется, а не накапливается, способствует выживанию социума и системы» [4, с. 221].

Таким образом, проведенный анализ приводит к выводу, что гражданское общество следует рассматривать не как противовес, а как цемент – базис и фундамент сильного и эффективного российского государства. Гражданское общество должно работать, обеспечивая сплоченность общества «снизу». Гражданские инициативы создают поводы для привлечения все большего количества граждан страны к общественному полю деятельности, к общественным интересам. Тем самым, развивая гражданскую самоорганизацию, происходит, по сути, повышение включенности населения в контекст государственной управляемости, но не навязанной, не гомогенной, а живой, плюралистичной, приучающей жить в единстве многообразия интересов. С другой стороны, всегда есть определенный уровень потребности в выражении общественной активности. Если в ее реализации не примет участие государство, этим займется кто-то еще – как в конструктивном, так и в протестном направлении. Развитие общественных организаций создает замкнутый цикл – они повышают причастность каждого гражданина к изменениям в своей стране. В то же время, по мере накопления опыта общественной работы, вероятность участия в этой сфере в дальнейшем увеличивается. Невозможно в этом отношении не согласиться с выводами Г.Г. Диленского, что «социальный и культурный капитал создает весомые потенции дальнейшего развития гражданского общества. Ключевым моментом, определяющим вектор этого развития, являются отношения гражданских организаций с властью...» [3, с. 15].

Таким образом, в осмыслении проблематики взаимодействия двух этих субъектов социально-политического процесса – государства и гражданского общества – наметились определенные сложности, и связаны они с необходимо-

стью пересмотра прежних однозначных толкований роли гражданского общества в процессах демократизации и исследовании не только «вклада», который оно вносит в становление демократии, но и тех противоречий и напряженностей, которые оно создает [2, с. 136–172]. Государство и гражданское общество постоянно ведут диалог, как бы дополняя друг друга, выполняя функции, нейтрализующие и ограничивающие слабости оппонента. И они одновременно вносят элемент напряжения и противостояния друг с другом. Таким образом, гражданское общество само по себе еще не гарантирует демократии, справедливости и стабильности. Для того, чтобы максимально раскрылся потенциал гражданских отношений и были найдены эффективные средства нейтрализации негативных тенденций, в этом взаимодействии *необходим оптимальный баланс сил и влияний*. «Социальная справедливость, – замечает американский политолог А. Янг, – требует взаимных ограничений со стороны государства, экономики и гражданского общества» [10, р. 192]. Думается, анализ взаимодействия гражданского общества и государства весьма содержательно обогащается при обращении к парадигмальным возможностям теории конфликта.

Таким образом, суммируя, можно сказать, что знание основ *конфликтологии* может научить *умению* самоорганизовываться, чтобы осознать и защищать свои интересы, *умению* учитывать интересы противоположной стороны в процессе конфликтного взаимодействия, *культуре диалога* и восприятию аргументации контрагента конфликта, поиску зон согласия в процессе выработки компромиссного решения для формирования и продвижения общественного (публичного) интереса. Помимо прочего, это призвано сформировать в обществе и соответствующий духовно-нравственный климат, когда разнообразие взглядов, позиций, интересов – при условии их конструктивного взаимодействия – будет цениться выше, чем казенный единизм. Главное же состоит в том, чтобы «открывая», легитимируя конфликт, привить обществу иммунитет от его деструктивных, разрушительных, насильственных форм, тем более, что именно преобладание таких форм в нашем недавнем и далеком прошлом дискредити-

рует само понятие конфликта и серьезно препятствует формированию конфликтологической парадигмы мировосприятия в современной России.

В нынешних условиях мы наблюдаем противоречивую ситуацию по развитию институтов публичной политики, и в частности, института формирования и продвижения общественных интересов. Проведенная нами исследовательская и практическая работа проблематизировала общий контекст этой ситуации – как сделать эффективной систему социального представительства общественных интересов в условиях незавершенности процесса трансформации, как приспособить управленческий механизм государства к заметным сдвигам в гражданском обществе, чтобы суметь более адекватно учесть возрастающий плюрализм социальных групп и их социокультурных, национальных предпочтений. А с другой стороны, само гражданское общество задается вопросом – насколько оно эффективно, организованно, консолидировано и компетентно для артикулирования, продвижения и защиты общественных запросов, готово к системной и кропотливой работе по взаимодействию со специалистами госуправления, обладает ли необходимым уровнем профессионализма, чтобы представить независимую экспертную оценку и контроль деятельности органов власти, что и делает гражданское общество самостоятельным и сильным игроком, способным ограничивать экспансию государственной бюрократии в сферу общественной жизнедеятельности, что обеспечивает подлинное развитие и стабильность общества. Ответом на поставленные вопросы в какой-то мере послужили проведенные нами исследования.

Литература

1. Беляева Н.Ю. Гражданский контроль и гражданская экспертиза нормативных актов // Президентский контроль. – 2006 – № 1.
2. Вайнштейн Г.И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций. – Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна: ООО «Феникс», 2001.

3. Дилигенский Г.Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // *Pro et Contra.* – 1997. – Т. 2, № 4.
4. Дмитриев А.В. Деэскалация конфликтов как путь стабилизации региональных социумов // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. – М.: ИС РАН, 2010.
5. Никовская Л.И. Трансформация в России в контексте социального конфликта. – М., 2004. – Ч. 2.
6. Никовская Л.И., Якимец В.Н. От конфликта к межсекторному партнерству // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Том IV, № 1(21).
7. Связи с общественностью в политике и государственном управлении. – М., Изд. РАГС, 2011.
8. Условия и возможности консолидации российского общества. Сборник научных трудов ИС РАН / отв. ред.: А.В. Дука, И.И. Елисеева. – СПб.: Нестор-История, 2010.
9. Халий И.А., Аксенова О.В. Активность структур гражданского общества: ориентация на взаимодействие социальных субъектов // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. – М.: ИС РАН, 2010.
10. Young I.M. *Inclusion and Democracy.* – N.Y.: Oxford University Press, 2000.

**РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ
В СФЕРЕ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
(ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И МИРОВОЙ ОПЫТ)**

Тимофеева Л.Н., д.полит.н., профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия

**REGULATION OF THE CONFLICTS
IN THE SPHERE OF POLITICAL ADMINISTRATIVE MANAGEMENT
(DOMESTIC AND INTERNATIONAL EXPERIENCE)**

Timofeeva L.N., Doctor of political sciences, professor,
The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia

Аннотация. В статье анализируются причины возникновения конфликтов в области политico-административного управления и способы их регулирования. Даются характеристики политического и административного управления, выявляются противоречия между политico-государственной властью и социальной властью. На примере ряда стран описан опыт урегулирования конфликтов в изучаемой сфере (традиция посредничества, посреднический процесс, примирительные комиссии, омбудсманская служба, федеральная служба примирения и посредничества, трибуналы, министерские расследования). Делается вывод о том, что стратегии разрешения конфликтов зависят от анализа интересов сторон.

Ключевые слова: государственная служба, посредничество, конфликт, чиновник, служащий, управление, примирение, интерес.

Abstract. In the article the reasons of emergence of the conflicts in area of political administrative management and ways of their regulation are analyzed. Given the characteristics of political and administrative control, reveals the contradictions between political and state power and social power. On the example of a number of the countries experience of settlement of the conflicts in the studied sphere is described (tradition of mediation, intermediary process, the conciliatory commissions, ombudsman's service, federal service of reconciliation and mediation, tribunals, ministerial investigations). It is concluded that the strategies of conflict resolution depend on the analysis of the interests of the parties.

Key words: public service, mediation, conflict, official, employee, management, reconciliation, interest.

Рассуждая о политico-административном управлении (ПАУ)¹, мы подразумеваем прочный симбиоз политического, административного (технологического) и социального этажей этой сложной конструкции, где главными действующими лицами выступают политики, чиновники и общество. Но каждый из них, одновременно, имеет определенные черты, отделяющие их друг от друга, несмотря на то, что это один процесс, кажущийся гомогенным. Тем самым мы обнаруживаем конфликтный потенциал ПАУ, под которым следует понимать совокупность обстоятельств и факторов, способствующих возникновению, формированию, развитию и протеканию конфликтов в политico-административной сфере. Что же это за «обстоятельства» и «факторы», способствующие конфликтогенности ПАУ и как она регулируется?

¹ Под политico-административным управлением мы понимаем деятельность органов власти по выполнению функций государства или местного сообщества в рамках, определяемых конституционно-правовыми нормами, политическими установками, протекающая в определенном социальном и политico-культурном контексте, во взаимодействии с гражданами и их организациями, СМИ, органами принятия политических решений.

Связь между политическим и административным управлением заключается в том, что политик определяет цель, ценности, основные правила игры, направление движения государства и общества, а администратор думает, как можно эту цель достичь и эффективно двигаться в этом направлении. Будучи лоялен правительству, бюрократ принимает решения, согласующиеся с его политическим курсом.

Вместе с тем между ними существуют и различия. Политическое управление чрезвычайно чувствительно к общественному мнению, массовым настроениям в обществе. Оно подвержено влиянию текущих событий как внутри страны, так и за рубежом. На нем лежит отпечаток идеологических предпочтений лидеров. Таким образом, можно сказать, что успешное политическое управление предполагает нормативно-ценостные знания, обращенные на выяснение целесообразности действий в пределах всего общества и государства и оценочных характеристик с их стороны.

Напротив, административное управление более рационально и технологично, функционально организовано, иерархично, решает конкретные задачи и согласуется с законами, регламентами, инструкциями, внутренним распорядком и т. д. Для административного управления нужны нормативно-позитивные знания, направленные на анализ конкретной ситуации и ее последствий.

Можно сказать, что политическое управление занимается стратегией, а административное – тактикой. Первое отвечает на вопросы: что, зачем, почему? Второе – как и при помощи чего?

Третий этаж ПАУ – социальный, он связан с обществом, которое придает импульс, «дает задание» всему процессу управления. В любом государстве постоянно воспроизводится противоречие между политико-государственной властью, где субъектом является государство и политико-негосударственной властью (социальной властью), где субъектом выступает общество и его институты – (партии, прежде всего, политическая оппозиция; движения; группы давления; самодеятельные организации, местные сообщества граждан). Социальная власть действует посредством соучастия в управлении в виде различных обще-

ственных советов, комиссий, комитетов при органах государственной и муниципальной власти, а также массовых выступлений, обращений, давления через прессу, путем формирования определенного общественного мнения, с которыми вынуждена консультироваться и считаться государственная власть. Иными словами, она является одновременно соавтором и контрагентом политико-административного управления. По мнению Г.В. Атаманчука, необходимо не только различать политику и государственное управление, но и тот факт, что политическое рождается в гражданском обществе: «во-первых, сфера политики и сфера государственного управления не совпадают полностью друг с другом, не накладываются одна на другую: политические интересы реализуются не только через государственное управление, также как и государственное управление занято решением не только политических проблем. Во-вторых, политическая деятельность, которая, хотя и направлена, в конечном счете, на управление государственными и общественными делами и в этом, собственно, и выражается, имеет более широкий смысл, ибо включает в себя теоретическую деятельность в сфере политики, деятельность по формированию политического сознания людей, политическую пропаганду и агитацию, политическую организацию. *В-третьих, политическая деятельность в своем, так сказать, “фундаменте” осуществляется в гражданском обществе и выступает относительно самостоятельной по отношению к государству [1, с. 85] (выделено Л.Т.)».*

Гражданское общество действует согласно закону и, одновременно, своего понимания справедливости, не исключая гражданское неповиновение в случае несогласия с деятельностью политиков и бюрократов. Управление обществом, человеческим поведением осуществляется еще и посредством морали, нравственных норм. Эти самообязывающие нормы, «неписанные правила» создаются самими гражданами и означают по существу общественное самоуправление. Они основываются на культуре, отличающейся от юридико-документной культуры большей неопределенностью и широтой толкования. По мнению специалиста в области изучения социальных норм и правил В.Д. Плахова [2, с. 743], бюрократическая организация общества в известном смысле

противостоит его моральной организации и отличительной чертой моральной организации человеческого поведения служит морально-нarrативное бытие, что по существу исключает необходимость бюрократического института власти и вообще государственного документно-нормативного управления обществом.

Итак, из представленных выше рассуждений мы видим, что у каждого из этажей политico-административного управления есть свои цели, ценности, резоны и ориентиры, которые не совпадают друг с другом и которые могут создать серьезные сложности в управлении страной, если не будет точного понимания того, как этот процесс можно отрегулировать. Речь идет о различных этосах¹ функциональных ролей, исполняемых политиками, бюрократами и социальными субъектами в общем поле культуры и одновременном существовании в ПАУ как минимум трех культур: идейно-нarrативной, приписываемой политикам; юридико-документной, свойственной бюрократии; и морально-нarrативной, характерной для общества, которые и являются причиной противоречий и конфликтов между ними, но также и источниками развития.

Отсюда возникают проблемы, связанные с эффективным регулированием противоречий и конфликтов, возникающих в сфере политico-административного управления. Что-то регулируется исключительно судебно-правовым способом, что-то на моральной и добровольной основе.

Регулирование конфликтов *на политическом этаже управления* подвластно таким институтам как Конституционный суд РФ, конституционные суды республик и уставные суды других субъектов Федерации, Верховный суд РФ и верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального подчинения, суды автономной области и автономных округов. Для их разрешения используются специальные процедуры: парламентские слушания, рассмотрение дел в комитетах и на заседаниях комиссий верхней и нижней палаты парламента, импичмент президенту, досрочный распуск парламента, досрочные выборы, референдумы, массовые опросы населения, процедуры российской юстиции и др.

¹ Этос – в переводе с греческого – обычай, правила поведения.

К примеру, в 1992 г. после неудачной попытки Президента РСФСР Б. Ельцина распустить Съезд народных депутатов начались согласительные процедуры между исполнительной властью и оппозиционным ей парламентом. В итоге парламент и президент при посредничестве Конституционного Суда заключили, сев за первый в истории России «круглый стол», мирное соглашение. Исходом организованных по инициативе председателя Конституционного Суда В. Зорькина консультаций между делегациями во главе с Б. Ельциным и Р. Хасбулатовым стало представление съезду и утверждение им 12 декабря 1992 г. компромиссного постановления «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации». На какое-то время оно помогло приостановить кризис власти в России. Последствиями достигнутого компромисса стали отставка с поста главы правительства Е. Гайдара и замена его В. Черномырдиным, а также принятие решения о проведении референдума по основам Конституции России. Однако в дальнейшем «круглостольный процесс» как форма регулирования социально-политических конфликтов в России дискредитировал себя, поскольку использовался сторонами не для действительного урегулирования конфликтов, а как средство достижения временного перемирия в борьбе за победу только своих интересов, и применен был как прикрытие для перегруппировки сил.

«Дело КПСС» – наиболее громкое судебное дело 1992 года, в котором Конституционный суд Российской Федерации рассмотрел вопрос о конституционности указов президента Ельцина о приостановке деятельности КПСС и КП РСФСР, их имуществе и роспуске. По Указу о приостановлении деятельности КП РСФСР было признано не соответствующим Конституции предписание министру внутренних дел и прокуратуре «проводить расследование фактов антиконституционной деятельности» партии, а также пункт о вступлении указа в силу с момента подписания. По другим указам суд признал неконституционным роспуск оргструктур первичных парторганизаций, образованных по территориальному принципу, но оставил в силе роспуск руководящих структур КПСС и КП РСФСР. Распоряжения о передаче имущества компартии органам

исполнительной власти были признаны конституционными по отношению к той части управляемого КПСС имущества, которая являлась государственной или муниципальной собственностью, и неконституционными по отношению к той части, которая либо являлась собственностью КПСС, либо находилась в ее ведении, хотя права собственника вообще не были определены документально. По вопросу о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР производство было прекращено в связи с тем, что в августе-сентябре 1991 года КПСС фактически распалась.

В мировой практике положительным опытом переговорного способа урегулирования конфликта между действующей властью и контрэлитой стало проведение процедуры «круглого стола»: заключение «Пакта Монклоа» (1977 г.) в Испании между коммунистами и правительством; достижение «демократического согласия» при формировании парламентского большинства в Италии с участием ИКП (1978–1981 гг.); подписание соглашения при создании социалистико-коммунистического правительства во Франции (1981–1984 гг.); заключение соглашения о «круглом столе» между ПОРП и «Солидарностью» в Польше в 1988–1989 гг.

Конфликты на *административном этаже* разрешаются сначала в досудебном порядке с помощью комиссий по служебным спорам, по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов. Сегодня такие комиссии созданы в органах государственной власти в большинстве субъектов РФ.

Одним из механизмов регулирования политических и государственных конфликтов в обществе является институт президента и премьер-министра. В августе 2014 г. Владимир Путин воспользовался процедурой регулирования конфликтов в виде отрешения от должности губернатора Брянской области Николая Денина, который был обвинен в превышении должностных полномочий.

Тогда же общество узнало об одном казусе решения конфликта морально-правового характера. Председателем правительства Дмитрием Медведевым был освобожден от должности из-за нарушения одной из статей закона

о госслужбе заместитель министра экономического развития РФ Сергей Беляков. Он на своем сайте, растиражированном СМИ, попросил прощения за решение правительства РФ продлить заморозку пенсионных накоплений на 2015 год, подчеркнув, что ему стыдно за невыполнение властями обещания ограничить мораторий лишь 2014 годом. В решении говорится: «В связи с прохождением гражданской службы гражданскому служащему запрещается допускать публичные высказывания, суждения и оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности государственных органов, их руководителей, включая решения вышестоящего государственного органа либо государственного органа, в котором гражданский служащий замещает должность гражданской службы, если это не входит в его должностные обязанности». Казус заключается в том, что по юридическому закону Беляков виноват, а по моральному закону, по справедливости – прав. Но критиковать правительство самому его члену не позволено. Это могут сделать граждане и их институты.

Для этого на социальном этаже ПАУ есть свои институты защиты интересов граждан в конфликте с государством. Действительно, органы государственного управления сосредоточивают в своих руках колоссальные материальные, административные, информационные, культурные и другие ресурсы, созданные трудом всего общества. В идеале они должны быть использованы в интересах этого общества, в соответствии с выработанным и утвержденным парламентом или президентом политическим курсом. Любой гражданин может и должен контролировать процесс распределения общественных благ, поскольку он является субъектом политических и административных прав. И для этого у него должны быть реальные рычаги – гражданские и политические права, чтобы проконтролировать законность действий чиновников и реальные институты, защищающие его интересы типа общественных приемных при органах власти, общественных палат, омбудсманов, призванных отстаивать права различных категорий населения и т. д.

В этом случае, кроме судов, у них есть институт Уполномоченного по правам человека, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, Общественная палата РФ, общественные палаты в субъектах РФ, различные формы альтернативного разрешения споров: переговоры, посредничество, третейский суд.

В частности институт омбудсмана это служба, предусмотренная Конституцией или актом законодательной власти и возглавляемая независимым публичным должностным лицом высокого ранга, которая ответственна перед законодательной властью, получает жалобы от пострадавших лиц на государственные органы, служащих, нанимателей или действует по собственному усмотрению и уполномочена проводить расследования, рекомендовать корректирующие действия и представлять доклады. В задачи омбудсмана входит: формирование толерантных отношений граждан и органов исполнительной власти; снижение конфликтности в сфере управления; уменьшение негативных последствий бюрократизации административного аппарата; укрепление гуманных начал в административной системе; побуждение должностных лиц руководствоваться кодексом административной этики; воспитание у граждан культуры участия, сознания своего права на надлежащий уровень управления; просвещение в области прав человека.

Омбудсман необходим прежде всего для социально и политически уязвимых, незащищенных членов общества, которые могут положиться на его помощь, поскольку услуги влиятельных друзей или суда для них недоступны.

Суть омбудсмана проявляется в организации им контроля за деятельностью должностных лиц и в его свойстве быть посредником между государством и гражданским обществом в решении возникших между ними конфликтов методами компромисса и согласия. Омбудсмановское сообщество насчитывает более пятидесяти государств.

Мировой опыт показывает, что омбудсманы не ограничивают свои функции разрешением конфликтов между гражданами и различными администрациями. В Испании и Франции они занимаются еще и законотворческой дея-

тельностью, представляют интересы граждан перед Конституционным судом, где оспаривают конституционность нормативных актов и законов. Провинциальные уполномоченные в Канаде разработали для органов управления специальные кодексы административного поведения, а Парламентский уполномоченный по делам администрации Великобритании постоянно вносит свой вклад в совершенствование национальной доктрины «хорошего управления»: в ежегодных докладах парламенту он формулирует определения ненадлежащего выполнения административных функций и приводит примеры «плохого управления».

Исторически сложилось так, что суды Дании, Финляндии и Швеции не контролируют администрацию, а эту функцию выполняет исключительно омбудсманская служба. Англичане, восприняв идею омбудсмена, отвергли систему административных судов. В США огромные размеры государства, гетерогенное население с полярными социальными статусами, двухпартийная система с соперничающими партиями, президентская форма правления с подчинением высших гражданских служащих президенту, привилегии секретности исполнительной власти, отсутствие резкой грани между политикой и управлением – все эти факторы не способствовали появлению омбудсмана в федеральном масштабе. Зато на уровне штатов действует более 20 легислатурных и исполнительных омбудсманов (квазиомбудсманов).

Время от времени госслужащие могут брать и на себя роль арбитра. Такая роль аналогична традиционному взгляду на чиновников как на начальников, распорядителей, управляющих. Чиновники превращаются в протосудей и, применяя протосудейские методы, разрешают конфликты. Их задача заключается в том, чтобы найти такое решение, с которым согласятся оба конфликтанта, иначе такое миротворчество не имеет смысла.

В США с 1935 г. успешно действует государственное учреждение Федеральная служба примирения и посредничества (ФСПП). На нее возложена функция цивилизованного разрешения возникающих конфликтов. Только за тридцать послевоенных лет эта служба сумела помочь в разрешении более 511 тыс. конфликтов. Благодаря ее стараниям число забастовок снизилось

в 120 раз. В этом подразделении работает всего 322 сотрудника, но диапазон их деятельности обширен – от наблюдения и контроля за напряженной ситуацией в штатах до активного участия в переговорах. ФСПП финансируется правительством – ее годовой бюджет до недавнего времени составлял 32 млн. долл. – и отчитывается перед конгрессом США, одновременно готовя доклады и свои предложения президенту страны.

Однако нередко сами госслужащие выступают сторонами конфликта. По мнению ряда исследователей, она не противоречит демократической концепции сдержек и противовесов. Чиновники часто представляют (активно или пассивно) различные политические силы. Например, экономический блок в Правительстве Российской Федерации могут представлять министры, выражающие либеральные политические взгляды. Конфликты, возникающие между ними и левыми фракциями в Государственной Думе по поводу реформы жилищно-коммунального хозяйства или пенсионной реформы, должны решаться в рамках закона. Открыто осознавая себя стороной в конфликте, чиновники должны осуществлять свои правовые, служебные и конституционные права для поиска выхода из него через согласительные комиссии, парламентские слушания и т. д.

Для предотвращения конфликтов между государством и гражданами используется общий контроль, который осуществляют Президент, Правительство Российской Федерации, правительства республик, администрации субъектов Федерации; ведомственный – органы отраслевой компетенции; надведомственный контроль – органы межотраслевой компетенции.

В связи с усложнением конфликтов на всех этажах политико-административного управления сложнее и разнообразнее становятся механизмы переговорного процесса с помощью третьего лица – посредника. Интересен в этом аспекте мировой опыт. В Великобритании, стране, являющейся лидером по процедурам посредничества и примирения, например, административные конфликты улаживаются в двух формах: трибуналами, представляющими «ненормальные» административные суды, независимые от других учреждений, и министерскими расследованиями.

Трибуналы действуют, главным образом, в случаях назначения социальных пособий и оказания других социальных услуг. Задача трибунала – установление наличия у конкретного лица права на пособие или услугу, предусмотренные конкретным законом. Британский трибунал должен быть беспристрастным арбитром в споре между частными лицами и администрацией. Он не может выступать от имени учреждения, как это бывает в США. Трибуналы полностью независимы от администрации, и госслужащие не могут заседать в них. Трибуналы комплектуются юристами, работающими в них по совместительству. Члены трибуналов работают неполный рабочий день, а иногда и бесплатно.

Министерские расследования проводятся тогда, когда решаются политические вопросы и перед принятием решения необходимо выслушать мнение заинтересованных лиц и общественности. Они проводятся по жилищным вопросам, в сфере землепользования, в частности, в случаях принудительного выкупа земельных участков у частных лиц для целей общего пользования. Эти вопросы считаются политическими, поскольку затрагивают интересы не только конкретных частных лиц, но и населения отдельных местностей, а иногда и всей страны. Их решение относится к компетенции министерств, и за это установлена персональная ответственность.

В Японии ведущую роль играют традиционные формы примирительного посредничества и полюбовного улаживания споров. Для разрешения споров в сфере государственного управления в этих целях используется процедура так называемого административного консультирования, суть которой сводится к следующему. Лица, считающие, что их права ущемлены действиями органов администрации, подают письменные заявления в территориальные офисы Департамента административного надзора независимого Агентства по административному менеджменту. Получив жалобу, сотрудник Департамента административного надзора направляет обращение в орган, на действия которого поступила жалоба. Такое обращение не имеет обязывающей силы, но побуждает административный орган к устранению причин жалобы и к полюбовному разрешению конфликта. Сам же административный консультант выступает в роли

посредника между лицом, обратившимся с жалобой, и административным органом. Если конфликт не удалось уладить на досудебной стадии, жалоба подается в суд.

Другой мировой процедурой является шотей, в соответствии с которой стороны, обратившись в суд, могут просить не вынесения решения, основанного на законе, а создания примирительной комиссии, которой поручается предложить сторонам возможное мировое соглашение. Как правило, в состав примирительной комиссии входят два посредника и судья. Однако судья не участвует в заседаниях, чтобы не создалось впечатления, что на самом деле спор решен судебной властью.

Посредничество чрезвычайно широко развито в Китае, стране, которая имеет многолетнюю культурную традицию посредничества. В 1986 г. здесь действовало 950 тыс. посреднических комитетов и 6 млн. посредников, которые только за один этот год урегулировали 7,3 млн. споров, включая споры о долгах, жилье, земельных участках под застройку, в области производства и управления и т. д. По оценкам специалистов, на каждый гражданский спор, передаваемый в суд, Народные комитеты посредников разрешают от пяти до десяти споров.

Во Франции постепенно набирает силу посреднический процесс. Несколько лет назад правительство объявило, что сформирует армию в 15 тыс. агентов-посредников для борьбы против насилия в обществе. Национальная школа администрации, которая готовит госслужащих высокого ранга, включает в учебную программу семинары по ведению переговоров.

В России альтернативные методы регулирования на госслужбе пока не используются, но широко используются в гражданской сфере, благодаря принятию Федерального закона № 193 от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», который вступил в силу в 2011 году.

Естественно, что при разрешении того или иного конфликта на различных этажах ПАУ требуется выбор стратегии. Выбор стратегии зависит от анализа интересов сторон.

Первая стратегия урегулирования может быть избрана для конфликтов, в которых их участники в равной степени, но по разным причинам, заинтересованы в успешном завершении дела, а негативные последствия нерешения проблемы им слишком очевидны. Например, граждане требуют от властей обратить внимание на проблему беспризорных детей в столице. Все, что требуется от власти, это признать проблему, детально разобраться в ней и призвать граждан вместе поучаствовать в ее решении: в строительстве домов временного пребывания (детских приютов) для беспризорных детей и сбора пожертвований. В этом случае участие граждан, партнерство, информирование, нахождение и артикулирование общей цели, совместное нахождение приоритетов – лучшие методы решения проблемы.

Вторая стратегия избирается для конфликтов, где затронуты базовые интересы сторон, связанные, например, с национальной безопасностью или с их выживанием и дальнейшим жизненным успехом. При этом именно проигрыш другой стороны или ее устранение обещают успех в деле. Суды над участниками столкновения с полицией на Болотной площади в Москве в 2012 г. можно отнести к конфликтам подобного типа. Слишком велика цена – стабильность политической системы и предупреждение «украинизации» политического процесса. В США бывшему сотруднику ЦРУ, техническому служащему Эдварду Сноудену грозит пожизненное заключение за разглашение информации, касающейся технологий добычи информации разведкой этой страны.

Словом, сложносоставная и одновременно гомогенная сфера политико-административного управления полна не только противоречий и конфликтов, но и довольно сложных и не всегда бесспорных (с точки зрения той или иной стороны) способов их регулирования. И как никакая другая нуждается в их постоянном совершенствовании как с точки зрения социальной справедливости, так и права.

Литература

1. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. – М., 1997.
2. Плахов В.Д. Норма и отклонение в обществе. Философско-теоретическое введение в социальную этологию. – СПб., 2011.

**О МЕХАНИЗМАХ ПРОДВИЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ:
ПРОБЛЕМНЫЕ И КОНФЛИКТНЫЕ КЕЙСЫ, ЛУЧШИЕ ПРАКТИКИ,
РЕЦЕПТЫ УСПЕХА**

Якимец В.Н., д.с.н., профессор, главный научный сотрудник,
Институт проблем передачи информации РАН,
Московский физико-технический институт
(государственный университет),
г. Москва, Россия

**ABOUT MECHANISMS OF ADVANCE OF PUBLIC INTERESTS:
PROBLEM AND CONFLICT CASES, THE BEST PRACTICIANS,
RECIPES OF SUCCESS**

Yakimets V.N., Doctor of sociological sciences, professor, chief researcher,
Institute of problems of information transfer
of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Physics and Technology (State University),
Moscow, Russia

Аннотация. В статье на основе многолетних исследований и результатов экспертного опроса представителей власти, НКО и бизнесменов представлен анализ динамики состоятельности институтов публичной политики в ряде российских регионов. Изучены успешные практики (кейсов) отстаивания общественных интересов в регионах РФ. Описаны такие три категории публичной политики как несостоятельные институты, слабо состоятельные институты, состоятельные институты. Выработана структура описания проблемного кейса, предложены пути совершенствования механизмов отстаивания общественных интересов. Сформулированы условия успешного применения методов отстаивания общественных интересов.

Ключевые слова: интерес, конфликт, согласование интересов, кейс, публичная политика, гражданская активность.

Abstract. The analysis of dynamics of a solvency of institutes of public policy in a number of the Russian regions is presented in article on the basis of long-term researches and results of expert poll of authorities, NPO and businessmen. Practicians (cases) of upholding of public interests in regions of the Russian Federation are studied successful. Such three categories of public policy as insolvent institutes, poorly well-founded institutes, well-founded institutes are described. The structure of the description of a problem case is developed, ways of improvement of mechanisms of upholding of public interests are offered. Conditions of successful application of methods of upholding of public interests are formulated.

Key words: interest, conflict, coordination of interests, case, public policy, civil activity.

Приступить к изучению возможностей и барьеров на пути создания работоспособных механизмов выявления и продвижения общественных интересов нас подвигли результаты опросов 2012–2014 гг. в разных субъектах РФ, в ходе которых опрашиваемые независимо друг от друга региональные представители власти, НКО и бизнесмены почти солидарно дали низкие оценки механизмам отстаивания общественных интересов (далее ОИ) [5; 9; 17].

Чтобы иметь возможность количественного сопоставления результатов опросов, нами был предложен специальный критерий для оценки состоятельности институтов и механизмов публичной политики (далее ПП) [16]. Напомним, что респонденты оценивали работоспособность механизмов ПП по 10-балльной шкале (1 балл – худшая оценка). Суть критерия состоятельности механизма ОИ – отношение доли респондентов, поставивших этому институту ПП оценки от 6 до 10 баллов включительно (в пятибалльной шкале это соответствовало бы оценкам от «удовлетворительно» до «отлично»), к общему числу респондентов, оценивавших работоспособность механизма.

Нами было предложено различать три категории [15]:

- *Несостоятельные институты ПП* – когда менее трети (33 %) от всех трех групп респондентов поставили институтам ПП от 6 до 10 баллов;
- *Слабо состоятельные институты ПП* – когда оценки от 6 до 10 баллов были даны числом респондентов от трети до половины (от 33 до 50 %) от всех трех групп;
- *Состоятельные институты ПП* – когда более половины (50 %) респондентов поставили оценки от 6 до 10 баллов.

Рис. 1. Оценка состоятельности институтов и механизмов ПП в трех регионах

На рис. 1 представлены значения критерия для трех субъектов РФ: Костромской, Курской и Ярославской областей. Пунктирная и штриховая линии на рисунке – пороговые значения между категориями состоятельности.

Анализируя разные издания по тематике выявления и отстаивания общественных интересов, мы столкнулись с рядом интересных фактов:

- Многие определения понятий «интерес» и «общественный интерес» отражают трактовки, в значительной мере зависящие от того, представитель какой области знания (философ, психолог, экономист, политолог, ...) проводит терминологические изыскания.
- Публикации по гражданскому активизму в России, затрагивающие темы выявления и отстаивания (иногда – защиты) общественных интересов – это чаще всего работы, основанные на переводных (главным образом с английского языка) материалах. Часто в переводах используется новояз «адвокаси».
- Отечественных работ, обобщающих прикладные факты, немного. При этом у нас опубликованы материалы проектов, реализованных НКО, в которых рассматриваются реальные ситуации (т. н. кейсы), связанные с ООИ, например [8], где кратко изложен ряд успешных историй.

Мы начали с изучения успешных практик (кейсов) ООИ в регионах РФ. Для этого была придумана схема их единообразного описания [7]. Различались два типа: П-кейс – проблемный кейс, и К-кейс – конфликтный кейс.

Для П-кейса свойственно: стороны – участники кейса, наличие противоречия, не приводящего к острому противостоянию сторон, прогнозирование базы протоконфликта [3], присутствие лидера (вожака), наличие диалоговой площадки, действия по демонстрации ситуации, не удовлетворенные потребности в группах. Кейс остается проблемным до тех пор, пока группа, отыгryвая предмет противоречия, не станет формулировать свои претензии, выводя их в фазу острого или сложно-составного конфликта.

Была разработана следующая структура описания П-кейса.

1. Описание реальной ситуации.
2. Определение основных заинтересованных сторон.

3. Выявление базы противоречия – спящего конфликта.
4. Выявление или определение лидера (вожака) от каждой группы.
5. Фиксация позиций сторон, установление сходств и различий.
6. Динамика развертывания проблемы: оценка ситуации, информирование, оценка действий и последствий, использование коммуникаций и убеждений.
7. Создание и запуск диалоговой площадки.
8. Меры по упреждению перерастания противоречия в конфликт.
9. Правила и целевые установки по достижению приемлемого результата.

В рамках проекта было рассмотрено и описано 11 П-кейсов: административная гильотина; ОИ при оценке проектов посредством электронного учета мнений граждан с помощью интернета; защита общественных интересов на примере Детской онкологической больницы № 31 в Санкт-Петербурге; защита исторического центра Ярославля от строительства современного отеля; защита от разрушения Ростовских земляных валов XVII века; карта нужд детских домов Ярославской области в помощь волонтёрам; общественность против осушения Рыбинского водохранилища; безопасность детей в Набережных Челнах: требования волонтеров к городским властям; защита озера Харовое (город Казань, Республика Татарстан); защита прав собственников квартир во много квартирных домах на общедолевое имущество (Кострома); блокпост против банковских комиссий.

Структура К-кейса строилась следующим образом:

1. Выявление причин конфликта;
2. Выделение субъектов конфликта (заинтересованных сторон и т. д.), фиксация их позиций и интересов;
3. Формулировка предмета конфликта;
4. Определение типа конфликта;
5. Анализ динамики конфликта, начиная с инцидента;
6. Институализация (введение кейса в институциональное, процедурное и правовое поле, подбор отвечающих кейсу методов урегулирования).

Список изученных К-кейсов включал: опыт успешного разрешения конфликта на муниципальном уровне в г. Краснодаре; защита трудовых прав работающих матерей и женщин, готовящихся стать мамами (на примере Санкт-Петербурга и на федеральном уровне); общественная организация (союз) «Чернобыль» за сохранение льгот; сохранение железнодорожного сообщения «Углич-Санкт-Петербург» и «Углич-Москва»; конфликт вокруг спорного здания мечети «Нурулла» (Казань); костромские «Зеленые» против «Коммерсантов» из ФНПР.

На первых этапах рассмотрения кейсов выявилось, что основные сложности возникали с ответами на такие вопросы:

- как сформировать общественный интерес (ОИ);
- какие препятствия возникают на пути поиска решений, выводящих на достижение общественного интереса;
- как происходит выявление (выбор) вожака-лидера команды;
- как образуется набор знаний, умений и навыков, благодаря которым инициативная группа или НКО добиваются значимого успеха.

В основе замысла проекта лежала идея поиска путей совершенствования механизмов ОИ. Актуальность темы вытекала из анализа результатов наших многолетних исследований (2008-2013 гг.) в десятках субъектах РФ, связанных с расчетом ЯН-индексов публичной политики [11] (всего было опрошено более 6000 человек). При использовании критерия состоятельности во многих субъектах РФ в категорию несостоятельных попал механизм ОИ [13; 14; 4].

Главная проблема, изучению которой посвящен проект, формулируется так: с одной стороны имеется потребность в наличии работающих механизмов ОИ, но во многих случаях они оказываются неэффективными, с другой стороны никакие теоретические размышления не приводят к существенным улучшениям в работе таких механизмов пока не появится критическая масса мотивированных граждан, обладающих необходимыми знаниями, умениями и навыками для выявления сути общественного интереса, определения позиций по способам и путям его отстаивания, согласования мнений разных заинтересо-

ванных сторон, поиске компромиссов, ведении переговоров, проведении уместных акций и мероприятий и пр.

Создание работоспособного механизма ООИ в той или иной степени строится с использованием ряда понятий, включая такие как: интерес; общественный интерес; знания; умения; навыки; отстаивание интересов.

Приведем определения некоторых из них.

1. Интересы – специфические социальные результаты, приносящие пользу отдельному индивидууму или группе. Такие интересы могут осознаваться и преследоваться человеком или группой, а также устанавливаться другими, в том числе социальными учеными, в качестве основных или "объективных" и не осознаваемых преследующими их людьми [2].

Интересы в обществе весьма разнообразны. Их можно различать: **по степени общности** – индивидуальные, групповые, общественные; **по своей направленности** – политические, экономические и др.; **по характеру субъекта** – классовые, национальные и др.; **по степени осознанности** – действующие стихийно и на основе разработанной программы; **по возможности их осуществления** – реальные и мнимые; **по отношению к объективным процессам** – прогрессивные, консервативные и др. [10, с. 168-169].

2. Общественные интересы – потребности, нужды, объективные по своему характеру и происхождению, возникающие у различных классов, социальных групп, коллективов, организаций и входящих в них отдельных личностей и обусловленные экономическими отношениями данного общества, экономическим положением определенных социальных общностей и объединений. Общественные интересы функционируют лишь через формы деятельности людей. Характер же этой деятельности зависит от того, осознаны ли, и в какой степени осознаны эти объективно существующие общественные интересы. Поскольку общественные интересы осознаются, они приобретают значение идеальных побудительных сил целенаправленной практической и теоретической деятельности людей. Общественные интересы включают все виды интересов, независимо от того, кто выступает их носителем и в какой сфере общественной жизни про-

является их направленность, хотя термин "общественный" применяется также и для противопоставления интересов общества в целом или какой-либо социальной общности (класса, нации и т. д.) т. н. личным интересам. Общественные интересы служат одной из основных категорий для обозначения реальных причин и коренных, наиболее глубоких стимулов исторической деятельности и социального поведения людей [6].

Нами была предложена следующая трактовка основного термина – ООИ.

Отстаивание («продвижение») общественных интересов – это деятельность группы активных граждан во главе с лидером, состоящая в выявлении и постановке на повестку дня общественно значимой проблемы, поиске и обосновании предложений по ее решению с учетом общественных потребностей, формировании креативной команды, освоившей определенные знания, умения и навыки, и создавшей инфраструктуру, направленную на реализацию мер по изменению программ социальных институтов или организаций во имя ослабления или решения социальной проблемы.

Анализ кейсов показал, что успех достигается благодаря таким свойствам:

- Уровню активности граждан в поиске путей отстаивания общественных интересов для удовлетворения потребности сообщества;
- Наличию мотивированного лидера-вожака, сформировавшего команду, нацеленную на поиск успешного решения социально значимой проблемы;
- Содержательной наполненности элементов инструментальной триады «знания-умения-навыки», которой обладает и использует команда сторонников;
- Нацеленности на создание конструктивного механизма ООИ;
- Мониторингу изменений в структуре целевой аудитории, интересы которой отстаиваются, и в трактовках общественных интересов.

Сопоставляя кейсы, мы сформулировали на обыденном языке рецепты успешности процесса отстаивания общественных интересов.

Рецепт 1. Овладение знаниями, умениями и методами продвижения общественных интересов.

Процесс ООИ – это комплекс, охватывающий следующие компоненты:

- Проблема и связанные с ее решением задачи;
- Исходные данные и информация;
- Основные заинтересованные стороны (их количество, соотношение и позиции);
- Замыслы, идеи и умения команды и целевой группы;
- Коалиции сторонников и их действия;
- Презентации наработок и достижений;
- Оценка препятствий и путей их преодоления;
- Изыскание людских, материальных и денежных средств по организации и проведению разных мероприятий.

Каждый из этих компонентов обеспечивается посредством применения обширного инструментария, включающего разнообразные методы [1]:

1. Исследование потребностей и позиций заинтересованных сторон;
2. Опросы общественного мнения;
3. Изготовление и распространение плакатов, листовок, петиций, брошюр и списков фактов;
4. Организация кампаний по сбору подписей под петициями;
5. Создание и задействование коалиций;
6. Работа с законодателями;
7. Работа с судебными органами;
8. Рассылка писем, обращений;
9. Публикации в СМИ, печатных изданиях и на сайте органа организации;
10. Телефонные обзвоны.

Рецепт 2. Необходимые и достаточные условия успешного применения методов отстаивания общественных интересов.

Умения и навыки в использовании разнообразного репертуара методов и инструментов отстаивания общественных интересов (опросы общественного

мнения, изготовление и распространение плакатов, листовок, петиций, брошюр и списков фактов, организация кампаний по сбору подписей под петициями, создание и задействование коалиций, работа с законодателями, работа с судебными органами, рассылка писем, обращений, публикации в СМИ, печатных изданиях и на сайте органа организации, телефонные обзвоны, организация и проведение пикетов, митингов и пр.) являются необходимыми, но недостаточными условиями успешного достижения цели.

Достаточные условия включают: активность и настойчивость граждан, составивших команду, в целенаправленной работе по отстаиванию общественных интересов, их стремление искать и привлекать сторонников, включая, в том числе и представителей власти и бизнеса, а также креативность в отборе и применении названных выше методов.

Рецепт 3. Умение «локализовать» социальную проблему, связанную с отстаиванием общественных интересов, чтобы учесть возможности Вашей команды по достижению приемлемого результата.

Успех действий команды по отстаиванию общественных интересов во многом зависит от сочетанного эффекта в трех направлениях: умения и навыки команды (группы инициативных граждан, НКО, например) по определению социальной проблемы¹, требующей защиты общественных интересов, которые не противоречат действующим нормативно правовым актам; «локализация» (формулировка) проблемы с учетом позиций целевой группы и выявленных заинтересованных сторон; соответствие масштабов проблемы возможностям команды, претендующей на создание и использование работоспособного механизма отстаивания общественных интересов.

¹ Социальная проблема толкуется как «отражение в сознании людей социального противоречия в качестве значимого для них несоответствия между существующим и должноым, между целями и результатами деятельности, возникающее из-за отсутствия или недостаточности средств для достижения целей, препятствий на этом пути, борьбы между различными субъектами деятельности, что ведет к неудовлетворению социальных потребностей» (Краткий словарь по социологии / Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапин (ред.). М., 1989. С. 250).

Приведем цитату из исследования наших пермских коллег [8]:

«Очень часто лидеры неправительственных организаций используют не те меры воздействия, которые подходят для решения определенной проблемы, а те, которые не требуют особых затрат. ... Неумение или нежелание анализировать ситуацию с точки зрения эффективного использования тех или иных гражданских тактик часто сочетается со стремлением решать глобальные проблемы при отсутствии стремления вычленять достижимые цели и достигать их».

Такой глобалистский подход многие объясняют российским менталитетом. Конечно, интеллигентнее и мягче сослаться на менталитет, чем четко и может быть, грубо указать на провалы в профессионализме и некомпетентность. Опыт проведения семинаров и тренингов по социальному проектированию и экспертной оценки проектных заявок НКО в регионах страны позволяет с сожалением говорить, что большинство НКО отличаются неумением сформулировать проблему. Это же имеет место и в отношении того, как формулируются проблемы, для разрешения которых создается механизм ОИ.

Пример успешной практики: в костромском кейсе руководителем региональной Ассоциации ТСЖ и ЖСК А.П. Пинчуковым была определена проблема защиты законных интересов граждан – жителей многоквартирных жилых домов (МКД), приватизировавших свои квартиры и одновременно ставших собственниками мест общего пользования (подвалы, чердаки, лифтерные и т. д.), которые позже назовут общим долевым имуществом (ОДИ). Жители столкнулись с тем, что муниципальные власти без согласия жителей МКД стали заносить ОДИ в реестр муниципальной собственности, сдавать в аренду и даже продавать (то есть незаконно отчуждать), аргументируя тезисом о пополнении местного бюджета. Такая первоначально «локализованная» формулировка проблемы привела к разработке действенного механизма ОИ собственников многоквартирных домов – Комиссии по выявлению объектов муниципальной собственности в помещениях МКД, отвечающих признакам общего имущества. Институализированный таким образом механизм привел к тому, что за

полтора года администрацией города было добровольно возвращено жителям 29 вспомогательных помещений в МКД. В ходе реализации нашего проекта было установлено, что формулировка проблемы была сужена потому что были временно исключены из рассмотрения интересы такой группы граждан или организаций, которые стали «на законных основаниях» арендаторами или владельцами ОДИ. Это было сделано осознанно, поскольку Ассоциация ТСЖ и ЖСК была еще не готова к продуктивной работе с интересами данной группы.

Итак, рецепт – формулируйте проблему в форме противоречия между желаемым и существующим положением дел или в формате неудовлетворенных потребностей целевой группы (сторон) или в смешанном варианте, учитываяющим и то и другое, но таким «локализованным» образом, при котором имеющиеся возможности, навыки и умения вашей команды позволяют достичь ощущимых результатов.

Рецепт 4 (партнерский). Умение найти партнера в вышестоящих органах власти и убедить его выступить на Вашей стороне как защитников общественных интересов в противоборстве с чиновниками.

Когда за решениями (или позициями), полностью не совпадающими с общественными интересами стоит какой-либо орган власти, то имеется репертуар возможных действий от явных протестных акций в различных вариациях (пикет, демонстрация, митинг и пр.) через инициацию судебных разбирательств (в отечественных судах разной инстанции или международных судах) до поиска партнеров в других органах или ветвях власти и убеждения их выступить на Вашей стороне. Поиск партнеров в органах или ветвях власти и убеждения их выступить на стороне общественности – оказался продуктивным в ситуации «Административной гильотины», описанной в нашем сборнике [7].

Интересно то, в каком формате создавались в каждом из кейсов механизмы ОИ, приведшие к успеху. Они представляли собой разные типы механизмов межсекторного социального партнерства (МСП) [12].

Казанский кейс – типичный вариант «партнерского» рецепта, но с важной спецификой. Группе защитников озера Харовое удалось вовлечь Президента Республики Татарстан, в результате чего приозерная территория была объявлена ООПТ.

К этому же типу относится и костромской кейс. Но здесь оказавшийся продуктивным путь состоял в реализации институционального решения – создания и организации работы смешанной Комиссии по разбирательству различных конкретных ситуаций, связанных с ОДИ.

Рецепт 5. Создание механизма ОИ с учетом информированности о трех элементах: 1) состав заинтересованных сторон (количество и пропорции между ними); 2) временной горизонт, на котором будут учитываться последствия от действий; 3) риски и форс-мажорные обстоятельства.

Общественный интерес не есть нечто застывшее раз и навсегда. Его суть меняется иногда непредвиденным образом (форс-мажорные обстоятельства, напр., разорение фирмы, корпоративные интересы которой противостояли общественным) или вследствие неких явных причин (вступление в силу каких-то новых НПА, появление в составе команды одного или нескольких компетентных граждан, сумевших внести ясность в ранее не до конца понятные вопросы, изменение потребностей у заинтересованных сторон, выявленное в результате специального исследования и т. п.). На важных этапах реализации того или иного кейса по отстаиванию общественных интересов надо постоянно учитывать изменения (характер и масштаб) по составу заинтересованных сторон (количество и пропорции между ними), временному горизонту, на котором будут учитываться последствия от действий команды, а также риски и форс-мажорные обстоятельства. Важнее всего уметь оценивать количество и пропорции между всеми заинтересованными сторонами. Например, в казанском кейсе ввод в эксплуатацию нового многоквартирного дома, допустим стоящего за первой линией домов, выходящих на озеро, «вольет» в состав заинтересованных сторон от 10 до 15 процентов новых граждан. Если вовремя не выявить

их отношение к строительству паркинга или детской площадки в рамках при-озерной территории, то это может быть чревато тем, что ранее сформулированный общественный интерес окажется не таким уж и общим, а групповым. Более-менее ощутимые изменения по каждой характеристике необходимо учитывать при выработке стратегии и тактики действий, выбирая наиболее подходящие на планируемый период времени.

Литература

1. Защита общественных интересов. Книга V. – М.: Центр поддержки НКО, 2003. – 250 с.
2. Интересы // Большой толковый социологический словарь. URL: http://explanatory_sociological.academic.ru/660/%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%95%D0%A1%D0%AB (дата обращения: 5.02.2016).
3. Никовская Л.И., Якимец В.Н. От конфликта к межсекторному партнерству // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6, № 1. – С. 96–112.
4. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Оценка действенности институтов публичной политики в России // Политические исследования. – 2013. – № 5. – С. 77–86.
5. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Проблемы и приоритеты развития публичной политики в современной России // Власть. – 2013. – № 9. – С. 4–9.
6. Общественные интересы // Философская энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/6964/%D0%9E%D0%91%D0%A9%D0%95%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%95%D0%9D%D0%9D%D0%AB%D0%95 (дата обращения: 7.02.2016).
7. Практики формирования и отстаивания общественных интересов: опыт регионов России / Под редакцией В.Н. Якимца, Л.И. Никовской, А.В. Соколова. – Ярославль: ЯРОО «Диалог»; ИП Дурынин В.В. – 2014. – 128 с.
8. Продвижение общественных интересов в деятельности российских НКО: замыслы и результаты / Авт.-сост. А.Б. Суслов, М.В. Черемных. – Пермь: Издатель Максарова И., 2010. – 24 с.

9. Титова О.Ю., Якимец В.Н. О состоятельности институтов региональной публичной политики: метод оценивания, различия оценок представителей бизнеса, НКО и госслужащих // Человек. Сообщество. Управление. – 2013. – № 4. – С. 71–82.

10. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. – М., 1986. – 590 с.

11. Якимец В.Н. Индекс для оценки и мониторинга публичной политики / Сб. статей «Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт взаимодействия». – М.: РАПН: РОССПЭН, 2008. – С. 107–121.

12. Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. – М.: ИСА РАН; УРСС, 2004. – 384 с.

13. Якимец В.Н., Никовская Л.И. О состоятельности институтов публичной политики. Доклад на XI международной конференции «государственное управление: российская федерация в современном мире» (30 мая – 1 июня 2013 года, г. Москва).

14. Якимец В.Н. Об оценке состоятельности институтов и субъектов публичной политики в регионах России. Доклад на II-м Всероссийском научно-образовательном форуме «Политология – XXI век: политические ценности и политические стратегии» (21–22 ноября 2013 года, г. Москва).

15. Якимец В.Н. Об оценке состоятельности институтов публичной политики в регионах России // Материалы Форума "Политология – 21 век: политические ценности и политические стратегии" (21–22 ноября 2013, г. Москва). URL: <http://polit.msu.ru/pub/XXI-2/index.htm> (дата обращения: 21.02.2016).

16. Якимец В.Н. Оценка состоятельности институтов и механизмов публичной политики // Сетевые ресурсы и практики в публичной политике: материалы Всероссийской конференции молодых политологов (8–11 октября 2012 г., Краснодар). – Краснодар: Просвещение Юг, 2012. – С. 236–241.

17. Zaytsev A.V., Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Public policy in Kostroma region: actors and institutions (according to the sociological survey) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 18, № 4. – С. 146–153.

**ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭТНОКОФЕССИОНАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН)**

Большаков А.Г., д.полит.н, профессор,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

г. Казань, Россия

Храмова Е.В., ассистент,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

г. Казань, Россия

**EXPERT-ANALYTICAL ACTIVITY AS THE TECHNOLOGY
OF FORMATION OF STATE POLICY (ON THE EXAMPLE OF SYSTEM
OF MONITORING OF SOCIO-POLITICAL AND ETHNOCONFESIONAL
PROCESSES IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN)**

Bolshakov A.G., Doctor of political sciences, professor,

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan, Russia

Khramova E.V., Assistant,

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan, Russia

Аннотация. В данной статье экспертно-аналитическая деятельность рассматривается в качестве инструмента формирования государственной политики на региональном уровне. В качестве примера анализируется мониторинг социально-политической и этноконфессиональной ситуации в регионе Российской Федерации. Предметом исследования является один из субъектов аналитиче-

ской деятельности – Экспертный совет при Казанском федеральном университете. Возможности и издержки экспертно-аналитической деятельности в подобном формате подробно исследуются в нижеследующем тексте статьи.

Ключевые слова: мониторинг, экспертно-аналитическая деятельность, Экспертный совет, технология формирования государственной политики, социологические исследования, нетрадиционные формы протестов граждан, религиозный радикализм.

Abstract. In this article the expert-analytical activity is seen as an instrument of public policy and administration at the regional level. As an example, analyzes the monitoring of socio-political and ethno-religious situation in the region of the Russian Federation. The area of the study is one of the subjects of analytical activity - Expert Scientific Council at the Kazan Federal University. Opportunities and costs of expert-analytical work in this format are investigated in detail in the following text.

Key words: monitoring, expert-analytical activity, the Expert Scientific Council, the technology of public policy and administration, sociological studies, non-traditional forms of protest of citizens, religious radicalism.

Понятие государственной политики в современной политической науке носит двойственный характер. С одной стороны, она считается преимущественно сферой деятельности органов государственной власти (public administration) и формируется исключительно государством. С другой стороны, в научной литературе и правовом поле содержательно все более перекликается с понятием «публичная политика» («public policy»), которая в свою очередь подразумевает участие в ее формировании граждан через общественные институты. Однако как в первом, так и во втором случае, государственная политика ставит своей целью решение задач практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Такой содержательный аспект понятия «государственная политика» все более размывает грань между субъектами и объектами государственной политики и усложняет процесс ее формирования в современном обществе.

В данном контексте формирование государственной политики на современном этапе развития Российской Федерации приобретает технологичный характер, когда в основу разработки ее ложатся политическое прогнозирование, планирование и программирование. Их основным направлением задается согласование целей, средств и интересов всех субъектов государственной политики. Выбор этих универсальных технологических звеньев варьируется в зависимости от предмета и характера государственного регулирования различных общественных процессов.

На современном этапе значительно возросла и потребность в экспертном обеспечении политических решений, расширении консультационной и информационной поддержки государственной политики. Существуют различные варианты моделей формирования государственной политики. Например, одна модель – экспертно-бюрократическая: в самом государственном аппарате действуют структуры, специально занимающиеся анализом кластеров гражданских интересов и транслирующие их в процесс выработки и реализации публичной политики. Вторая модель – демократического участия: гражданские организации сами агрегируют свои предложения и оценки, оказывая давление извне на формирование государственной политики.

Первая дает возможность прямого выхода требований общественных групп на государственные механизмы принятия решений, но это таит в себе опасность бюрократического выхолащивания и микширования остроты этих требований. Вторая модель сильна самостоятельным участием гражданских объединений в политическом процессе, но страдает от отсутствия стабильности и ресурсов [4, с. 87–100]. При обсуждении данных моделей имеет место консенсус в значимости их интегрированности.

В частности заявляется, что «каждая из моделей могла бы выиграть от более интегрированного «экспертно-консультативного» подхода» [4, с. 87–100]. Попытки реализации такого интегрированного подхода, его прикладного использования в технологизации процесса формирования государственной политики, можно рассмотреть на примере экспертно-аналитической деятельности в

системе мониторинга социально-политических и этноконфессиональных процессов Республики Татарстан.

«Фабрики мысли» далеко не всегда являются государственными институтами. Но именно последние должны быть в состоянии делать им заказы.

Институционализация «фабрик мысли», свободных от иностранного или экстремистского влияния, означает проведение значимых предпроектных исследований вплоть до выделения под это некоторых статей бюджета (что, правда, не всегда возможно в кризисном состоянии экономики); реорганизацию государственных властных структур и, прежде всего, переход от административного к проектному типу управления.

Это означает создание PR-отделов внутри правительства, то есть отделов по производству заказов для «фабрик мыслей» и обслуживания делиберативных процессов для каждой проблематики. Эти отделы должны иметь возможность открыто провести тендер, согласовать и сформировать заказ на предпроектное исследование. Во-вторых, это означает необходимость изменения системы планирования и проектирования внутри правительства, которая бы предполагала возможность осуществления проектов.

Прообразом будущих проектов могут являться сегодняшние тематические государственные программы. Именно наличие нескольких государственных программ уже поставило вопрос о необходимости изменения организованной структуры правительства.

На наш взгляд, перспективным является одновременное создание и функционирование в формирующихся структурах гражданского общества GR-компаний лоббистского толка, которые играют на ментальности жителей российских регионов, целиком основывающейся на вере в «непогрешимость» государственных структур и работающих в условии тотального превосходства иерархических принципов организации над их сетевыми аналогами. Последнее, кстати, постепенно девальвируется тем, что сетевые формы организации более мобильны и в целом более перспективны для современных обществ.

Институционализация «фабрик мысли» предполагает выделение статей расходов в государственном бюджете на такой тип организации внешнего консультирования, где оно само имеет корпоративную структуру, независимую от институциональной структуры. Институционализация «фабрик мысли» означает легализацию оплаты их услуг, заказов корпорациям со стороны государства на определенные услуги – исследования в области социальной инженерии, генерирование идей в области стратегического планирования, обнаружение глобальных проблем и оценка рисков деятельности государственных органов при принятии политических и управленческих решений.

Сфера этнополитики, конфессионального взаимодействия является одной из наиболее сложных для принятия решений, которые всегда могут быть поливариативными. Однако, отсутствие управления в этой сфере, на наш взгляд, пагубно для сохранения общей политической и социальной стабильности, которая является благом в обществах часто подверженных неблагоприятным трансформациям со стороны мирового экономического порядка.

Корпоратизация «фабрик мысли» означает переход разобщенной и неорганизованной экспертизы и аналитики, действующей в одиночку, опекающей влиятельных политиков и бизнесменов нелегально, к структурно организованной системе консалтинга по контракту. Это означает, что консультирование производится легально, заказ формируется между институтами и корпорациями, с одной стороны, и корпорацией «фабрики мыслей», с другой стороны, на основе контракта. Корпоратизация также означает открытую систему выработки, продвижения и принятия законов и исполнительных решений в государстве (в форме подзаконных нормативных актов, государственных планов и программ).

Стабилизация российских политических институций и протестные настроения граждан в России и ее регионах

В начале XXI века разработку проблем реформирования России сменяет анализ причин успехов и неудач преобразовательной практики минувших десятилетий. Стабилизация политической структуры России создала возможность

изучения проблем устойчивости и эффективности новых политических институтов, обеспечения институционального равновесия [7, с. 5]. Российский избирательный цикл 2011–2012 гг. породил волну общественных протестов. В целом они свидетельствовали о кризисном состоянии политической системы России, которую правящая элита пыталась модернизировать первоначально с помощью либерализации, а затем ужесточения норм и институциональных механизмов, обеспечивающих управление политическим процессом. Данные явления – основа острых общественных дискуссий последнего времени и предмет научного анализа [2, с. 18; 6, с. 309–332].

После выборов Президента РФ в 2012 году волна подобных протестов постепенно пошла на спад. В настоящее время открытое противодействие правящей элите оказывает лишь несистемная оппозиция, чье влияние на российское общество невелико.

Однако протесты в российском обществе не ограничиваются рамками последнего избирательного цикла, а являются системным явлением. Об этом свидетельствует единство позиции по ряду вопросов людей с различными политическими взглядами (либеральными, социалистическими, патриотическими и т. п.), которые участвовали в наиболее массовых протестных митингах. Можно также констатировать, что основная часть граждан, участвующих в протестах в избирательном цикле не являлись людьми политизированными. Лидеры оппозиционных партий и движений пытались использовать протестные настроения граждан в своих узокорпоративных интересах, что привело к фактическому разрыву протестующих и оппозиционных лидеров.

Массовое недовольство в России за последние годы получило определенную институционализацию. Волна протестов, на самом деле, не может быть сведена к оппозиционным митингам в ходе избирательной кампании. Она намного шире и включает в себя различные формы: политизацию движения футбольных фанатов, национал-сепаратизм разного толка, криминально-бытовые конфликты с конструированием этнополитических проблем в виртуальном пространстве, активизацию сторонников нетрадиционного ислама (салафизма

или ваххабизма), языческих группировок религиозно-политической и атеистической направленности и др.

Очень часто деятельность нетрадиционных акторов протesta локализована крупными столичными городами или отдельными регионами Российской Федерации, прежде всего, республиками Северного Кавказа или регионами Южного федерального округа. Однако в 2010–2013 гг. происходит резкое увеличение протестной активности в стабильных до этого субъектах федерации.

Ситуация стала кардинально меняться в 2014–2015 гг., что связано с противостоянием России и стран Запада, возникшего изначально по поводу украинского кризиса, введением санкций против Российской Федерации, присоединением Крыма к ее территории. В России, пожалуй, впервые за постсоветский период возник общенациональный консенсус граждан по поводу поддержки действий руководства страны на международной арене. Даже декабрьское падение рубля, рост цен, стагнация в экономике не смогли разрушить единство российского государства и гражданского общества. Общественным приоритетом стали вопросы геополитического положения России в современном мире, внутренние политические противоречия, региональные социальные протесты отошли на второй план.

В этих условиях первенствующее внимание должно быть обращено на внутренние причины протестов российских граждан, принимающих нетрадиционные формы. Показательный, в этой связи, пример Республики Татарстан, которая с 90-х гг. XX века позиционирует себя «регионом спокойствия и стабильности» в Российской Федерации, и, до 2010 года во многом таковым и являвшейся, во всяком случае, в сфере межэтнического и религиозного взаимодействия граждан.

Общероссийские протесты различных общественно-политических сил в республике в 2010–2013 гг. не выглядели масштабными, уступали по численности и интенсивности не только московским, но и ряду городов-миллионеров [11, с. 131–149]. Они достаточно быстро переросли в традиционные выступления активистов оппозиционных партий и движений, которые случались и до

этого, и никак не повлияли на поведение большинства граждан. Наиболее массовой акцией за последние два десятилетия в Татарстане так и остался митинг любителей бесплатной рыбалки, который собрал до 5 тысяч человек в центре г. Казани. Политическим данное мероприятие не было, более того, Кабинет Министров Республики Татарстан фактически поддержал протестующих против изменений в федеральном законодательстве.

Известно, что эффективная региональная политика в федеративных государствах является залогом их успешного развития. Когда речь идет о такой крупной державе как Россия, этот фактор играет наиважнейшую роль, поскольку региональные отличия порождают многочисленные сложности и противоречия, иногда приводят к деструктивным конфликтам, делают невозможным сохранение стабильности во всем обществе.

Республика Татарстан как регион стабильного развития

Среди тех субъектов федерации, которые относятся к немногочисленной группе «регионов-доноров» можно выделить Республику Татарстан, чей потенциал широко известен в России и за рубежом. Положение экономики в этом субъекте федерации относительно стабильно на сегодняшний момент. Регион осуществляет целый ряд масштабных инфраструктурных, экономических и социальных проектов (празднование тысячелетия г. Казани, проведение Универсиады и других крупных спортивных соревнований международного уровня, строительство метро и развязок в Казани, автомобильных трасс федерального значения, международного аэропорта и т. п.).

Позитивное социальное самочувствие жителей республики подтверждается многочисленными общероссийскими рейтингами, организаторы которых полностью независимы от любых региональных властей. Так, согласно общероссийскому рейтингу социального самочувствия, опубликованному в июне 2014 года, Татарстан занимал первое место. В прошлом году показатели республики были чуть хуже – 4-е место в рейтинге. Кроме того, на фоне значительного снижения ряда экономических показателей большой группы россий-

ских регионов, Татарстан подтвердил свои не однодневные рейтинговые позиции. Так Рейтинговое агентство «Эксперт РА» в распределении российских регионов по рейтингу инвестиционного климата в 2015 году относит Татарстан к группе 2А со средним потенциалом и минимальными рисками [10]. На ПМЭФ-2015 были представлены результаты национального рейтинга состояния инвестиционного климата в регионах, оценивший условия для бизнеса во всех субъектах Российской Федерации (за исключением новых Крыма, Севастополя и ряда регионов с низкой выборкой). По 50 показателям, включившим 4 направления: «Регуляторная среда», «Институты для бизнеса», «Инфраструктура и ресурсы» и «Поддержка малого предпринимательства», Татарстан вошел в пятерку абсолютных регионов-лидеров по интегральному показателю [8].

В рейтинге качества жизни населения российских регионов (по 61 показателю) по версии рейтингового агентства «РИА Рейтинг» Республика Татарстан находится на четвертой позиции, учитывая что первую тройку составили Москва, Санкт-Петербург и Московская область. Аналитиками доклада Татарстан назван самым сбалансированным регионом [5].

Показателем стабильности региона служит и рейтинг столицы Татарстана. Казань не уступила в 2015 году своей третьей позиции 2014 года [3].

Фонд «Петербургская политика» не первый год определяет Республику Татарстан в группу регионов с максимальной устойчивостью. Таковы показатели этой исследовательской группы и на начало 2016 года. Именно она выделила в топе 30 событий месяца в региональной политике уверенность в решении экономических вопросов главы региона Р.Н. Минниханова [9].

Не менее убедительны результаты всероссийского рейтинга эффективности губернаторов, где Президент Республики Татарстан Р.Н. Минниханов стабильно входит в пятерку лучших руководителей регионов. Данный рейтинг является интегральным продуктом, при составлении которого учитывались данные «Георейтинг» Фонда «Общественное мнение», характеристики экономического положения в регионе по материалам Федеральной службы государственной статистики России, индекс медиа-эффективности, рассчитанный «Нацио-

нальной службой мониторинга», экспертные оценки и показатели социального самочувствия регионов России.

Показательны для Республики Татарстан и результаты первого национального рейтинга инвестиционной привлекательности регионов. Лидерами общего рейтинга стали Калужская область, Ульяновская область, Красноярский край, Республика Татарстан, Костромская область. По ряду направлений позиции Татарстана лидирующие – первые, вторые, третьи места.

Имидж Татарстана как успешно развивающегося субъекта Российской Федерации, базируется на трёх основных составляющих: высокий уровень социально-экономического развития, общественно-политическая стабильность, межнациональное и межконфессиональное согласие. Несмотря на несколько локальных конфликтов в районах республики и теракт 2012 года, связанный с активизацией радикального ислама, ситуацию в Республике Татарстан удалось удержать под контролем. Первенствующая роль в этом принадлежит руководству республики и местным силовикам, которые совместно с федеральными структурами власти и правопорядка сохраняют ситуацию стабильной. Опираются они в этой деятельности на вековые традиции дружбы и добрососедства различных народов и конфессий, проживающих на территории региона.

Угрозы стабильности и общественному согласию в Республике Татарстан можно свести к следующему: неконтролируемая миграция, ведущая к образованию анклавных поселений приезжих, захвату отдельных отраслей бизнеса и коммерческой деятельности, их трудоустройство в муниципальных структурах управления, правоохранительных органах; экспансия исламского экстремизма на территории республики; попытки этнической политизации бытовых и криминальных конфликтов. Необходимо отметить, что масштабы данных общественных проблем не являются критичными и не сказываются на устойчивости регионального социума [12, с. 14].

Эти проблемы понимаются обществом и политической элитой Татарстана. Их пытаются решать не только на основе ограниченных и продуманных

действий силового характера, но и построения системного мониторинга по отслеживанию ситуации, выявлению дестабилизирующих факторов.

Региональный мониторинг ситуации как результат профилактики вызовов и угроз

В связи с наличием религиозных и националистических групп экстремистов, деструктивных конфликтов, террористических угроз в республике встал вопрос о необходимости системного исследования регионального социума, проведения мониторинга различных общественных процессов, научной экспертизы при принятии управленческих решений. В 2012–2014 гг. в единый социологический мониторинг были систематизированы исследования различных научных институтов, кафедр, центров и групп Казанского федерального университета, Академии наук Республики Татарстан, независимых исследовательских структур (например, «Фонда общественное мнение – Татарстан»).

Республика Татарстан стала одним из пилотных регионов Российской Федерации, в которых был запущен системный мониторинг социально-политических и этноконфессиональных процессов на государственном уровне. Предполагается, что постепенно такой опыт будет распространен на всероссийском уровне. Подобные мониторинги включают не только различные социологические исследования, но и учитывают данные экономической статистики, региональные результаты федеральных рейтингов, информацию по взаимодействию граждан с органами власти и управления через систему электронного правительства.

Эти данные постоянно используются для принятия управленческих решений на региональном уровне, служат базой для подготовки общефедеральных политических и государственных решений.

Поскольку социологические исследования имеют свои недостатки, то перечень направлений комплексного состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтов на религиозной

и национальной почве в Республике Татарстан включает и совершенно иные источники информации:

- информацию силовых структур о выявленных ситуациях и правонарушениях в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений;
- информацию исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных, религиозных и национальных организаций и объединений, представителей экспертного сообщества о возможных конфликтах и предконфликтных ситуациях;
- данные мониторинга обращений населения о конфликтных и предконфликтных ситуациях на межнациональной и религиозной почве и обстоятельствах, способствующих напряженности в сфере межнациональных отношений, в том числе принимаемые через службу экстренных вызовов 112 и государственную информационную систему Республики Татарстан «Народный контроль»;
- данные мониторинга информационного поля (публикации и сообщения в средствах массовой коммуникации, социальных сетях);
- данные мониторинга выполнения государственных программ.

Все эти источники информации вместе с результатами системных социологических исследований о состоянии межнациональных и этноконфессиональных отношений они призваны давать информацию, которая будет относительно объективной и приближена к реальности.

Предметом рассмотрения нашей статьи является часть регионального мониторинга в Республике Татарстан, которая состоит из аналитики социологических исследований и экспертизы. Самое главное, что проведение социологического мониторинга и экспертизы стало возможным в рамках взаимодействия органов государственной власти и управления, бизнес-структур, научного сообщества как элемента гражданского общества.

Значимую роль в реализации мониторинга и экспертизы сыграли механизмы взаимодействия между научным сообществом, органами государственной власти и управления, бизнес-сообществом. Так, Аппаратом Президента

Республики Татарстан был заключен договор с АНО «Татарская Академия управления инновационной экономикой» на проведение мониторинговых исследований в социально-политической и этноконфессиональных сферах. Некоторые исследования проводились учеными и раньше, но в данной ситуации они были объединены в единое целое. Так, например, в 2013 году было проведено 17 различных исследований специалистами кафедр и аналитических центров КФУ, Академии наук Республики Татарстан, независимыми аналитическими структурами. В 2014 году количество таких исследований составило уже 31.

Наряду с собственно мониторинговыми исследованиями проводится изучение отдельных наиболее значимых на данный момент проблем и конфликтных ситуаций. Так, в частности, предметом специального анализа стала такая социально-демографическая группа как молодежь и склонность ее отдельных представителей к экстремистской деятельности, проблемы развития субэтнической группы татарского этноса – кряшен, положение в мусульманской умме Татарстана. На 2015 год запланированы исследования, связанные с взаимодействием государства и НКО, формирование регионального рейтинга социальной напряженности и стабильности, исследование по политическим предпочтениям граждан и др.

**Экспертный совет при Казанском федеральном университете
по социально-политическим и этноконфессиональным вопросам:
содержательно-аналитическая деятельность**

В апреле 2014 года при Казанском федеральном университете был создан Экспертный совет по общественно-политическим и этноконфессиональным вопросам.

Основными задачами Экспертного совета являются:

– изучение общественно-политических, этнических, религиозных, миграционных и иных процессов в Республике Татарстан в контексте общероссийских тенденций;

- формирование предложений по направлению и содержанию научных исследований;
- осуществление экспертизы документов по вопросам реализации национальной политики, состояния конфессиональных отношений, поддержки институтов гражданского общества;
- подготовка предложений по проведению научно-практических мероприятий (конференций, форумов, семинаров и т. п.);
- взаимодействие со средствами массовой информации;
- развитие контактов и связей с научно-исследовательскими и экспертными организациями;
- подготовка предложений и рекомендаций для органов государственной власти и управления по вопросам общественно-политического и этноконфессионального развития Республики Татарстан.

Расширенные заседания Экспертного совета при КФУ (с участием представителей общественных организаций, научного сообщества, средств массовой информации) проводятся не реже одного раза в полгода. В промежутке между данными заседаниями осуществляется деятельность его четырех основных групп («социально-политической», «православной», «исламской», «этнической»), включающая проведение исследований, «круглых столов», семинаров, осуществление экспертизы проведенных исследований, обсуждение полученных результатов, методик и др.

В составе Экспертного совета при КФУ – 36 человек. Большинство – это представители Республики Татарстан по различным сферам знания социальных наук, либо известные общественные деятели, практики. Целый ряд экспертов привлечен из ведущих московских академических институтов и университетов или являются представителями аналитических подразделений силовых структур в запасе¹. Понятно, что такой внушительный состав постоянных членов Экспертного совета при КФУ из Москвы создает большие возможности для

¹ Среди них можно выделить Амелина В.Ю., Зорина В.Ю., Махлай А.А., Михайлова А.Г., Мухина А.А., Наумкина В.В., Сюкляйнена Л.Р. и др.

привлечения к исследованиям, аналитике, экспертизе практически всех ведущих институтов и ученых в стране по социальным наукам.

В четырех группах Экспертного совета, помимо его членов, работает ряд молодых аналитиков, практиков, журналистов, которые привлекаются руководителями групп для выполнения масштабных или эксклюзивных исследований. Тем самым формируется когорта людей, которые могут впоследствии стать членами Экспертного совета при КФУ.

Систематические исследования по четырем, выше обозначенным направлениям, были начаты еще в 2012 году, поэтому на сегодняшний момент можно уже рассматривать многие процессы в динамике, а совокупность всех исследований позволяет членам Экспертного совета при КФУ давать различные оценки процессов в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, проводить различные мероприятия (например, масштабные конференции), активно заполнять контент федеральных и региональных СМИ, участвовать в выработке государственных концепций, программ и механизмов их реализации.

Результаты социологических исследований Экспертного совета при КФУ, обсуждений на его различных мероприятиях, рекомендаций были использованы при составлении и реализации:

- Плана мероприятий по реализации в 2014–2015 годах в Республике Татарстан Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 года;
- Государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2020 годы» (постановление Кабинета Министров РТ № 1006 от 18 декабря 2013 года);
- Постановления Кабинета Министров № 794 от 25.10.2013 «Об утверждении государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 годы»;

- Постановления Кабинета Министров № 785 от 21.10.2013 «Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 годы)»;
- Постановления Кабинета Министров № 742 от 09.10.2013 «Об утверждении государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2016 годы»;
- Указа Президента РТ № УП-1007 «О внесении изменений в отдельные акты Президента Республики Татарстан»;
- Указа Президента Республики Татарстан № УП-695 «О Концепции государственной национальной политики в Республике Татарстан» и др.

Нормативно-правовые акты обычно представляют собой юридические механизмы принятия и реализации управленческих решений, их конкретизацией являются государственные программы, которые содержат не только индикаторы выполнения тех или иных мероприятий, конкретные суммы финансирования проектов и т. п. Как правило, эти индикаторы и мероприятия определяются на основе проводимых социологических исследований. Например, существующее недовольство в среде кряшен, проживающих в Казани, может быть преодолено посредством реализации ряда этнокультурных программ и проектов, большинство же представителей данного субэтноса татарского народа (насчитывающего по разным оценкам от 200 до 800 тыс. человек) проживание в муниципальных образованиях республики представляется комфортным и в настоящее время. Поэтому любые спекуляции на протестном потенциале кряшенского населения республики, существующие на уровне федеральной и региональной публицистики, не представляются реалистичными и могут быть отставлены на совести небольшой группы политизированных блогеров и общественных активистов.

Перечисленные выше нормативно-правовые акты демонстрируют то, что рациональные управленческие решения, в основе которых лежат научные рекомендации, позволяют осуществлять сбалансированную национальную политику на территории Республики Татарстан, которая включает как поддержку и

развитие языка, культуры, традиций всех старожильческих народов, так и представление возможностей для развития этнических общин и диаспор, созданных в результате миграции.

Так, например, в 2014 году русское национально-культурное объединение Республики Татарстан впервые провело масштабную Всероссийскую научно-практическую конференцию «Русский язык и русская культура в полиглоссическом пространстве» с празднованием Масленицы на одной из престижных площадок в центре г. Казани.

В этом же году в рамках государственной программы Республики Татарстан «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 годы» Министерство образования и науки Республики Татарстан разработало и издало методическое руководства и пособия, направленные на адаптацию трудовых мигрантов из стран СНГ. В результате открытого электронного аукциона поставщиком услуг по проведению курсов по изучению государственных языков, традиций и законодательства Республики Татарстан был определен Университет управления «ТИСБИ». 100 мигрантов Казани, в основном водители троллейбусов, кондукторы, строители, 72 часа занимались по пособиям «Русский язык как иностранный – начальный уровень», «Татарский язык как иностранный – начальный уровень» для тюркоязычных мигрантов из стран СНГ, «Основы правовой грамотности», «Исторические и социокультурные традиции России и Татарстана» [1, с. 46–51].

Собственно мониторинговые исследования по заказу Экспертного совета при КФУ проводятся на основе опроса 1200 человек (при объективной статистической погрешности 2,5–2,8 %). Это вполне репрезентативная выборка, которая затрагивает города и сельскую местность республики. В ряде случаев выборка увеличивается до 1500 человек. Поскольку современная социология невозможна без качественных исследований, то вместе с мониторингом осуществляются экспертные оценки, (метод глубинного полуформализованного интервью), проводится работа с фокус-группами и т. п.

Для обеспечения большей объективности данных в экспертных исследованиях участвуют представители различных регионов, московские ученые, которые осуществляют экспертные заключения по ряду важных вопросов для жизни республики. В экспертной панели обязательно представлены взгляды экспертов, формулирующих оппозиционные мнения и критические точки зрения по отношению к действиям республиканских и муниципальных властей.

Сбор и анализ данных – это важнейший момент в деятельности исследователей. Их распространение для экспертного осмыслиения и использования – постоянная задача членов Экспертного совета при КФУ. Полученные данные, как правило, широко обсуждают на публичных мероприятиях Экспертного совета или в его исследовательских группах в форме семинаров, «круглых столов», пресс-конференций и т. п.

Каждое мероприятие заканчивается выработкой конкретных рекомендаций по применению полученных данных и корректировке методического инструментария исследований. Экспертный совет при КФУ – это важнейшая дискуссионная площадка, которая предназначена для диалога научного сообщества, широкой общественности и власти, он призван вырабатывать научные рекомендации (на основе данных эмпирических исследований) и вырабатывать прогнозы для органов власти и управления при принятии стратегических и тактических региональных управленческих решений. В результате такого взаимодействия, на наш взгляд, происходит процесс институционализации Экспертного совета, фиксирование его функциональности в современном политическом пространстве республики.

В настоящее время в деятельности Экспертного совета при КФУ существует ряд проблем и недостатков. Большинство из них объясняется болезнями роста новой общественной структуры, не всегда эффективно срабатывают механизмы взаимодействия экспертов, власти, предпринимателей, журналистов, некоммерческого сектора. Так, региональный бизнес предпочитает не замечать проблем, связанных с рисками, вызовами и угрозами стабильности в республике, считая это сферой ответственности государства и муниципальных органов

власти. Результаты аналитики и экспертной работы не всегда воспринимаются как данные, имеющее практическое значение. Многие представители власти не умеют работать с полученными результатами исследований и экспертными рекомендациями, использовать их при принятии управленческих решений, предпочитая надеяться на аналитиков собственного министерства или ведомства, статистику, данные работы различных систем электронного правительства.

Существуют постоянные проблемы с восприятием экспертной информации республиканскими средствами массовой коммуникации, которые нередко сводят все свои функции к получению того или иного интервью у членов Экспертного совета при КФУ. Журналисты не всегда готовы воспринимать сложносоставную информацию, методику и методологию исследований, содержащиеся стороны дискуссий экспертов.

Для того чтобы решить эту проблему существуют различные курсы повышения квалификации для журналистов, которые проводит Республиканское агентство по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа», являющееся исполнительным органом государственной власти республики специальной компетенции (ведомством), осуществляющим полномочия по вопросам государственного управления в сфере печати и массовых коммуникаций региона. В 2015 году в Казанском федеральном университете открывается специальная магистерская программа по журналистике «Этноконфессиональные отношения в медиасфере», которая будет готовить журналистов и обществоведов-аналитиков, специализирующихся на рассмотрении этнической и религиозной тематики в Республике Татарстан и за ее пределами. До настоящего времени в республике ощущается острая нехватка специалистов в медиасфере, которые могут разбираться в этно-религиозной проблематике, и не занимающихся при этом этнической или религиозной журналистикой.

Должна стать более интенсивной и профессиональной работа самих экспертов и членов исследовательских групп Экспертного совета при КФУ. В настоящее время затруднено взаимодействие между экспертами из академической сферы и экспертами-практиками, которые по-разному понимают аналитиче-

скую и экспертную деятельность, интерпретацию данных, формирование пакета рекомендаций для органов государственной власти и общественных организаций. На наш взгляд, недооценена и необходимость междисциплинарных исследований в этнорелигиозной сфере, в том числе создания новых методологий, методик и процедур научного анализа.

Необходимо понимать, что социологическая наука имеет объективные недостатки, ее потенциал не безграничен, даже при применении целой совокупности разнообразных методов, процедур и методик. Современные процедуры и методы эмпирических социологических исследований не дают возможность избавиться от субъективизма экспертов, объективной статистической ошибки выборки (ученые ряда стран бьются над проблемой, как довести ее до 2 %). Эмпирическая информация должна накапливаться постепенно, на ее основе возможно формирование баз данных по различным темам, проблемным и конфликтным ситуациям. Очень часто для социологов недоступна информация по индивидам, которые ведут противоправную, антигосударственную деятельность (например, религиозные радикалы, экстремисты правой и левой политической ориентации и др.). Социологов часто и во многом справедливо обвиняют в неоперативности подачи информации, но этот процесс объективен и часто зависит от методологии, методики, масштабов исследований, а не от субъективного желания ученых или потребителей информации.

Социологические данные должны дополняться существующей статистической, эмпирическим контентом электронного правительства, что необходимо делать профессионально, на основе существующей научной методологии. Только такой подход гарантирует соединение науки с практикой, позволяет использовать полученные результаты для подтверждения социальной стабильности и инвестиционной привлекательности Республики Татарстан.

На сегодняшний момент система мониторинговых социологических исследований и экспертизы в Республике Татарстан создана, но нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании. Она в свою очередь является элементом более обширной системы мониторинга, включающего данные экономи-

ческой статистики, общефедеральных рейтингов, информации из электронного правительства. Социологический мониторинг и экспертиза сформированы в Республике Татарстан за счет механизмов взаимодействия научного сообщества, органов государственной власти, представителей НКО, они помогают не только осуществлять исследования, но и использовать их результаты для принятия управленческих решений в этнорелигиозной сфере на уровне региона.

Опыт Республики Татарстан свидетельствует о возможности прикладного использования технологий формирования государственной политики на современном этапе развития российского общества. Сфера общественной жизнедеятельности могут быть различными. Неизменными останутся такие элементы технологии, как всесторонний мониторинг ситуации, взаимодействие исследователей-аналитиков, представителей органов государственной власти, общественных организаций и экспертные институты анализа заданной сферы общественной жизни.

Литература

1. Глазунова А. Мигрантов меньше, учим их больше // Наш дом – Татарстан. – 2015. – № 1 (33). – С. 46–51.
2. Голосов Г.В. Демократия в России: инструкция по сборке. – СПб.: Норма-Петербург, 2012. – 40 с.
3. Доклад Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ. URL: http://www.fa.ru/dep/press/about-us/Documents/30_Life_Quality_2015.pdf (дата обращения: 18.04.2016).
4. Знаменский Д.Ю., Михалина О.А. Влияние типа политической системы на модель формирования государственной политики // NB: Проблемы политики и общества. – 2014. – № 3. – С. 87–100.
5. Информационный портал «Islamtoday». URL: http://islamtoday.ru/islam_v_rossii/tatarstan/tatarstan-v-pervoj-cetverke-vserossijskogo-rejtinga-kachestva-zizni-naselenia (дата обращения: 20.04.2016).

6. Касамара В.А., Сорокина А.А. Российские студенты: взгляды на протестную активность и гражданское общество // Россия и Германия. Общество и государство: исторический опыт взаимодействия. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 309–332.

7. Патрушев С.В. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под редакцией С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – 600 с.

8. Портал «Агентства стратегических инициатив». URL: <http://asi.ru/news/37034/> (дата обращения: 21.04.2016).

9. Рейтинг Фонда «Петербургская политика» за январь 2016 года. URL: <http://www.fpp.spb.ru/fpp-rating-2016-01> (дата обращения: 22.04.2016).

10. Рейтинговое агентство «Эксперт РА»: рейтинг инвестиционной привлекательности регионов. URL: http://www.raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2015/tabc01/ (дата обращения: 24.04.2016).

11. Салагаев А.Л. Новые проблемы и противоречия социокультурного развития Республики Татарстан. – Казань: КНИТУ, 2012. – С. 131-149.

12. Социально-политическая, межконфессиональная и межэтническая ситуация в Республике Татарстан. По материалам социологических исследований первого полугодия 2014 г. – Казань, 2014. – С. 14.

**СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО
И ПРАКТИКИ САМОФИНАНСИРОВАНИЯ
В МУСУЛЬМАНСКОМ СООБЩЕСТВЕ ТАТАРСТАНА**

Галихузина Р.Г., к.и.н., доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

**SOCIAL PARTNERSHIP AND THE PRACTICE
OF SELF-FINANCING
IN THE MUSLIM COMMUNITY OF TATARSTAN**

Galihuzina R.G., Candidate of historical sciences, associate Professor,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса возрождения системы самофинансирования (вакф, закят, гошер, благотворительность и т. д.) мусульманской общины Татарстана и формам социального партнерства, сложившимся в республике. Рассмотрены субъекты формирования исламской финансовой модели на региональном уровне. На основе анализа документов определены основные направления социального партнерства, которое создается между мусульманским духовенством, органами власти, научным сообществом, бизнесом. Описаны механизмы межсекторного взаимодействия по стабилизации социальных процессов и гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений.

Ключевые слова: ислам, благотворительность, община, мусульманская деловая этика, социальное партнерство.

Abstract. The article is devoted to the study of the process of revival of the system of self-financing (waqf, zakat, hoshier, charity, etc.) of the Muslim community of Tatarstan and forms of the social partnership formed in the country. Subjects of formation of Islamic financial model at the regional level are considered. On the basis of the analysis of documents the main directions of social partnership which is created between Muslim clergy, authorities, scientific community, business are defined. Described mechanisms of intersector interaction on stabilization of social processes and harmonization of the interethnic and interfaith relations.

Key words: Islam, charity, community, muslim business ethics, social partnership.

Ислам как система ценностных ориентиров оказывает влияние на общественную жизнь и определяет модель поведения индивида.

Российские мусульмане Кавказа, Среднего Поволжья, Приуралья более тысячи лет являются частью исламской цивилизации. Ислам в постсоветской России расширяет сферы своего распространения и из практики поклонения трансформируется в социальный институт. Об этом свидетельствует деятельность многочисленных мусульманских общественных организаций, которые развернули свою деятельность в 90-е годы XX века. К настоящему времени они приобретают чёткую специализацию и прочно занимают свою нишу в социальных отношениях мусульман, способствуя сохранению исламских ценностей.

Ислам в Татарстане является не только социокультурным фактором, объединяющим мусульманское сообщество, он содержит этический свод, сохраняющий социально-политическую устойчивость в российском обществе. Столица Татарстана становится площадкой для проведения различных крупных мусульманских мероприятий федерального и международного значения.

В статье на основе анализа документов выявляется содержание внутренних ресурсов финансирования мусульманской общины и формы социального партнерства, сложившиеся в Республике Татарстан.

Ислам как религиозное вероучение, обрядовая и культовая практика передается через механизм традиции. Ислам в регионе постепенно входит в такие области как образование, СМИ, социальная сфера (поддержка социально уязвимых слоев населения), экономика, профилактика негативных явлений в обществе.

В течение нескольких лет в регионе наблюдается активное развитие халяль-индустрии, сегмента конфессионального образования российских мусульман, организации ежегодного хаджа, продвижения исламской финансовой системы. Отдельно выделим организацию благотворительных мероприятий и культурных акций, проводимых в Татарстане, которые вышли на федеральный уровень. Обсуждается возможность и способы популяризации исламской культуры на широкую аудиторию, в частности «нуждается в активном продвижении мусульманского радио и телевещания» [4, с. 36].

Духовное управление мусульман Республики Татарстан (далее ДУМ РТ) возникло в 1998 году в столице Татарстана и является централизованной организацией мусульман республики, представляющей их интересы, создавая условия для удовлетворения религиозных потребностей. В структуре ДУМ РТ существует несколько сот мечетей, работают региональные казы (шариатские судьи) и 45 районных мухтасибатов.

При ДУМ РТ организована система высших и средних мусульманских медресе, в 1998 году в Казани образован и успешно действует Российский Исламский институт. Мусульманский сегмент Татарстана так же представлен приходами, рынком халяльной (продукты питания, дозволенные к употреблению) разрешенной продукции, благотворительным фондом «Закат», ассоциацией мусульманских предпринимателей, элементами исламской экономики.

Мусульмане Татарстана стремятся воссоздать исторические формы ведения экономических отношений, подчиненные предписаниям ислама, существовавшие в дореволюционный период.

Деловая активность татар – мусульман основывалась на деятельности таких традиционных институтов как вакф, закат, гошер и различных форм по-

жертвований. Таким образом, мусульманская община находилась на самофинансировании, что стимулировало социальную ответственность в мусульманском сообществе, и способствовало передаче традиций благотворительности.

На современном этапе в Татарстане вдумчиво используется исторический опыт самофинансирования мусульманской общины и «востребованным для устойчивости уммы в кризисных ситуациях становится и вакуф, и закят (обязательные отчисления), и гошер, и поступления от производства мусульманской атрибутики, халяльной и издательской продукции, сборы от образовательных, религиозных услуг (хадж, ритуальные)» [12, с. 186]. Необходимо признать, что из перечисленных выше работающими инструментами привлечения финансовых средств на нужды мусульман являются институт заката, гошера (десятина с сельскохозяйственной продукции растительного происхождения). В некоторых районах предприняты шаги по ее сбору, главным образом десятину, составляет картофель, по сбору которого «лидируют Балтасинский, Сабинский, Кукморский, Атнинский, Рыбно-Слободской, Черемшанский и Арский районы. Собранные в этих районах овощи уже переданы в медресе республики» [3].

Переходя к вопросу системы финансирования мусульманской общины в республике отметим, что она находится в процессе выстраивания и возрождения традиционных ее форм. Основным звеном в структуре самофинансирования занимает мечеть, которая исторически является религиозным, образовательным центром, точкой роста и социального объединения верующих. Для возведения мечети требовалось соблюдение таких требований как наличия двухсот душ мужского пола и не менее чем ста дворов. Махалля представляла собой не только совокупность жилых кварталов, «но и еще мусульманскую общину, локализованную в их пределах и имеющую общее место для коллективных молений – квартальную мечеть» [9, с. 6].

Татары, проживая в слободах, образовывали махалли (локальная мусульманская община), в рамках которой протекала повседневная жизнь, разрешались проблемы помощи нуждающимся. При финансовой и организационной поддержки махалля выстраивалась мусульманская инфраструктура в виде мечети,

мектебе (начальные школы), медресе (среднее мусульманское учебное заведение), формировалась прослойка образованного мусульманского духовенства.

В махалле фиксировалась численность членов, «которые материально поддерживали свои религиозные институты, участвовали в благотворительных проектах махалли, а также содержали и свое духовенство, избирая его через процедуру «приговора» (две трети членов прихода должны были согласиться с кандидатурами духовных лиц, договориться об их содержании)» [15, с. 28].

В новых условиях воссоздать данную форму махалли достаточно сложно, при этом в крупных мечетях городов Татарстана так же создается система коммуникации между верующими, реализуется продукция и услуги. Открываются курсы по изучению ислама, халяльные кафе (дозволенные продукты питания, **приготовленные по исламским обычаям**), ателье по пошиву мусульманской одежды, осуществляется продажа исламской литературы и атрибутики. Мечети используют инновационные формы продвижения исламских ценностей при работе с прихожанами (благотворительные акции, создание страницы в интернете, печатных изданий).

В полной мере возродить махалля, существовавшую у татар в дореволюционный период вряд ли возможно. Вместе с тем роль мечети в жизни мусульман должна, очевидно, быть основана не на территориальном принципе, а экстерриториальном. В новых условиях как отмечается в Концепции «Ислам и татарский мир» мусульманская община «оказалась единственным институтом, который не исчез, а адаптировался к новым условиям. Таким образом, она претерпела кардинальные изменения, приобретая больше черты социальной общины» [8].

Исторической формой самообеспечения мусульман были вакфы, которые имели различные организационно-правовые формы. Среди них наиболее распространёнными у татар – мусульман были следующие:

– Доходные дома, переданные в собственность мечетей здания и помещения административного назначения и собственного жилого фонда посредством сдачи их в аренду и получения арендной платы.

- Магазины и лавки, доход от деятельности которых шел на содержание мечетей и медресе.
- Закладной капитал, в случае размещения которого закладная сумма сохранилась в банке, а использовалась прибыль от коммерческого капитала.
- Доход от земельных участков, использованных в сельскохозяйственных целях на соответствующие нужды» [5, с. 32].

Вакуфное имущество, которое предоставляло финансовые гарантии мусульманской общине «и созданное не одним десятилетием, в свое время было разрушено» [12, с. 155].

С принятием в 1999 году Закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» произошло признание правового статуса вакуфа. В частности, в 17 статье пункте 3 указано, что «религиозные организации вправе иметь вакуфное имущество» [11, с. 133], которое может быть использовано на благо мусульман.

По мнению Якупова В.М., на формирование слоя духовенства – имамов, способных вести профессиональную пропагандистскую деятельность, и учебного духовенства «нужны дополнительные источники дохода, их нельзя содержать лишь на поступления от обрядов» [15, с. 27]. Решение данного вопроса он видел в учреждении вакуфного имущества, которое бы обеспечило устойчивые поступления от него, а так же разработки концепции современной городской татарской махалли.

В современных условиях попытки возрождения данного института были предприняты ДУМ РТ, который в 2011 году создал Фонд «Вакф Республики Татарстан». Согласно учредительным документам фонд был призван формировать и использовать материальные и финансовые средства, поступающие на основе добровольных взносов на реализацию социальных, благотворительных, культурных, образовательных проектов, ориентированных на мусульманские религиозные организации (образовательным, детским), малообеспеченных граждан, содействие в охране, ремонте, реставрации зданий, сооружений, культурного, благотворительного и иного назначения.

В 1998 году Администрацией г. Казани в пользование ДУМ РТ был передан ряд зданий, но их использование было затруднено тем, что их реконструкция требует финансовых затрат. Таким образом, объекты, составляющие вакуфную систему Татарстана до революции, в большинстве своем разрушены или сильно обветшали, в этой связи использование этого ресурса весьма затруднительно.

Организацией, осуществляющей сбор добровольных пожертвований, является Фонд «Закат», возникший в 2011 году. Формы сбора средств достаточно разнообразны – пожертвования на расчетный счет, касса фонда, ящики пожертвований, смс пожертвования, терминалы оплаты. Анализ отчетов поступлений за три года позволяет говорить о росте собранных поступлений. Общая сумма пожертвований (закят и садака) фонда за «2013 год составила 2 882 034,46 руб., в 2014 году было собрано 5 372 941,21 руб., сумма поступления за неполный 2015 год собрано 3 329 366,89 руб.» [10].

В 2012 году было создано объединение предпринимателей, «ведущих и желающих вести бизнес по канонам ислама и создано единое информационное поле для этих бизнесменов» [6].

В республике созданы механизмы формирования общественного интереса мусульман и их реализации. На региональном уровне складываются различные форматы социального партнерства власти и религиозных учреждений. В ноябре 2004 г. Российский исламский институт (далее РИИ), муфтий РТ, совместно с главой администрации Казани Исхаковым К.Ш., с приглашением видных ученых–исламоведов из ряда стран Востока провел первый Всероссийский конкурс чтецов и хафизов Корана (лицо, знающее Коран наизусть – прим. Г.Р.). Для российских мусульман конкурс стал «небывалым событием за более чем 1000–летнюю историю ислама в России» [15, с. 236].

Наглядным примером поддержки инициатив мусульман может служить практика проведения с 2009 года международного Саммита исламского банкинга и финансов, который «был организован не официальными структурами, а

группой мусульман, которым в итоге удалось заручиться поддержкой правительства Татарстана» [4, с. 36].

Данный вывод подтверждает слова Габдрахмановой Г.Ф., которая признает, что «исламская экономическая модель как элемент экономической культуры российских мусульман всегда существовала и развивалась внутри уммы» [2, с. 116]. Исследователь указывает на появление самостоятельных экономических сегментов, направленных на реализацию физиологических и духовных потребностей мусульман, а компоненты культуры, возникающие в данных секторах ислама становятся ресурсом для экономических акторов.

Анализируя степень развития сегмента мусульманской экономики в России, она приходит к выводу, что исламские финансовые институты в стране не сложились, за исключением исламского финансового продукта, «например, в части тakaфула (страхования)» [2, с. 116].

Примером взаимодействия органов власти и религиозных организаций в области производства продуктов питания соответствующей канонам ислама, стала регистрация 17 февраля 2009 года «Системы добровольной сертификации продукции и услуг на соответствие канонам Ислама – Системы Халяль (Halal)», разработанная Комитетом по стандарту «Халяль» Духовного управления мусульман РТ и Республиканским сертификационным методическим центром «Тест–Татарстан». Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии зарегистрировало знак соответствия, и предприятия, выпускающие продукцию Халяль, должны ее маркировать. Примечательно, что впервые инициатива о создании халяль–индустрии исходила от Комитета стандарта «Халяль», который возник в структуре Духовного управления мусульман Республики Татарстан в 2005 году.

Основной вектор развития социального партнёрства между органами власти, бизнесом и религиозными организациями направлен главным образом на сохранение и развитие культуры и традиционного уклада многонационального и многоконфессионального народа. Сферой приложения усилий трех секторов традиционно является благотворительность, которая занимает особое место в

системе обеспечения мусульманской общины, традиции которого возрождаются. Так, например мечеть Кул Шариф возводилась на пожертвования многих организаций, в том числе «Татнефть» и отдельных граждан, в свою очередь, мечеть «Энилер» строилась при финансовой поддержке «Ак барс» банка.

Серьезной поддержкой для полноценной работы мусульманских организаций России стало учреждение по инициативе администрации Президента РФ Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования в 2007 году. С 2008 года в рамках проекта Российский исламский институт издает научную и учебную литературу для медресе республики. Данная помощь распространяется так же на мечети, на базе которых, как правило, организуются образовательная деятельность в форме примечетьевских курсов для обучения основам истории и культуры ислама. Так, по данным ДУМ РТ «в 2007 и 2008 годах наша республика получила по 125 грантов для мечетей, а в 2009 году их было выделено 115» [4, с. 37]. Таким образом, получение преподавателями и имамами грантов становится элементом повышения мотивации и здоровой конкуренции в педагогической среде. Подобная помощь усиливает эффективность учебных заведений, сохраняя состав квалифицированных преподавателей, вносящих достойный вклад в образование и воспитание подрастающего поколения мусульман, обладающих глубокими знаниями и высокой толерантностью.

Социальное партнерство проявляется в реализации социально значимых проектов. С целью реализации государственной политики в области межконфессиональных и межэтнических отношений выстраивается сотрудничество между религиозными и светскими институтами. На площадке Казанского федерального университета в 2014 году был создан Ресурсный центр по развитию исламского и исламоведческого образования, который осуществляет профессиональную подготовку, повышение квалификации специалистов в области мусульманского образования, сотрудников организаций и учреждений, работающих в этноконфессиональной сфере.

В фокусе внимания религиозных деятелей, научного сообщества КФУ, РИИ находятся вопросы развития мусульманского образования в республике,

(концепции подготовки специалистов с углубленным изучением истории ислама, проблемам преподавания исламского вероучения), использование татарского богословского наследия. Усилия специалистов так же нацелены на обсуждение способов адаптации мусульман, обучавшихся за рубежом, возможности их успешной профессиональной деятельности, меры профилактики распространения чуждой идеологии, адаптации лиц вышедших из мест заключения.

Ресурсный центр и Центр медиации, урегулирования конфликтов и профилактики экстремизма КФУ, Российский исламский институт, ДУМ РТ реализует образовательные программы для представителей системы Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Татарстан (далее ФСИН), представителей мусульманского духовенства. Так, Центр медиации, урегулирования конфликтов и профилактики экстремизма в 2014 году обучил казыев республики (шариатские судья) процедурам досудебного урегулирования споров [1], в 2015 году подготовил имамов для работы в системе ФСИН [7].

В целом за 2014 год ДУМ РТ, РИИ, Ресурсный центр «организовали курсы повышения квалификации для более 2431 слушателей, разработали 30 учебно-методических пособий по основным исламским наукам, выпустили более 100 книг» [13].

Результатом сотрудничества ДУМ РТ и УФСИН является организация религиозно-воспитательной работы с осужденным мусульманами. С этой целью в девяти исправительных учреждениях республики, а также СИЗО создаются условия для соблюдения предписаний религии (организация проповедей, участие в коллективных молитвах). Формирование правильных представлений об исламе достигается в частности при помощи комплектации библиотек колоний и контролем ДУМ РТ над фондом литературы по исламской тематики.

Важную просветительскую миссию осуществляло издательство «Иман», которое с 29 ноября 1990 года вносило вклад в возвращение мусульманам и жителям республики богословского наследия. Центр переиздавал большой комплекс трудов дореволюционных татарских авторов, которые становились достоянием широкой общественности. С арабского и старотатарского языков

переводились и публиковались работы авторитетных среди ханафитов (представители ханафитской богословско-правовой школы, которой придерживаются мусульмане Поволжья – прим. Г.Р.) книг по фикху, издавались брошюры, нацеленные на «дискредитацию других нетрадиционных исламских течений и сект, или идей и проектов» [14, с. 14].

Центр «Иман», провозглашая лозунг возрождения национальных исламских традиций, толерантности, «избегает выпускать литературу, когда религиозные вопросы рассматриваются через призму мнений, несвойственных для мусульман нашего региона» [14, с. 12].

Подводя итоги, отметим, что особое отношение к труду и ответственности, продиктованное мусульманской этикой, способны выступать мощным ресурсом для снижения негативных последствий проявлений алкоголизма, наркомании, сохранения межнациональных и межконфессиональных мира и согласия. Внутренние резервы мусульманской общины (садака, закат, гошер, благотворительность) используются при работе с инвалидами, одинокими лицами преклонного возраста, сиротами, детьми с девиантным поведением, семьями, находившимися в сложной жизненной ситуацией, детьми из неполных семей.

Исламские инструменты самофинансирования мечетей, медресе, приходов являются основой для их устойчивого развития, и нуждаются в продвижении и популяризации среди мусульман.

Институт вакфа остается наиболее финансово емким по возможности привлекаемых средств, в тоже время отсутствуют субъекты, готовые направлять личное имущество и собственность на благо мусульманской общины.

Махалля как конфессиональное сообщество продемонстрировало консолидирующую роль в дореволюционный период. На современном этапе происходит ее структурирование, и пока она не представляет еще устойчивого образования.

Межсекторное социальное партнерство (ислам – власть – наука – бизнес), которое складывается в республике, позволяет обеспечивать духовную безопасность подрастающего поколения, снижая риски глобализации ислама, тем самым культивирует и укрепляет прослойку мусульманской интеллигенции.

Мусульманскому сообществу предстоит выработать модель интеграции мусульман из среды мигрантов и использовать потенциал махалли и религиозных служителей.

Мусульманам необходимо активнее участвовать в социальной жизни общества, переходя за рамки своего сообщества. Расширение границ социального служения и партнерства ислама с представителями других традиционных конфессий будет способствовать укреплению межнационального и межконфессионального диалога, взаимоуважению и веротерпимости.

Литература

1. В КФУ казыев научили выходить из спорных ситуаций. URL: <http://kpfu.ru/ino/struktura/strukturye-podrazdeleniya/centr-mediacii-uregulirovaniya-konfliktov-i/novosti-i-obyavleniya/v-kfu-kazyi-duhovnogo-upravleniya-musulman-79319.html> (дата обращения: 13.01.2016).

2. Габдрахманова Г.Ф. Исламская экономическая модель в России: теоретико-методологические проблемы изучения // Конфессиональный фактор в развитии татар: концептуальные исследования. – Казань, 2009. – С. 101-124.

3. Гошерсадака в медресе Республики. URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_4231.html (дата обращения: 13.01.2016).

4. Доклад Председателя ДУМ РТ, муфтия Гусмана хазрата Исхакова IV Съезду мусульман Татарстана. – Казань: ООО «Ислам-пресс», 2010. – 63 с.

5. Документальные материалы № 3. О деятельности руководства Духовного управления мусульман Республики Татарстан в период с 14.02.2002 по 14.03. 2003. – Казань, 2001. – 88 с.

6. Заседание Ассоциации предпринимателей-мусульман. URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_4039.html (дата обращения: 13.01.2016).

7. Имамы Республики ознакомились с технологиями урегулирования конфликтов в системе УФСИН РФ по РТ. URL: <http://kpfu.ru/isfnmk/struktura/otdeleniya/socialno-politicheskikh-nauk/imamy-respubliki-tatarstan-oznakomilis-s-182727.html> (дата обращения: 13.01.2016).

8. Концепции «Ислам и татарский мир». URL: <http://dumrt.ru/ru/concept/> (дата обращения: 13.01.2016).

9. Мухаметшин Р.М. Мусульманская община у татар: становление и особенности функционирования. Татарские населенные пункты и махалля: история и проблемы возрождения. Сборник научных статей / Под. ред. Д.А. Шагавиева, М.Р. Гайнановой. – Казань: Институт Истории им. Марджани АН РТ, 2015. – С. 6–20.

10. Отчеты благотворительного фонда «Закат». URL: <http://www/zakyatrt.ru /fullotchet> (дата обращения: 28.10.2015).

11. Республика Татарстан: свобода совести и религиозные объединения. Словарь-справочник / Под. ред. Набиева Р.А. Серия: Культура религия общества. Вып. 8. – Казань: Арт кафе, 2001. – 394 с.

12. Российские мусульмане в этноконфессиональных процессах XIX – XX вв.: коллективная монография и сборник выступлений на научной конференции, посвященной памяти академика АН РТ Р.И. Нафигова / под. общ. ред. Р.А. Набиева. – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. – 260 с.

13. Сегодня завершающий день международного форума преподавателей мусульманских организаций. URL: <http://dumrt.ru/ru/news/news11378.html> (дата обращения: 13.01.2016).

14. Шагавиев Д.А. Обзор литературы, изданной ЦИК «Иман» (1990-2005) // Общественно-политическая жизнь Татарстана в условиях социокультурного и конфессионального плюрализма. – Казань: Иман, 2006. – С. 5–16.

15. Шарипова Р.М. Мусульманские учебные заведения Татарстана / Страны Востока: социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации. Памяти А.М. Петрова. – М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2012. – С. 236.

16. Якупов В.М. Ислам в Татарстане в 1990-е годы. – Казань: Издательство «Иман», 2005. – 144 с.

**ТЕРРОРИЗМ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ
КАК УГРОЗА МЕЖДУНАРОДНОЙ
И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Гареева К.А., ассистент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

**INFORMATION TERRORISM AS A THREAT FOR INTERNATIONAL
AND NATIONAL SECURITY**

Gareeva K.A., Assistant,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Аннотация. Настоящая статья посвящена актуальным проблемам терроризма, которые не вызывают сомнения. Автор статьи рассматривает симбиоз взаимовлияния средств массовой информации и процессов трансформации терроризма. Теоретической основой исследования стал системный структурно-функциональный анализ, построенный на качественных и количественных методах, обеспечивающих необходимую репрезентативность и надежность данных. Средства массовой информации имеют изначальное влияние на рост терроризма; они состоят в симбиозе, и существует четыре режима взаимодействия между террористами и средствами массовой информации. Данная работа может быть использована при разработке соответствующих курсов как для студентов направления «Конфликтология», так и для курсов повышения квалификации работников правоохранительных органов, Антитеррористических комиссий Республики Татарстан.

Ключевые слова: терроризм, информационный терроризм, международный терроризм, информационная безопасность, международная безопасность, средства массовой информации, глобализация, трансформация терроризма, сетевой терроризм.

Abstract. This article is devoted to actual problems of terrorism, which is not in doubt. The author considers the mutual symbiosis of media and processes of transformation of terrorism. The theoretical basis of the study was a systematic structural and functional analysis based on qualitative and quantitative methods, providing the necessary representativeness and reliability of the data. The media have a primordial influence on the growth of terrorism; they consist in symbiosis, and there are four modes of interaction between the terrorists and the media. This work can be used in the development of appropriate courses for students of the direction "Conflict Studies", as well as for training courses of law enforcement personnel, Anti-terrorists commissions of the Republic of Tatarstan.

Key words: terrorism, information terrorism, international terrorism, information security, international security, national security, media, globalization.

Терроризм не является феноменом XXI века, в новейшей истории он приобретает новые виды, функции, методы, в целом происходит полная трансформация сущности терроризма. Глобальное распространение терроризма, его трансформация и решающая роль средств массовой информации в этом процессе, в последние десятилетия, обуславливает необходимость исследования данного феномена. Понимание процессов взаимосвязи терроризма и СМИ невозможно без их четкого определения, исследования методов и структуры.

Существует три основные дефиниции данного явления: «терроризм», «террор» и «террористический акт». Для понимания общей теории терроризма необходимо разобраться в данных понятиях.

Терроризм (от лат. *terror* – страх, ужас) определяется в научной литературе как политика, метод политического действия или идеология насилия, с сис-

тематическим применением актов физического, вооруженного насилия. Согласно ст. 205 УК РФ дается следующее определение: «Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях...» [4].

Террор, в свою очередь, определяется как действия, выражающиеся в физическом насилии, совершаемые с целью устрашения гражданского населения, вплоть до полного уничтожения.

Террористический акт – это деяния, совершаемые для устрашения населения или создающие опасность гибели населения, причинение имущественного вреда или иных тяжких последствий, в целях оказания влияния на принятие решений государственной власти, международных организаций и т. д. [7].

Таким образом, данные понятия определяются как синонимичные. Но, на мой взгляд, это является неверным и существует необходимость различать данные понятия. Так, терроризм представляет собой сложное общественно-политическое явление, а террористический акт и террор – это преступные деяния и связанные с ними общественно-политические, социально-экономические, социально-психологические последствия для общества.

Следует отметить, что в данных дефинициях в настоящее время огромную роль играет информационная безопасность и угроза информационного терроризма. Так как, на сегодняшний день существование терроризма невозможно без средств коммуникации и средств массовой информации.

Сетевая природа современного терроризма является следствием бурного развития информационных технологий. Она проявляется в том, что террористические организации признали важность средств массовой информации для удовлетворения своих целей. Между медийными структурами и терроризмом существуют интерактивные (симбиотические) отношения, поскольку средства

массовой информации имеют отраслевые шаблоны для производства мульти-медиа контента, отдавая предпочтение сенсационной информации, тогда как действия террористических групп ее обеспечивают [2, с. 209].

При этом террористические организации постоянно пытаются манипулировать и использовать средства массовой информации в своих целях. Медийные структуры обеспечивают глобальное распространение терроризма. Опасность, возникающая при этом влияет на политические решения, используемые в ответ на профилактику экстремизма и терроризма, а также на отношения, сформированные на основе национальной и международной политики. Тем не менее, средства массовой информации не должны стать инструментом терроризма.

Новейшая история за последнее десятилетие предоставила много примеров взаимовыгодных отношений между террористическими организациями и средствами массовой информации. Крупные теракты в истории указывают, что терроризм использует средства массовой информации в интересах эксплуатационной эффективности, сбора информации, вербовки, мобилизации финансовых ресурсов и схем пропаганды. Средства массовой информации, в свою очередь, получают внимание общественности, что является жизненно важным для их существования и выгоды от рекордных продаж и огромной аудитории.

Террористические акты должны быть доведены до широкой аудитории, чтобы иметь эффект, средства массовой информации в свою очередь извлекают выгоду из-за желания публики получить информацию о террористических нападениях. Таким образом, справедливо утверждать, что существуют взаимовыгодные отношения между терроризмом и современными средствами массовой информации.

Этот симбиоз, на мой взгляд, стоит изучать более подробно, так как он представляется очень опасным и в значительной степени упускается из виду в современных социальных науках, в том числе и в конфликтологии.

Объяснить вышеупомянутый симбиоз можно тем, что без освещения средствами массовой информации, влияние террористического акта на общественно-политическую систему окажется невозможным. Террористические акты

направлены не на определенные человеческие жертвы, а на привлечение более массовой целевой аудитории, так же немаловажным является то, как аудитория реагирует на тот или иной террористический акт.

Одной из основных целей террористов является привлечение внимания национальных и зарубежных средств массовой информации, общественности и лиц, принимающих решения в правительстве. Для этого, террористы тщательно выбирают места, в которых они выполняют свои атаки, чтобы обеспечить лучшее освещение в средствах массовой информации. Можно отметить и существующую в современном обществе тенденцию превратить терроризм в «шоу», о чем свидетельствуют крупные теракты, в частности, места их проведения, количество пострадавших и свидетелей.

Представляется, что цели террористов ограничиваются не только победой над вниманием общества. В дополнение к этому, через средства массовой информации, они стремятся пропагандировать свои политические взгляды, информировать как своих сообщников, так и противников о мотивах террористических актов, обосновывать и оправдывать насилие [8, р. 405]. Кроме того, они стремятся к тому, чтобы их воспринимали как законных мировых лидеров, так как средства массовой информации придают им одинаковый статус с легальными политическими деятелями. Таким образом, для террористов, средства массовой информации являются инструментом, который позволяет сократить асимметрию между ними и их противниками в фактической и идеологической войне, создать атмосферу страха, узаконить их действия и достичь внимания больших аудиторий.

Учитывая эти мотивы, террористы, возможно, проводят свои атакиrationально и стратегически с полным осознанием влияния освещения в средствах массовой информации на каждый сегмент общества и правительственные чиновников почти всех уровней. Так, например, Айман аль-Завахири, лидер Аль-Каиды, утверждает, что «большая часть борьбы происходит на поле битвы медиа пространства, в информационной войне за сердца и умы» [9, р. 122].

Средства коммуникации террористов различны. В последнее десятилетие информационно-технологические достижения и изменение поведения аудитории, позволили террористическим группам использовать средства массовой информации, в качестве своего главного инструмента влияния еще с большим удобством и простотой. В частности, в годы после падения Берлинской стены и распада Советского Союза, медийные структуры изменились из-за глобального охвата сети Интернет и сотовых телефонов. Новые средства массовой информации позволили террористам быстрее и проще публиковать свои сообщения через веб-сайты, достигая более широкой аудитории. Террористы больше не нуждаются в печатных средствах массовой информации. «Официальные» средства массовой информации были заменены сетью Интернет, которая понятнее в использовании, быстрее и более эффективна.

Интернет явно увеличил объем террористической пропаганды, стал идеальным инструментом для террористов в плане продвижения своих оперативных целей с малыми затратами и риском.

На мой взгляд, все вышеперечисленные факты указывают на то, что террористы нуждаются в средствах массовой информации, для того, чтобы получить бесплатную рекламу, передавать свои сообщения и идеи, а также заручиться поддержкой, признанием и легитимностью. Учитывая новые тенденции в СМИ и коммуникационных технологиях, вполне вероятно, что террористы будут использовать более инновационную тактику для достижения своих целей.

Терроризм имеет много аспектов, которые делают его очень привлекательным объектом для средств массовой информации, так как он имеет элементы драмы, опасности, крови, человеческой трагедии, шокирующий материал и действия. Другая причина заключается в том, что насилие является центральным и определяющим явлением в современной телевизионной культуре, имеет решающее значение для семиотического и финансового импульса современных медиа-организаций. Сегодня мы сами являемся свидетелями того, что происходит нарочитое навязывание информации. Федеральные каналы прерывают развлекательные программы выпусками новостей, которые содержат репортажи об

актах физического или вооруженного насилия. Происходит размывание границ таких общечеловеческих ценностей, как чувство безопасности, человеческая жизнь, смерть. На мой взгляд, это имеет очень тяжелые последствия для общества, так как оно перестает адекватно реагировать на данные события, воспринимать их как преступные действия и акты террора, а воспринимает как обыденность.

Средства массовой информации всегда были заинтересованы в освещении терроризма. Однако появление мега-медиа-организаций привело к повышению конкуренции и росту интереса к шокирующему, сенсационному развлекательному контенту, что позволяет удерживать аудиторию, повысить рейтинги и увеличить прибыль. Кроме того, одной из причин, почему средства массовой информации ориентированы на получение прибыли в контексте противодействия терроризму, является то, что значительное число топ-менеджеров средств массовой информации сегодня приходят из корпоративного мира, а не из числа журналистов. Особенно это характерно для мировых медиийных структур, формирующих глобальную аудиторию.

Следовательно, на мой взгляд, проблема заключается не в том, с какой целью средства массовой информации освещают терроризм, а в том, как они освещают терроризм. Медийные структуры травмируют аудиторию, преувеличивая угрозы, политика страха является доминирующим мотивом для подачи новостей и популярной культуры. В этих условиях, новости о терроризме превращают преступление, опасность и страх в неотъемлемую часть повседневной жизни.

Некоторые ученые пытались разработать теорию, согласно которой развитие средств массовой информации имело начальное влияние на рост терроризма. Д. Уилкинсон, Б. Хоффман и другие известные исследователи-террологи категорически против таких попыток в своих работах, и они указывают на то, что террористические организации на протяжении всей истории пытались распространить информацию о своих действиях по-разному, сначала через устные повествования, затем позже из-за технологического развития появились более

доступные и разнообразные способы коммуникации. Оба автора представляют теорию симбиоза между терроризмом и средствами массовой информации, который происходит во время террористических актов.

Французский социолог М. Вивьйрка опровергает то, что терроризм и средства массовой информации состоят в симбиозе, предлагая свою теорию, согласно которой существуют четыре режима между террористами и средствами массовой информации:

1. Полное безразличие, когда террористы не имеют целью запугать ту или иную группу населения помимо своих предполагаемых жертв и не реализовывают пропаганду своими действиями;
2. Относительное безразличие, в котором преступник равнодушен к новостям о терроре и насилии;
3. Ориентированная медиа-стратегия, когда террористы используют средства массовой информации в качестве инструмента для распространения сообщений об угрозах;
4. Радикальная стратегия, представляющая отношения, где террористы воспринимают СМИ, их организации, редакторов и журналистов как врагов и они должны быть наказаны и уничтожены [10].

Д. Уилкинсон отвергает режимы М. Вивьйрка и в работе на тему: «Симбиотические отношения между терроризмом и СМИ» говорится [5], что терроризм сам по себе является психологическим оружием, которое зависит от передачи угрозы обществу, что и составляет суть их симбиоза. Д. Уилкинсон находит доказательства связи между терроризмом и средствами массовой информации в следующих фактах:

1. Терроризм не может существовать без публичности и рекламы;
2. Свобода средств массовой информации позволяет манипулировать обществом и эксплуатировать его.

Чтобы понять, как средства массовой информации изображают террористов и освещают терроризм, следует внимательнее изучить те методы, которые при этом используют СМИ. Средства массовой информации обычно применя-

ют определение повестки дня и фрейминг, чтобы выделить и сделать определенные вопросы более заметными, чем другие.

Формирование повестки дня является теорией, чем больше внимания средства массовой информации уделяют тому или иному явлению, тем большее значение приобретают общественные атрибуты этого явления. Фрейминг или эффект обрамления, в свою очередь, позволяет формировать общественное мнение через средства массовой информации. Иными словами, отношение аудитории к тому или иному явлению, и как на него реагировать, зависит только от того как это будет передано в средствах массовой информации. Эффект обрамления может быть связан как визуальной информацией, так и текстовой. Определенные слова и образы, составляют каркас, который можно отличить от остальных новостей по их способности стимулировать поддержку или оппозицию той или иной стороны в политическом конфликте [1, с. 135].

Представляется, что через использование вышеуказанных методов средства массовой информации могут прямо или косвенно служить интересам террористов, путем упрощения информации для зрителя до того, что она будет иметь мало общего с реальными событиями. Жесткая ротация террористических актов в СМИ также может выступать одной из целей террористов. Можно утверждать, что цели и задачи террористов тесно связаны с повесткой дня и эффектом обрамления, и, то, каким образом средства массовой информации освещают эти процессы, имеет решающее значение для того, как террористы проводят атаки и закрепляются в повседневной жизни аудиторий. СМИ позволяют произвести глобальный охват того, или иного события, в свою очередь, террористы использует этот механизм для того, чтобы продемонстрировать свои способности, принимать дальнейшие действия для распространения пропаганды террора и привлечения сторонников.

Средства массовой информации играют центральную роль в политическом насилии, они могут увеличить или свести к минимуму освещение террористических актов и их исполнителей. В соответствии с этим могут быть реализованы

меры, чтобы минимизировать взаимозависимость средств массовой информации и терроризма [6]. На мой взгляд, они могут быть сведены к следующему.

Десекьюритизация – СМИ выступает актором, который освещает феномен терроризма и вовлекает в данную проблему общество. Главная задача СМИ должна состоять в том, как освещать терроризм. Для того, чтобы изменить симбиотические отношения между терроризмом и медийными структурами, важное значение для средств массовой информации имеет пересмотр и изменение риторики при освещении новостей, связанных с терроризмом. Необходимо разорвать этот симбиоз и не позволить террористическим группам использовать средства массовой информации в качестве главного инструмента рекламы, вербовки и предотвратить возникновение атмосферы страха на уровне настроений общества.

Объективность – средства массовой информации должны нести ответственность перед общественностью. Средства массовой информации должны представить аудитории обе стороны истории, справедливо и точно без предвзятости, так, чтобы зрители могли сделать свои выводы о новостях и/или истории, независимо от негативного влияния средств массовой информации [3, с. 105].

Ясность – средства массовой информации должны обеспечить ясную, сбалансированную и основанную на фактах информацию, до такой степени, чтобы можно было предотвратить неверное истолкование, связанное с терроризмом, избегать радикальных точек зрения, чтобы поднять рейтинги и использовать простой язык, который каждый сможет понять.

Выборочное использование мягкой силы – профилактика экстремизма и терроризма в СМИ может усилить власть той или иной террористической организации. Средства массовой информации могут быть использованы в качестве инструмента для связей с общественностью и публичной дипломатии, а не как инструмент антитеррористической пропаганды, чтобы влиять на общественность и потенциальных новобранцев.

Дифференциация – СМИ не должны способствовать формированию и закреплению стереотипов, мифов и установок о тех или иных религиозных, этни-

ческих меньшинствах. Такая дихотомия может вызвать социальные волнения в мультикультурных обществах, которые не интегрированы в отдельные группы и вызвать новые вспышки агрессии, гнева, создание условий для потенциальных вербовщиков.

Борьба с кибертерроризмом – интернет стал центральной площадкой коммуникации для всего общества. Развитие Интернета привело к развитию онлайн терроризма и поддержке террористов. Интернет – это инструмент для вербовки, сбора денег и распространения соответствующей информации.

Несмотря на то, что регулирование средств массовой информации, в частности, в интернете, представляет собой дилемму, из-за присущей напряженности между цензурой и демократическими традициями свободы слова, неприкосновенности частной жизни и свободы прессы, важно принять в условиях борьбы меры против кибердеятельности террористов. Эти меры могут включать в себя отслеживание их деятельности на интернет-форумах, блокирование их деятельности в социальных медиа, предотвращение распространения радикальных материалов с определенных веб-сайтов. В дополнение к этому – принятие соответствующих законодательных актов на национальном уровне.

Развитие информационных технологий, в частности самих средств массовой информации, в корне изменило характер террора. Террористические акты направлены не на конкретного человека, а на общество в целом, чтобы каждый чувствовал и осознавал угрозу. Когда население начинает ощущать неуверенность в завтрашнем дне, нестабильность, оно теряет доверие к власти. Главной целью террора является попытка дестабилизировать, разрушить существующую политическую и общественную системы государства. Бессспорно, эти процессы дискредитируют власть, демонстрируя их бессиление, неспособность справиться с актами террора и насилия. В существующей ситуации, на мой взгляд, очевидно, что террористические группировки, средства массовой информации и общество взаимно влияют друг на друга. Если террористический акт не освещать в средствах массовой информации, то теряется сам смысл проведения того или иного террористического акта.

Представляется, что этот симбиоз не является неизбежным. Реализация определенной информационной политики, которая отличается от неудачных предыдущих политик, может способствовать нарушению этого цикла, где, по крайней мере, одна составляющая стороны – средства массовой информации будут действовать более ответственно, более сознательно и в духе сотрудничества. Только когда будет обеспечен «информационный голод» терроризма, от которого они зависят, станет возможным проведение более масштабных мер на уровне национальной политики чтобы выиграть идеологическую и информационную борьбу с терроризмом.

Таким образом, на мой взгляд, средства массовой информации обладают огромными возможностями и потенциалом к привлечению внимания общественности к той или иной проблеме, какими не обладает ни одно государство, и должно принимать более значимую роль в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Тем не менее, только комплексное взаимодействие средств массовой информации, законодательной, исполнительной, судебной власти и гражданского общества, может выступать эффективным инструментом в решении этой глобальной проблемы.

Литература

1. Андреева Е.В. Роль средств массовой информации в терроризме XXI в. / Е.В. Андреева // Молодой ученый. – 2011. – Т. 2, № 5.
2. Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. – М.: Проспект, 2005.
3. Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы. – М.: Медея, 2004.
4. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: http://base.garant.ru/58060470/25/#block_2024 (дата обращения: 1.03.2015).

5. Холмс Р. Терроризм, жестокость и насилие // Метафизические исследования. Вып. 216. Этика: Альманах Лаборатории метафизических исследований. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 420 с.
6. Хофман Б. Терроризм: взгляд изнутри = Insideterrorism. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 317 с.
7. Энциклопедии и словари. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/Terrorizm-35335.html> (дата обращения: 1.03.2015).
8. Barry M. Rubin, Judith Colp Rubin. Chronologies of modern terrorism. – M.E. Sharpe, 2008. – 455 p.
9. Nacos, Brigitte L. Terrorism/Counterterrorism and Media in the Age of Global Communication. United Nations University Global Seminar Second Shimame-Yamaguchi Session, Terrorism – A Global Challenge. – 2006.
10. Seib, Philip and Dana M. Janbek. Global Terrorism and New Media. – GB: Routledge, 2011. – 245 p.

**ФЕНОМЕН ТРОЛЛИНГА В ВИРТУАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ
В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ**

Иванов А.В., к.и.н., доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

**THE PHENOMENON OF TROLLING IN THE VIRTUAL CONFLICT
IN THE INTERNET SPACE**

Ivanov A.V., Candidate of historical sciences, associate Professor,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема виртуальных конфликтов в интернет-пространстве через провокативные формы общения. Таким конфликтным способом коммуникаций является троллинг. Троллинг – это постинг заведомо провокационных сообщений. Для профилактики виртуальных конфликтов необходимо через образовательные учреждения наладить просветительскую работу путем информирования прежде всего детей и их родителей об угрозах в интернет-пространстве, о таких явлениях как троллинг, кибербуллинг, кибермоббинг.

Ключевые слова: виртуальные конфликты, троллинг, кибербуллинг, кибермоббинг, кибер-безопасность, анонимность, виртуальность, девиантное поведение.

Abstract. The article deals with the problem of conflicts in virtual social networks through provocation. The flash mode of communication is trolling. Trolling – obviously this posting provocative messages. For the prevention of conflict must be through virtual educational institutions to establish educational work by in-

forming especially children and their parents about the dangers in the Internet space, phenomena such as a trolling, kiberbullying, cyberbullying.

Key words: virtual conflicts, trolling, cyberbullying, cybermapping, cyber-security, anonymity, virtuality, deviant behavior.

Появление все новых и новых поколений и разновидностей информационно-вычислительных устройств и технологий, галопирующее развитие интернет-коммуникаций является позитивным фактором, помогающим человеку приспособиться к скоростному и предельно информационно насыщенному образу жизни как в профессиональной, так и в обыденной жизни. Научно-технический прогресс как главенствующий двигатель цивилизации и конкурентная среда, заставляет отдельного индивида и общество приспосабливаться к техногенным условиям бытия человека, а значит быть мобильным, находится в коммуникационной матрице. С скачок в информационно-технической сфере должен помочь человеку адаптироваться в мире, где информация является основным инструментом деятельности и достижения прагматических материально-правовых целей. Такой платформой становится интернет-пространство, которое является не только глобальной информационной системой, но и средством коммуникаций. С реальным миром начинает сосуществовать виртуальный, который с ним взаимопересекается и в то же время заявляет о своем суверенитете.

Виртуальное пространство отличается от непосредственной реальности. Наряду с широкими коммуникационными возможностями и безграничными информационными ресурсами этот виртуальный мир принес новые угрозы и опасности. Информационное пресыщение благодаря открытости и агрессивности объемных медиаресурсов, различных социальных сетей, интернет-библиотек, торрентов, форумов вызывает усталость, раздражение и неспособность индивида оперировать и «переваривать» огромные массивы информации. С другой стороны, данные коммуникации привели к появлению виртуальных конфликтов в интернет-пространстве.

Виртуальный мир – это производное понятие от латинского *Virtualis*, что значит «возможное». По мнению С.Н. Хуторной – это «особый мир, созданный посредством компьютерных технологий. Реально он не существует, однако влияет на психоэмоциональное состояние человека, создавая иллюзию существования в этом виртуальном мире» [5].

В интернет-пространстве для повседневных коммуникаций эффективны и удобны социальные сети, а также различные мессенджеры. На настоящий момент в кибер-пространстве существует множество социальных сетей. Флагманами являются «Facebook» и «Твиттер», а в рунете – «Вконтакте» и «Одноклассники».

В реальном пространстве неограниченная свобода-своеволие невозможна, так как репрессивно-карательный аппарат государства явно совершающее противоправное действие в публичном пространстве (отсутствие анонимности) может пресечь и самое главное наказать. Это в какой-то степени останавливает агрессивное поведение индивида, что не скажешь о мире виртуальном, где присутствуют иные правила. Анонимность – одна из особенностей киберкоммуникаций – нивелирует границы дозволенного и недозволенного, что четко очерчивается в реальном мире. Пределы анонимности устанавливаются самим пользователем и регламентируются внутренними правилами социальных сетей и блогов, которые не контролируют правдивость изложенных реквизитов на личных страницах пользователей, что ведет к созданию "фейковых страниц". Сетевая анонимность ощущается пользователем как определенная защитная среда, где коммуникации носят опосредованный характер, в которых тело дистанцировано от сознания и не является участником общения, то есть скрыто от опасностей, хотя оно тоже может виртуализироваться через онлайн-видеоряд.

Феномен разорванности в интернет-общении телесности и коммуникативной функции создает у коммуникантов иллюзию собственной защищенности, чувство безграничной свободы и порой провоцирует делинквентное поведение, агрессию, девиантные поступки, перверсии. Данная амбивалентность в виртуальных коммуникациях создает новые формы самопрезентации, где не

обязательно быть кем ты есть на самом деле. Виртуальная коммуникативная среда создает собственные инструменты общения, где игровые и провокативные формы общения занимают не последнее место. Таким конфликтным способом коммуникаций является троллинг.

Термин «троллинг» впервые появляется среди участников виртуального общения, а потом вводится в научный оборот. В переводе с английского «троллинг» обозначает «ловлю на блесну». Этот термин демонстрирует манипулятивный подтекст виртуальной провокации. Согласно другой точки зрения, троллинг – это производное от слова тролль. Тролли в германской мифологии – это злобные, омерзительные, уродливые существа, желающие причинять вред всем без исключения и получающие от этого удовольствие. Отсюда аллюзия на троллей виртуальных, которые своей деятельностью наносят участникам сетевого общения эмоциональный ущерб. Благодаря созвучию этих слов данные понятия устойчиво и надежно закрепились.

Для того чтобы разграничить понятия «провокация» и «троллинг», обратимся к установившимся дефинициям данных терминов. Словарь Д.Н. Ушакова определяет провокацию как «умышленный вызов, подстрекательство с какой-либо целью» [3].

Тролль является участником виртуальной коммуникации, основными характеристиками которого являются:

- сложность идентификации, достигаемая средствами анонимности;
- противоречивый характер сообщений, обусловленный различием откликов со стороны аудитории.

Троллинг определяется в широком смысле как провокационная деятельность в жизни общества, а в узком смысле как один из видов коммуникативного поведения (наряду с флеймом, флудом, холивором, спамом) в интернет-пространстве.

Джудит Донат – это американская исследовательница, которая первая исследовала феномен троллинга еще в 1996 году. Она подчеркнула двусмысленность этой идентификации в свободном «виртуальном обществе». Джудит До-

нат трактует троллинг как «игру в подделку личности, при этом никто, кроме играющего, о ней не знает» [6].

На наш взгляд, это не только «подделка личности», но и прежде всего троллинг – это написание на форумах провокационных сообщений, зачастую с оскорбительным содержанием, с целью вызвать конфликт. Троллинг – это постинг заведомо провокационных сообщений [2].

Итак, троллинг – это манипулятивное поведения пользователей интернет-коммуникаций для получения ответной негативной реакции со стороны объекта нападения, т. е. жертвы. Процесс троллинга дает возможность троллю получить удовольствия от негативных реакций собеседника, так называемые лулзы (используется аббревиатура «лулз», образованная от выражения «lots of laugh» т. е. громкий смех).

Основные площадки осуществления троллинга – это различные тематические форумы, конференции, социальные сети, порталы, чаты и новостные сайты. Подобные виртуальные пространства обычно обеспечивают возможность создания индивидами виртуального Я, формируемого исключительно по собственному усмотрению такого пользователя. Почти в любом сетевом сообществе, которое создано для коммуникации пользователей, существуют специальные поля для формирования своих данных, где участники вписывают свои основные характеристики и дополнительные данные о сфере интересов и увлечений. Отсутствие мониторинга истинности реквизитов пользователя практически беспрепятственно позволяет любому участнику виртуальных пространств сгенерировать любой желаемый образ своего виртуального Я, что является объективной возможностью для организации троллинга.

Распространение троллинга в коммуникативном пространстве интернета позволяют говорить об этом феномене как о действенном инструменте коммуникаций, который от любительских форм перешел к профессиональному использованию этого инструмента как политтехнологии. В настоящее время к сферам распространения троллинга относится не только коммуникативное пространство сети Интернет, но и политическая и рекламная коммуникация.

Троллинг как социально-психологический феномен может отрицательно влиять на виртуальную коммуникацию в целом, так как каждый пользователь сети Интернет может подвергаться нападкам сетевых хулиганов. Троллинг как манипулятивная практика ставит своей целью вызов негативной психоэмоциональной реакции конкретной аудитории, где масштабы могут варьировать от нескольких пользователей до целых сообществ. Невозможность демонстрации телесных и психических реакций фактически и физически оппоненту в момент инцидента на провокационные действия тролля, а также неспособность «отомстить» может стать причиной психоэмоциональной дестабилизации «жертв».

Троллинг может спровоцировать ситуацию переноса для «жертвы» негативных эмоций из виртуального пространства на реальных людей. Троллинг серьезным образом отличается от других форм виртуальной агрессии, таких как кибербуллинг и кибермоббинг. Так, явно агрессивное, умышленное действие с ярко выраженнымми антисоциальными, насильными действиями, такими как – шантаж, клевета, угрозы физической расправы, психологическое унижение личности, похищение конфиденциальных данных, издевательства, совершающееся одним лицом с использованием электронных коммуникаций, повторяющееся неоднократно и продолжительное во времени в отношении жертвы, которая не может себя защитить будет кибербуллингом (от англ. *bull* – бык). Тоже самое, совершающееся группой лиц – это кибермоббинг (от англ. *mob* – толпа). Кибербуллинг и кибермоббинг – разновидности явного виртуального террора, но, в отличие от троллинга, где приступы агрессии вызываются у жертвы путем скрытых провокаций, хотя возможны и откровенные оскорблении, однако не преследуется цель психического уничтожения жертвы, здесь задачей является полнейшая психологическая деморализация жертвы. Кибербуллинг и кибермоббинг становится серьезной проблемой для психоэмоционального и физического здоровья пользователей социальных сетей. Как правило, кибербуллинг и кибермоббинг распространен в подростковой и молодежной интернет-среде [4; 7].

Именно игровой характер и условия анонимности в провокации отделяют тролля от других инициаторов коммуникативных форм [6].

Рост виртуальных конфликтов в следствии распространения данных деструктивных феноменов связан напрямую с тем, что персонификация и регистрация в интернет-коммуникациях носит лишь формальный характер. Ощущение анонимности служит пусковым механизмом делинквентного поведения в интернет-пространстве.

В виртуальном общении, в процессе троллинга используется следующий инструментарий.

Во-первых, это «флейм». Это разжигание конфликтов между пользователями. Флеймер (от англ. flame – «пламя», «вспышка») – пользователь различных сетевых ресурсов, намеренно разжигающий конфликты между другими участниками коммуникации с целью получить психоэмоциональное удовлетворение от происходящего. Флеймер схож с троллем. Однако не каждый флеймер является троллем, так как одного лишь поиска конфликта для тролля недостаточно, тогда как каждый тролль является флеймером, поскольку конфликтность – основа коммуникативного поведения тролля.

Во-вторых, это «флуд/оффтопик». Это сообщения, не относящиеся к установленной теме обсуждения. Флудер (от англ. flood – наводнение, стихийное бедствие) – пользователь сетевых ресурсов, отправляющий сообщения не в рамках созданной модератором интернет-ресурса темы, а также допускающий оскорбительные, не имеющие смысла, нецензурные и иные выражения. Флудом также считается публикация нескольких сообщений подряд от одного пользователя с небольшим временным интервалом. Флудером может считаться как пользователь, нарочно допускающий обсуждение вне рамок заданной темы, что свидетельствует о неспособности вести конструктивную дискуссию в одном направлении, так и пользователь, нарочно вносящий хаос в обсуждение с целью достижения психоэмоционального удовлетворения от бессвязности дискуссии, структура которой другими пользователями начинает осознаваться как разрушенная конструкция.

В-третьих, это «спам» – рассылка сообщений рекламного характера. Спамер (от англ. spam – нежелательная почтовая рассылка, реклама) – пользователь

сетевых ресурсов, предлагающий разнообразные товары и услуги. Спамер может заниматься отправкой различного рода бессодержательных, юмористических сообщений, нередко содержащих вирусы и трояны, целью распространения которых также является материальная выгода. Составляющая спамера в тролле выражена менее существенно, чем в других коммуникативных формах. Однако отметим, что спамер может квалифицироваться в качестве флудера с точки зрения правил сетевых ресурсов, так как к сообщениям вида «флуд» относятся любые сообщения, не относящиеся к теме обсуждения, в том числе и сообщения рекламного характера.

В-четвертых, это «холивор», что означает ожесточенный спор между приверженцами различных точек зрения по определенному вопросу. Холивор (от англ. *holy war* – священная война), состоит в формулировании парадоксальных, противоречивых вопросов для поиска истины, которые невозможно однозначно раскрыть.

При троллинге используются различные способы работы с текстом – различный регистр, цвет, шрифт, размер, графические средства изображения, видеоряд, ссылки и прочее. Это позволяет более эффективно манипулировать собеседником.

Рост интереса к троллингу проявляется в сетевом творчестве пользователей, связанном с распространением фото-коллажей, демотиваторов, анекдотов, рассказов по данному феномену. По запросу «Trollface» в социальной сети на начало 2016 года в Контакте насчитывается 15446 сообщества, по запросу троллинг 1764 группы, что демонстрирует интерес пользователей не сколько к конфликтному поведению троллей, сколько к материалам развлекательного характера как троллинг-комиксы, демотиваторы, мемы, рассказы о взаимоотношениях участников виртуальных сообществ с троллем. Для сравнения, по запросу «США» как постоянной константы медийного пространства в связи с неоднозначными отношениями с этим государством России результат – 16516 сообществ.

Итак, происходит популяризация образа тролля в интернет-пространстве, идеология троллинга носит привлекательный характер для молодежи, которые в большинстве своем являются подписчиками данных ресурсов.

Глубинным мотивом тролля является получение психического удовлетворения, достигаемого путем осознанной провокации. Тролль старается дразнить собеседника, вывести его из уравновешенного состояния, чтобы он сорвал маску спокойствия со своего лица и стал эмоционально для себя неуправляемым, впал в аффектацию. Вывести эмоционально человека из себя, чтобы он показал не лучшие стороны своего характера, есть истинное удовольствие для тролля. Игра на чувствах людей, прежде всего на возмущении, гневе, агрессии "кормит тролля" (доставляет эмоциональное удовольствие). Вступление жертвы в диалог только усиливает произведенный эффект.

Достигается это путем нахождения конфликта, не всегда осознаваемого жертвой в сетевом пространстве троллем. Нецензурная лексика, выражение сарказма, иронии, применение скрытых провокаций, игра на противоречиях заставляют жертву вступить в этот виртуальный конфликт. Невозможность почувствовать в живую эмоции и осознать их искренний импульс в интернет общении, когда их заменяет знаково-символьная риторика позволяет троллю демонстрировать лжеэмоции. Мнимое сострадание и жалость, гнев, мнимый страх, презрение, возмущение, неприязнь, зависть, злоба, ненависть, недоверие, смущение и т. д. – весь калейдоскоп разыгранных чувств, которые кардинально могут демонстрироваться троллем в течении короткого времени вызывают замешательство у жертвы.

Реакцией большинства пользователей в ответ на провокационное сообщение, затрагивающее их убеждения, ценности и интересы будет отстаивание своей точки зрения в том или ином ключе.

Однако, затроллить человека, который не относится серьезно к ситуации или не позволяет руководить собой в рамках диалога, становится труднее, поэтому троллю гораздо проще найти другую жертву.

Основное место нахождения троллей в рамках интернет-пространства – это комментарии к новостям на сайтах, блоги, сообщения на форумах и чатах.

Современный сетевой троллинг давно перестал быть любительским (как хобби, на непостоянной основе), хотя он тоже сохраняет свои позиции. Теперь можно констатировать появление профессиональных сообществ троллей, основной целью которых является дискредитация идей, политиков, государств, компаний-конкурентов, сетевых сообществ по заказу или исходя из идейных соображений, через создание ложных виртуальных образов.

Коммерческий троллинг не только эффективен, но и относительно недорог, поэтому его применение может нанести серьезный удар по репутации жертвы.

Троллинг часто носит групповой характер с заранее подготовленной стратегией, обозначенной целью, распределенными ролями между троллями. Не всегда группа может быть профессионально соорганизована и участники могут знать друг друга. Очень часто тролли взаимно кооперируются в виртуальном пространстве, идентифицируя себе подобных. Троллинг может быть персонально-ориентированным, а также носящим массовый характер.

Итак, виртуальные конфликты являются нормой для интернет-пространства. Полностью их предотвратить невозможно, также как и конфликты в реальном мире. Неэтичное поведение в виртуальном пространстве, гиперагрессия, повышенная конфликтность – это следствие анонимности, телесной отчужденности пользователей, где посредником общения являются интернет-коммуникации, компьютерная техника, гаджеты, которые разрывают телесно-эмоциональную структуру человека со знаково-символьными проекциями в виртуальном пространстве. С другой стороны, истоки кибер-агрессии взаимосвязаны с девиантностью в реальной жизни.

Троллинг один из современных феноменов, сопутствующих виртуальным конфликтам – амбивалентен. Однозначно нельзя его считать сугубо негативным феноменом. В нем заложен огромный развлекательно-познавательный пласт информации, множество сценариев поведения, которые позволят быть

участникам виртуальной жизни более стрессоустойчивыми и жизнерадостными. С другой стороны, тролль-социопат с деструктивными установками может создать массу проблем участникам виртуального общения. Коммерциализация и политизация этого явления еще одна проблемная точка развития троллинга, которая может создавать ложные виртуальные образы обычных людей, политиков, стран, коммерческих структур и т. д.

Одним из самых эффективных способов взаимодействия с троллем является невступление в диалог, эта рекомендация является ключевой («не надо кормить тролля»).

Для профилактики виртуальных конфликтов необходимо через образовательные учреждения наладить просветительскую работу путем информирования прежде всего детей и их родителей об угрозах в интернет-пространстве, о таких явлениях как троллинг, кибербуллинг, кибермоббинг и т. д.

Для несовершеннолетних лиц на техническом уровне обезопасить использование интернет-коммуникаций и технологий.

Литература

1. Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского Университета. – 2012. – № 1. – С . 48–51.
2. Ксенофонтова И.В. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг / И.В. Ксенофонтова // Фольклор и Интернет. Сборник статей. – М.: ГРЦРФ, 2009. – С. 285–293.
3. Слово «provokacija» // Толковый словарь Д.Н. Ушакова. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=59137> (дата обращения: 27.02.2016).
4. Солдатова Г., Зотова Е. Кибербуллинг в школьной среде: трудная онлайн ситуация и способы совладания // Образовательная политика. – 2011. – № 5 (55). – С. 48–59.

5. Хупорной С.Н. Специфика общения в Интернете // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». – 2011. – № 4. – С. 100–103.
6. Donath, Judith S. Identity and deception in the virtual community / Smith, Marc A., Kollock, Peter. Communities in Cyberspace / Judith S. Donath. – Routledge. – P. 29–59.
7. Gable R., Snakenborg J., Van Acker R. Cyberbullying: Prevention and Intervention to Protect Our Children and Youth // Preventing School Failure. – 2011. – № 55 (2). – P. 88–95.

ПРОЦЕДУРА МЕДИАЦИИ В СИСТЕМЕ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Маврин О.В., к.с.н., доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

MEDIATION IN THE SYSTEM OF ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION OF MODERN RUSSIA

Mavrin O.V., Candidate of sociological sciences, associate Professor,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Аннотация. В настоящее время существует множество представлений о конфликтах и способах их разрешения. В информационно-правовом поле при урегулировании конфликтов довольно большое внимание уделяется проблеме загруженности судебной системы. Помочь решить обозначенную проблему можно, применяя внесудебные (альтернативные суду) методы разрешения конфликтов, ставшие в нашей стране популярными благодаря вступлению в силу 1 января 2011 года Федерального Закона № 193 (о медиации). Важно отметить ряд преимуществ медиации перед остальными внесудебными методами, но в сравнении с ними она не лишена и некоторых издержек.

Ключевые слова: внесудебные методы, альтернативные методы, урегулирование конфликтов, медиация, переговоры, суды.

Abstract. Currently, there are many ideas about the conflict and how to resolve them. The information and the legal framework in resolving conflicts rather a lot of attention paid to the problem of congestion of the judicial system. To help solve the problems identified can, using extra-judicial (court alternative) methods of conflict

resolution, which have become popular in our country, thanks to the entry into force January 1, 2011 the Federal Law № 193 (mediation). It is important to note a number of advantages over other non-judicial mediation techniques, but compared to them it is not without some costs.

Key words: extrajudicial methods, alternative methods, conflict resolution, mediation, negotiation, the courts.

Основные характеристики конфликта в современном обществе

Современное общество – это сложный и многогранный феномен. Для него характерны многочисленные конфликты. Правовая система дает нам уверенность в том, что конфликты будут разрешаться мирно. При этом правовые механизмы в регулировании конфликтов не всегда эффективны в современном обществе именно из-за его сложности. В ряде ситуаций более эффективными являются альтернативные методы решения конфликтов. В основе технологического блока процесса альтернативного решения конфликтов лежит ряд основных постулатов, характеризующих их восприятие.

Во-первых, конфликт – это явление, порождаемое самой природой общественной жизни. Как и человек, общество не может быть абсолютно совершенным, идеальным, бесконфликтным. Дисгармония, противоречия и конфликты – постоянные и неизбежные составные части общественного развития.

Во-вторых, конфликт – это явление осознанное, действие обдуманное. Противодействие – следствие осознания на уровне отдельного человека противоречивости взаимодействий, связей и отношений, различий интересов, целей.

В-третьих, конфликт – это явление широко распространенное, повсеместное, вездесущее. Конфликтные ситуации возникают во всех сферах общественной жизни – будь то экономика, политика, быт, культура или идеология.

В-четвертых, конфликт – это взаимодействие, протекающее в форме противостояния, столкновения, противоборства как минимум двух сторон, в основе

которого могут лежать несовпадающие интересы, позиции, взгляды, ценности. В процессе развертывания конфликта имеют место действия и контрдействия, так как осуществление намерений участников конфликта неизбежно сопряжено с вмешательством в дела другой стороны (или сторон), нанесением ей (им) определенного ущерба, преодолением сопротивления, созданием помех, препятствующих достижению целей противником. Конфликтное взаимодействие в отличие от жёсткой конкуренции разрушает установленные «правила игры».

В-пятых, конфликт – это явление, прогнозируемое и поддающееся регулированию [7].

Таким образом, конфликт – это нормальное проявление социальных связей и отношений между людьми, способ взаимодействия при столкновении несовместимых взглядов, позиций и интересов, противоборство взаимосвязанных, но преследующих свои цели двух или более сторон.

Необходимо четко отличать конфликт от иных проявлений противоречий – отсутствия простого согласия, несовпадения позиций, противоположности мнений по той или иной жизненно важной проблеме. Конфликт представляет собой процесс, имеющий следующую фазовую динамику: предконфликтная или латентная фаза, открытая фаза или собственно конфликт, фаза разрешения и так называемый постконфликтный синдром. Осознанию противоречий, идентификации противника способствует действие конкретных факторов, создается конфликтная ситуация, при которой отношения между противоборствующими сторонами накаляются до такой степени, что достаточно даже незначительного повода, чтобы произошло столкновение.

Переход конфликта из латентной фазы в открытую происходит в результате инцидента – случая, инициирующего открытое противоборство сторон. Термин “разрешение конфликта”, то есть снятие лежащих в его основе противоречий, является обязывающим, однако на практике далеко не всегда это оказывается возможным в обозримой перспективе. В таком случае усилия по урегулированию конфликтов, как правило, нацеливаются на создание благоприятных условий для постепенного разрешения противоречий, приведших к столк-

новению, преодоление постконфликтного синдрома – сохраняющегося высокого уровня недоверия в отношениях между ранее конфликтовавшими сторонами. Очевидно, что помимо объективных причин конфликта, также важна субъективная, психологическая составляющая.

Классификация конфликтов является довольно многообразной. Рассмотрим наиболее значимые с точки зрения особенностей урегулирования варианты. В зависимости от нахождения в той или иной фазе протекания конфликты характеризуются как зарождающиеся, зрелые и затухающие. Латентные конфликты можно выявить только посредством диагностики напряжённости и впоследствии реализовать комплекс мер профилактического характера. Под профилактикой конфликта понимают вид управленческой деятельности, состоящий в заблаговременном распознании, устранении или ослаблении конфликтогенных факторов.

По степени проявления эмоций конфликты могут быть «горячими» и «холодными». Первые отличаются открытым конфликтным поведением: вспышками гнева, проявлениями ярости, вербальной агрессией и нападками друг на друга. Стороны уверены в собственной правоте, горят желанием убедить в этом других и заставить их поучаствовать в конфликте. Они не сомневаются в обоснованности собственных мотивов и свободно выражают свои эмоции. «Холодным» конфликтам присуще вежливое и неэмоциональное поведением. Факт конфликта может отрицаться или игнорироваться. Считается, что «горячие» конфликты быстро разрешаются, так как в этом случае легче определяются приоритеты сторон. Дополнительные сложности возникают при разрешении конфликтов, в основе которых лежат несовпадающие ценности, а также в случае насилиственного характера противоборства.

Альтернативные методы разрешения конфликтов: основные разновидности

Необходимо отметить, что набор действий, посредством которых противоборствующие стороны могут выйти из состояния конфликта, ограничен, кро-

ме того, силовой вариант, в логике теории игр – «игра с нулевой суммой», едва ли можно признать приемлемым. Победитель навязывает выгодные для себя «правила игры», тем самым стимулируя реваншистские настроения у проигравшей стороны. Полное прекращение контактов между конфликтантами оказывается возможным далеко не во всех случаях, остаются судебное разбирательство и внесудебное урегулирование.

Важность механизмов судебной защиты переоценить трудно, если они не срабатывают, недовольство неизбежно выплескивается на улицы. Суд замыкает цепь правовых норм и институтов, работающих с конфликтом, т. к. является последней инстанцией. Он властно ликвидирует правовой конфликт, однако не обладает гибкостью и не застрахован от ошибочных решений.

Недостатки судебной системы (перегруженность судов, длительность судебного разбирательства, дороговизна услуг адвокатов и прочие) стали своего рода катализатором формирования альтернативных способов разрешения споров. Необходимо обратить внимание на ещё одну особенность: судебное решение не всегда принимается конфликтующими сторонами, недовольство загоняется в глубину сознания и эмоций, создавая угрозу новой вспышки и эскалации конфликта.

К основным методам альтернативного разрешения конфликтов (Alternative Conflict Resolution, официальная аббревиатура – ACR) обычно относят: арбитраж в форме третейского суда, переговоры, медиацию.

Арбитраж (arbitration) – разрешение спора с помощью независимого нейтрального лица – арбитра, который выносит обязательное для сторон решение.

Третейский суд – это суд (судья), выбранный сторонами для разрешения спора (споров) между ними, решения которого стороны признают для себя обязательными и обязуются им подчиниться. Феномен характеризуется как квазисудебный орган, не входящий в судебную систему РФ, но осуществляющий правозащитную деятельность: рассматривая и разрешая споры, он ликвидирует возникший правовой конфликт между его участниками, и тем самым осуществляет защиту нарушенных прав.

Третейское разбирательство – общественная, негосударственная форма разрешения правовых споров [2], осуществляющаяся в соответствии со ст. 18 гл. V ФЗ от 24 июля 2002 г. N 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» на основе «принципов законности, конфиденциальности, независимости и беспристрастности третейских судей, диспозитивности, состязательности и равноправия сторон». Рассмотрение споров третейским судом выступает альтернативой разбирательству в государственных судах. Отмечается, что преимуществами третейского разбирательства является свобода сторон в выборе судей, участие в определении порядка рассмотрения дела, доступность процедур, быстрота разбирательства и сокращение расходов сторон. Показательно, что всё большую популярность приобретает разбирательство споров в порядке международного коммерческого арбитража [4].

Другим элементом альтернативного разрешения конфликтов являются переговоры, представляющие собой процесс взаимодействия оппонентов с целью достижения согласованного и устраивающего стороны решения. Они позволяют восстановить коммуникацию между конфликтующими сторонами, получить информацию об интересах, позициях, подходах к решению проблемы, дезавуировать образ врага, снизить остроту конфликта, найти оптимальное решение. При этом необходимо учитывать, что могут реализовываться также пропагандистская и «маскировочная» функции и, если основными становятся именно они, то процесс обозначают как «квазипереговоры».

Ввиду ориентированности на достижение целей конфликтующих сторон, переговоры приобретают характер состязательности и отличаются определенной сложностью.

Начиная процесс переговоров, следует удостовериться в том, что партнер обладает необходимыми полномочиями для принятия решения. Стиль переговоров выбирается с учетом баланса сил, степени напряженности отношений, замыслов и целей. Каждый начинает в том стиле, на который настроился, но в процессе лучше быть гибким и менять тактику в случае необходимости.

Результат успешных переговоров - достижение договоренностей для семейных, бытовых конфликтов характерен устный ее характер, для деловых и прочих – письменный. Четкое письменное оформление договоренностей предупреждает новые конфликты и недоразумения. Условия договора должны формулироваться конкретно и ясно, с указанием сроков и критериев оценки их соблюдения. Кроме взаимных обязательств, должны присутствовать санкции за их невыполнение.

Как правило, переговоры с участием посредника проходят более эффективно, но и в этом случае они уступают медиации. Медиатор в ходе проведения процедуры, может провентилировать негативные эмоции сторон, что в дальнейшем приведет к разрешению спора и выработке совместного удовлетворительного для сторон соглашения. Также в медиации имеется возможность использовать консiliацию, которая позволяет индивидуально работать с каждой стороной в отдельности, в переговорах же такой способ не предусмотрен.

Медиация: возможности и издержки процедуры

В дословном переводе «медиация» означает посредничество. Термины часто используют как синонимичные, при этом посредничество воспринимается несколько шире, чем медиация. Оно предполагает, что посредник может рекомендовать и склонять стороны к принятию того или иного решения. Медиатор же согласно принципам, определяющим эффективность процедуры (равноправие сторон, добровольность участия, нейтральность медиатора¹ и конфиденциальность), не имеет права поступать подобным образом.

У судопроизводства и медиации общими являются принцип равноправия сторон и включение в урегулирование конфликта третьей инстанции. Стороны в процессе медиации имеют равные права: в выборе медиатора, процедуре, поведении, информации, в оценке приемлемости предложений, условий соглашения.

¹ У медиатора не должно быть никакого личностного отношения к сторонам. Как только нейтральность утрачивается, необходимо тут же прекратить проведение медиации и предложить сторонам выбрать себе другого медиатора.

ния и т. п. Медиатору важно обеспечить конфликтантам равное право на участие в переговорах и принятии решения. Использование процедур посредничества и примирения конфликтующих сторон также требует серьёзных правовых знаний (посредничество относится к неавторизованной практике применения законов), но сама медиация значительно отличается от судебного разбирательства:

1. Вступление спорящих сторон в процесс медиации осуществляется добровольно, медиатор также свободно выбирается (в этом отношении медиация сходна с третейским судом). В государственном суде стороны не могут выбирать судью, и вынуждены идти в суд по месту жительства. Участие в судопроизводстве для обвиняемых не является добровольным. Точно так же и принятие приговора не отдается на свободное усмотрение сторон. Однако существуют моменты, приближающиеся к методу медиации: в правовой практике часто предпринимается попытка подвигнуть спорящие стороны к соглашению, чтобы не требовалось вынесение судебного приговора [7]. Например, в некоторых штатах США существует правило, что разводы рассматриваются в суде только тогда, когда уже была проведена медиация.

2. Если в задачу суда входит определить, кто из сторон прав и кто виноват (или разделить вину между ними), то медиация изначально нацелена на поиск согласия. С помощью посредника конфликтанты обсуждают разные варианты разрешения спора и совместно выбирают из них тот, который они оба сочтут наилучшим. Медиация ориентирована скорее на то, что каждая из сторон понимает под справедливостью, чем прямо на юридические законы, правила и precedents.

3. Если в суде разработка и принятие решения – это функция судьи, то в медиации этим занимаются сами конфликтанты.

4. В суде истец и ответчик обязаны подчиниться судебному решению, даже если одна или обе стороны этим решением не довольны. Процедура обжалования лишь частично снимает остроту проблемы. В ходе медиации все решения принимаются только по обоюдному согласию сторон, и они добровольно берут на себя обязанность выполнять принятые ими совместно решения.

5. В отличие от судебного процесса медиация проходит конфиденциально, и каждая сторона в любой момент может отказаться от продолжения взаимодействия. Прекращение же производства по делу в суде возможно только в случае, если истец отказался от иска и отказ принят судом, а конфиденциальность невозможна, поскольку в суде существует обязательный перечень документов, которые должны быть обнародованы.

Вся информация, которая становится известной в ходе проведения медиации, является закрытой и ограничивается кругом лиц, участвующих в переговорах. Медиатор предупреждает об этом стороны и по окончании медиации уничтожает все записи, которые он вел в ходе переговоров. Точно так же медиатор не может сообщить одной из сторон информацию, полученную от другой, передача информации происходит только с согласия стороны.

Безусловно, если в ходе переговоров появляется информация о готовящемся или совершенном преступлении, принцип конфиденциальности не будет работать, об этом перед началом процесса переговоров медиатор сообщает сторонам, сообщает также (ссылаясь на пункт 1 части 3 статьи 69 ГПК РФ, где написано, что медиаторы не подлежат допросу в качестве свидетелей об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей медиатора) и о том, что если медиатор будет вызван в суд в качестве свидетеля, то сообщать суду сведения, полученные в ходе медиации, он не будет. В США, как и в ряде других стран, закон также защищает медиатора и позволяет не сообщать суду информацию, ставшую известной ему в процессе медиации.

6. Процесс медиации относительно непродолжителен, в то время как судебное разбирательство может растянуться на месяцы и даже годы, к примеру, в случае обращения в Европейский суд по правам человека.

7. Медиация может обойтись дешевле, чем традиционные судебные процедуры.

8. Большинство людей, приходящих в суд, где говорят на языке полном юридических терминов, некоторые значимые вопросы могут не рассматриваться по этическим или правовым ограничениям (т. к. судебный процесс, как пра-

вило, публичный). В медиации стороны могут поднимать любые вопросы, имеющие отношение к конфликту. Процесс медиации достаточно гибок, что позволяет осуществить более глубокий анализ ситуации и в конечном итоге повысить эффективность урегулирования.

Таким образом, в медиации результат зависит от сторон конфликта. Стороны могут принять и нетрадиционные решения, в том смысле, что они не обязаны руководствоваться предписанными нормами. Конечно, в достигаемой в результате медиации договоренности необходимо соблюдать рамочные условия и учитывать решения, которые могут быть обжалованы, в противном случае эта договоренность будет недолговечной. Однако внутри рамок существуют разнообразные возможности для специфического, соответствующего конкретному случаю, урегулирования. Целью являются решения, при которых выигрывают все стороны.

Одним из основных недостатков медиации является необязательность исполнения решения и использование одной из сторон информации, полученной во время участия в медиации для дальнейшей эскалации конфликта. Данные «изъяны» могут быть устранины в том случае, если медиатор компетентен в своей работе и будет ответственно выполнять функцию «расширителя ресурсов», то есть заранее (юридически правильно) подготовит необходимый пакет документов для проведения процедуры или использует возможность предложить сторонам отправиться к компетентному юристу (или сразу нотариусу) по успешному завершению медиации для заверения подписанных документов.

Сама процедура медиации появилась в США в 20–30е годы XX века. С 1960-х годов в США стала разрабатываться концепция медиации в её сегодняшней форме. Протесты против войны во Вьетнаме, движение за права человека, за новое определение роли полов, студенческие движения способствовали возрастанию значимости внесудебных механизмов урегулирования конфликтов. Важную роль первоходца сыграл «Community Relation Service (CRS) министерства юстиции США, основанный в 1964 году [3]. Это учреждение должно было помочь разрешать конфликты расистского, этнического или на-

ционального характера посредством медиации и переговоров. И оно внесло важный значительный вклад в смягчение многих крупных конфликтов того времени. В 1970-е годы использование и распространение процедуры медиации возросло. Были организованы первые центры, которые предлагали бесплатные или не дорогие медиативные услуги. Они занимались самыми разными спорами: между арендаторами и собственниками, работниками и работодателями, супругами, соседями и т. д.

В настоящее время в США свыше 700 подобных центров медиации. Одни являются государственными, другие независимыми и рассматривают себя как альтернативу существующей судебной системе. В этой стране обращения к медиатору происходят в 75–85 % случаев конфликтных ситуаций и соглашения, достигнутые в ходе медиации, выполняются в 90–95 % случаев. Практики медиации институциализированы. В США насчитывается свыше двух с половиной тысяч нормативных актов штатов, так или иначе связанных с регулированием процедуры посредничества [11].

В 1998 г. был принят Закон об альтернативном разрешении споров (Alternative Dispute Resolution Act), в соответствии с которым окружные суды США обязаны предлагать сторонам спора как минимум один из существующих способов ADR (посредничество, независимая экспертиза¹, арбитраж). В 2001 г. был подготовлен и рекомендован для принятия в штатах Единообразный Акт о посредничестве (медиации) (Uniform Mediation Act), в котором последовательно разграничены деятельность посредника и арбитра. Также применяются документы, разработанные самими сообществами медиаторов в логике саморегуляции, и это характерно не только для США.

К примеру, Европейский кодекс поведения для медиаторов (European Code of Conduct for Mediators) был разработан инициативной группой практикующих посредников, представляющих более 30 европейских организаций, имеющих дело с альтернативными способами разрешения споров, при под-

¹ Независимая экспертиза по установлению фактических обстоятельств дела (neutral expert fact-finding) – процедура достижения сторонами соглашения на основе заключения квалифицированного специалиста, изучившего дело с точки зрения фактического состава.

держке Европейской комиссии и принят на конференции в Брюсселе 2 июня 2004 года [9]. Необходимо отметить, что, несмотря на то, что медиация пришла в Европу только в 1980-е годы, нормативную базу, и на уровне отдельных стран, и на уровне Европейского Союза следует признать достаточно разработанной.

На сегодняшний день, медиация получила широкое распространение в правовой и общественной практике самых разных по географическому положению и культурной специфике стран, став действительно универсальной формой разрешения споров, урегулирования конфликтов. Исследователи связывают будущее медиации с дальнейшей её институционализацией, совершенствованием технологических приёмов и расширением рамок применимости [10].

В нашей стране в начале 90-х годов XX в. впервые на государственном уровне была признана необходимость исследования и разрешения конфликтов, однако в течение двадцати лет медиация в России не имела правовой основы. В настоящее время в РФ применение медиации в арбитражных и гражданских судах регламентируется Федеральным законом № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», вступившим в силу с 1 января 2011 года. Обучение специалистов ведётся в соответствии с Программой подготовки медиаторов (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 14 февраля 2011 г. № 187) [5]. Овладение технологией предполагает не просто усвоение знаний (информации), но реальное изменение мышления в понимании конфликта и роли посредника в переговорах.

Следует упомянуть использование медиации в международных конфликтах. В соответствии со ст. 33 Устава ООН, «стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны, прежде всего, стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору» [6]. Совет Безопасности ООН

вправе потребовать от конфликтующих сторон «разрешения их спора при помощи таких средств». В качестве удачного примера можно привести соглашение, достигнутое в Кэмп-Дэвиде в 1978 году, которое принесло мир между Израилем и Египтом, и было заключено благодаря медиации, проведенной президентом Картером. Дж. Беркович, исследуя 241 международный конфликт (с 1945 по 1990 гг.), выяснил, что к медиации прибегали в 60 % случаев, было предпринято порядка 600 попыток проведения процедуры. В качестве негативных факторов автор выделил: наличие у противников значительного культурного меньшинства, проблемы с идентичностью; весомые различия во власти и влиянии у конфликтантов; вовлечённость в конфликт множества сторон. Влияние также оказывают предмет спора (самыми проблемными оказались суверенитет и безопасность), место проведения медиации и фаза конфликта. Беркович также выявил обратную зависимость между числом жертв и успехом медиации [8, с. 241–258].

Степень успешности проведения процедуры не одинакова на разных стадиях протекания конфликтов. Так, по мнению Дж. Берковича, превентивная медиация более эффективна, когда инициируется на начальных этапах, но не ранее, чем кристаллизуются позиции сторон [8, с. 251].

В целом, её применение более чем в 50 % случаев считается эффективным. Приблизительно в четверти случаев оно никак не отражается на протекании конфликта, а в 10 % отмечается отрицательная тенденция. Изначально многое зависит от содержания конфликтной ситуации и той позиции, которую занимают стороны.

Процедура медиации как процесс

Рассмотрим подробнее процесс медиации и роль медиатора. Как отмечалось ранее, последний либо приглашается самими конфликтующими сторонами, либо же процедура назначается властным решением. На начальной стадии медиатор добивается доверия от конфликтантов по отношению к нему самому, организации, которую он представляет и процедуре медиации; выстраивает от-

носительно тесные комфортные отношения со сторонами, знакомит их с процессом медиации и создаёт конструктивный настрой. Необходимо подчеркнуть, что отношения доверия и коопération необходимо поддерживать в течение всего переговорного процесса.

Соответствующая деятельность получила название – примирение. По сути, она является применением психологических тактик, нацеленных на коррекцию восприятия, снижение необоснованных страхов, улучшение коммуникации с тем, чтобы обеспечить разумное обсуждение, сделать рациональные договорённости возможными. Существует ряд основных проблем, в решении которых должно помочь примирение. Сильные эмоции блокируют соглашения и препятствуют развитию позитивных связей, поэтому медиаторы обычно позволяют сторонам выплыснуть их контролируемым, безопасным способом.

Исключением являются случаи с насилием или эмоциональной эскалацией, когда эмоции наоборот подавляются и медиатор порой вынужден прибегать к приёмам челночной дипломатии. Стереотипы и искажённое восприятие могут быть преодолены благодаря помощи медиатора в выявлении восприятия сторонами друг друга, оценке адекватности восприятия, а также того, способствуют или препятствуют сложившиеся представления переговорам, и пересмотре неверных или негативных образов. Коммуникативные проблемы связаны с тем, что, когда, где, как, кому, кем и для кого сообщается. Медиатор призван определить, где такие появляются, и обеспечить приемлемый результат, изменяя содержание, временные рамки, условия, способ коммуникации.

Прежде чем приступить к переговорам, стороны и медиатор должны решить, какая стратегия в наибольшей степени соответствует их ситуации. Специалист помогает конфликтантам идентифицировать интересы, прояснить перспективные цели или очеркть круг в принципе возможных, наиболее вероятных и приемлемых решений. Он описывает основные типы стратегий разрешения споров – соревнование, уклонение, приспособление, компромисс и основанная на интересах медиация – и способствует выявлению критерия, которыми стороны будут руководствоваться в выборе стратегий. Выбор осуществляет-

ся в зависимости от временных ограничений, природы имеющихся и желаемых отношений с противной стороной, баланса власти и динамики внутри конфликтующих групп. При этом одна из важнейших задач медиатора – помочь конфликтантам координировать свои стратегии, которые в ходе переговоров могут быть неоднократно изменены.

На то, какая стратегия будет реализовываться самим медиатором, влияют: стадия конфликта, способность сторон разрешить спор, баланс власти, используемые переговорные процедуры, сложность предмета конфликта, то, чего стороны ждут от медиатора. Разрабатывая стратегию, медиатор решает: с какой целью, на каком уровне и с какими приоритетами будет осуществляться вмешательство. Он может сконцентрироваться на общем решении проблемы или на специфических вопросах; на психологических, процедурных или содержательных аспектах конфликта.

Что касается тактик, то может применяться набор из двух групп – общие и условные. Первые универсальны и используются практически во всех конфликтах, к ним относятся: анализ конфликта, вовлечение в обсуждение, определение интересов сторон, планирование медиации, примирение, помочь сторонам в формулировании предложений, разработка соглашений и плана реализации. Активность медиатора направлена на идентификацию причин противоборства и построение гипотез относительно того, как конфликт может быть разрешён. Потребность в условных тактиках возникает, когда в ходе переговоров появляются специфические проблемы: ценностные расхождения, дисбаланс власти, сильные эмоции, нарушение коммуникации и т.п. В таких случаях медиаторы прибегают к проведению «кокусов», оказанию давления, коррекции дисбаланса власти в пользу более слабой стороны, командному проведению переговоров, управлению окружением и др.

Отправной точкой в анализе конфликта является сбор данных. После выстраивания основных рамок понимания конфликта медиатор определяется с методами сбора информации (прямое наблюдение, обращение к вторичным источникам, в частности, таким как финансовая отчётность, интервью с вовле-

чёнными сторонами). Сам сбор данных может быть делегирован специалистам, но необходимо выдерживать стратегическую связность этой деятельности таким образом, чтобы полученная информация позволяла своевременно выявить все относящиеся к конфликту аспекты. Данные выступают основой для интерпретации спора, предполагающей, в том числе, отделение друг от друга нереалистических (стереотипов, недоразумений, путаницы в фактах, неуместного конкурентного поведения) и реалистических (конкурирующих интересов, несовпадающих ценностей, структурных ограничений, разногласий по поводу содержания или важности данных) причин конфликта.

Обеспечив вовлечённость сторон и осуществив анализ конфликта, медиатор, обычно вместе с конфликтантами, разрабатывает детальный план медиации. Среди прочего в нём устанавливаются основополагающие правила надлежащего поведения на переговорах.

На первой встрече медиатор представляет себя, стороны, определяет роль медиатора, описывает процедуры медиации, подчёркивая нейтральность, конфиденциальность, возможность обсуждения с каждой стороной по отдельности, формат встречи, предлагает поведенческие ориентиры. Медиатор может ответить на вопросы сторон. Далее конфликтанты делают вступительные заявления. Обычно они фокусируются на значимых интересах и проблемах, комбинации истории, потребностей и позиций, необходимости изменений, иногда на процедурных вопросах, реже на психологических условиях.

По мнению К. Мура, наиважнейшая задача для участников обсуждения на этой стадии – максимально точный обмен информацией [10]. Медиаторы облегчают его, используя ряд приёмов: активное слушание, перефразировки, суммирование, подтверждение сказанного, зондирование или уточняющие вопросы. Он помогает конфликтантам развернуть свои послания, структурировать мысли, сгруппировать и упорядочить сходные идеи, разбить сложные проблемы на простые. Позитивный эмоциональный климат повышает эффективность коммуникации, поэтому медиаторы должны способствовать его достижению и сохранению, контролируя или нейтрализуя негативные эмоции, атаки, обеспе-

чивая соблюдение правил поведения, удерживая внимание сторон на рассматриваемых вопросах. Осуществляя рефрейминг, медиатору следует избегать, насколько это возможно, описания предмета спора в терминах ценностных расхождений.

Существует множество приёмов формирования повестки: конфликтанты могут решать вопросы по одному, в манере *ad hoc*, или чередоваться в выборе вопросов для обсуждения; рассматривать их в логике от наиболее к наименее важным или от простых к более сложным; сгруппировать их таким образом, чтобы обеспечить достижение оптимального компромисса и т. д. Медиаторы хорошо знакомы как с преимуществами, так и с ограничениями различных подходов и могут дать конфликтантам совет по выбору того или иного варианта.

По разным причинам стороны в редких случаях способны дать ясный или полный перечень их интересов, как следствие, одна из важнейших задач медиатора – выявить скрытые интересы, способствовать выработке установок на эксплицитность. Используются два типа процедур: непрямые (тестирование, гипотетическое моделирование) и прямые (интервью и мозговой штурм).

Медиатор способствует не только ясному пониманию и представлению интересов конфликтантов, но и признанию интересов противника. Совместная деятельность в этом случае обеспечивает уверенность в том, что потребности участников конфликта будут уважаться и учитываться при выработке решений. Считается, что весь комплекс предшествовавших взаимодействий готовит стороны к формированию соглашений. Однако нередко их приходится убеждать в необходимости генерировать различные варианты урегулирования, особенно, когда они уверены, что уже предложили наилучший и необходимо только убедить другую сторону принять его. Может использоваться большое количество различных процедур: привлечение внешних экспертов, ратификация статус-кво, выработка объективных стандартов, разработка гипотетических сценариев, открытая дискуссия, использование аналогичного опыта, рассмотрение единичных предложений, взаимосвязанных вопросов и комплексных пакетов со-

глашений. Прежде чем перейти к содержательной стороне, конфликтанты могут заключить процедурное соглашение по принятию решений.

Сформулировав различные варианты урегулирования, стороны должны произвести их оценку. Осуществляется рассмотрение всего «ассортимента» и выбор лучшей альтернативы (best alternative to a negotiated agreement, BATNA).

В полный перечень включаются позиции от целевой, наиболее желаемой, до «точки сопротивления», то есть либо недостаточно выгодной, либо сопряжённой с большими издержками. Взаимно приемлемые опции возникают на пересечении перечней, предлагаемых конфликтантами. Необходимо отметить, что в ходе обсуждения представления сторон о желаемом и неприемлемом изменяются, таким образом, круг вопросов, по которым возможно достижение компромисса может быть расширен. Медиатор способствует снижению завышенных ожиданий, уменьшению расхождений, идентификации BATNA сторон.

После определения оптимума стороны вступают в завершающую стадию переговоров. Случается, что итоговое соглашение появляется непосредственно по завершении оценочной стадии, обычно же результатом становится некий набор возможных соглашений, расхождения и детали, над которыми необходимо продолжить работу. К. Мур описывает несколько возможных стратегий, применяемых медиаторами на финальной стадии. При стратегии добавочной конвергенции каждая из сторон должна пойти на небольшие уступки для достижения взаимо-приемлемого компромисса. Стратегия «прыжка» предполагает проведение сначала предварительного обсуждения, а затем скачёк к принятию комплексного предложения. Рамочная стратегия ориентирует стороны в первую очередь на поиск соглашения по общим принципам, а затем их применение к рассматриваемой ситуации, что позволяет избежать тупиков. Когда конфликтанты оказываются не в состоянии достичь содержательного соглашения, они могут использовать процедурную стратегию, сосредоточив внимание на технологических решениях.

Значительную роль в завершении переговоров играет фактор времени, установление крайнего срока. Медиатор помогает сторонам избежать негативных следствий, с ним связанных или же способствует установлению такового

при необходимости. Достигнутые соглашения должны быть формализованы, также надлежит разработать план реализации и мониторинга. Исследователи отмечают, что успешность реализации повышается, если ясны критерии оценки продвижения, методы измерения и обеспечения соответствия требованиям, приёмы и процедуры контроля.

Необходимо указать на влияние культурной специфики, характеризующей конфликтующие стороны. Его следует в обязательном порядке учесть в организации и проведении переговорного процесса.

В зависимости от особенностей конфликта могут использоваться различные подходы в медиации: фасилитативная (Facilitative) медиация; оценочная (Evaluative) медиация; трансформативная (Transformative) медиация; директивная медиация (Directive); фандрайзинговая медиация (Fund-Raising); основанная на интересах, или интегративная (Interest-based or Integrative) медиация; отчаянная, безрассудная медиация (Desperate mediation); ориентированная на разрешение проблем (Problem-solving) медиация; ориентированная на достижение цели (Goal-oriented) медиация; направленная на достижение соглашения (Settlement-driven) медиация; родовая, исходная (Generic) медиация; гуманистическая (Humanistic) медиация; нарративная (Narrative) медиация; познавательная систематическая (Cognitive systemic) медиация; экосистемная, ориентированная на семью (Ecosystematic, Family-oriented) медиация; регулятивная медиация; медиация, основанная на понимании (understanding-based approach) [2].

Необходимо отметить, что медиация может использоваться для самых разных целей: для того, чтобы более чётко и адекватно обозначить предмет спора и границы конфликта; для выработки «правил игры», необходимых для дальнейшего диалога сторон по поводу окончательного разрешения конфликта; для урегулирования спора и достижения взаимовыгодного соглашения; для однозначного понимания позиций и интересов будущих партнеров в процессе переговоров по поводу заключения договора; для предупреждения конфликта; для выработки политического решения с учётом интересов общественности. Столь широкий диапазон применимости предполагает многообразие подходов,

техник и приёмов, а также постоянное появление новых и совершенствование имеющихся. Можно заключить, что выше обозначенные подходы в отечественной системе альтернативного разрешения конфликтов России будут устанавливаться и приживаться продолжительный период, поскольку закон о медиации вступил в силу только в 2011 году.

Перспективы развития медиации в РФ

Несмотря на то, что Федеральный Закон № 193 вступил с силу несколько лет назад, несколько факторов способствуют популяризации медиации в правовом поле России. К ним можно отнести:

- Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (г. Москва) № 50, принятого 18 июля 2014 г. «О примирении сторон в арбитражном процессе» [1], в котором основное внимание обращено к использованию медиации;
- на обсуждении Пленума Верховного Суда Российской Федерации 21 октября 2014 г. было предложено ввести обязательное досудебное урегулирование арбитражных споров [10].

Таким образом, внедрение медиации как элемента системы альтернативного разрешения конфликтов будет сопровождаться определенными трудностями. Можно предположить, что они будут являться идентичным в большинстве регионов России, а их разрешение сможет носить схожий комплексный характер. Оно включает: законодательное установление категории дел, по которым проведение медиации обязательно до обращения в суд; обучение представителей судебского корпуса грамотному предложению сторонам пройти медиацию; создание необходимых условий для популяризации данного способа урегулирования конфликтов через средства массовой информации; открытие магистерских программ по медиации в рамках системы высшего профессионального образования. Практическое осуществление обозначенного будет способствовать формированию высокой эффективности медиации в системе альтернативного разрешения конфликтов в Российской Федерации.

Литература

1. Арбитражный суд Российской Федерации. URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/110097.html (дата обращения: 06.06.2015).
2. Маврин О.В. Технологии урегулирования конфликтов (медиация как эффективный метод разрешения конфликтов): учебное пособие. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. – 96 с.
3. Министерство юстиции США. URL: <http://www.justice.gov/crs/> (дата обращения: 07.06.15).
4. Практика разрешения споров в Международном коммерческом арбитражном суде: сегодняшний день и перспективы. URL: <http://www.garant.ru/action/interview/10307/> (дата обращения: 07.06.15).
5. Программа подготовки медиаторов (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 14 февраля 2011 г. № 187). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12083428/> (дата обращения: 07.06.15).
6. Устав ООН. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter6.shtml> (дата обращения: 07.06.15).
7. Электрон. юр. библиотека (М.). URL: <http://jurlib.ru/mediacijja/32-osnovnye-polozheniya-koncepcii-mediacii.html> (дата обращения: 07.06.15).
8. Bercovitch J. Understanding Mediation's Role in Preventative Diplomacy / Negotiation Journal. – July 1996. – P. 241–258.
9. European Code of Conduct for Mediators. URL: http://ec.europa.eu/civiljustice/adr/adr_ec_code_conduct_en.pdf (дата обращения: 07.06.15).
10. Moore Ch. The Mediation Process: Practical Strategies for Resolving Conflict (third edition). – San Francisco: Jossey-Bass, 2003. – 624 p.
11. States' Alternative Dispute Resolution Statutes State of Utah. URL: <http://nationalaglawcenter.org/wp-content/uploads/assets/disputeresolution/utah.pdf> (дата обращения: 07.06.15).

СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ И КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мансуров Т.З., к.полит.н., ассистент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

SYRIAN CONFLICT AND COUNTER-TERRORIST OPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Mansurov T.Z., Candidate of political sciences, assistant,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Аннотация. В данной статье рассмотрены причины возникновения и развития конфликта в Сирии, а также основные политические акторы противодействующие друг другу. Проанализированы цели и задачи контртеррористической операции Российской Федерации в Сирии. Показаны основные противоречия и проблемы между Россией и США, европейскими странами, а также государствами Персидского залива по урегулированию сирийского конфликта. Особое внимание уделяется анализу рисков и издержек проводимой Россией контртеррористической операции. Рассматриваются форматы переговорного процесса по урегулированию сирийского конфликта.

Ключевые слова: сирийский конфликт, Сирия, терроризм, "Исламское государство", контртеррористическая операция, Российская Федерация, политический конфликт, урегулирование конфликта.

Abstract. This article views the reasons of emergence and development of conflict in Syria, and also the main political actors counteracting each other. The purposes and objectives of a counter-terrorist operation of the Russian Federation in Syria

ia are analysed. The main contradictions and problems between Russia and the USA, the European countries, and also the states of the Persian Gulf on settlement of the Syrian conflict are shown. The special attention is paid to the analysis of risks and costs of the counter-terrorist operation which is carried out by Russia. Formats of negotiation process on settlement of the Syrian conflict are considered.

Key words: syrian conflict, Syria, terrorism, "Islamic State", counter-terrorist operation, Russian Federation, political conflict, settlement of conflict.

Конфликт в Сирии начался с серии антиправительственных выступлений, массовых беспорядков в различных городах страны, направленных против власти президента страны Б. Асада, которые в июне-июле 2011 года переросли в вооруженное противостояние между правительственными войсками и бойцами сирийской оппозиции. Причин возникновения политического конфликта в Сирии достаточно много. С 2006 по 2011 год Сирия испытывала небывалую засуху. Ей было охвачено порядка 60 % земель. Растрачивание природных ресурсов привели к нехватке воды и гибели урожая на 75 %. По данным ООН в 2010 году в результате засухи потеряли средства к существованию около 1 миллиона человек. Отсутствие сбалансированной социальной политики и высокий уровень безработицы (около 20 % на начало конфликта) способствовали возникновению кризисных явлений в социально-экономической сфере.

Нельзя отрицать тот факт, что социальные протесты 2011 года были подогреты успешными выступлениями оппозиции в соседних странах. События «арабской весны» оказали значительное влияние на различные социальные группы населения, особенно молодежь. В Сирии имелись старые хронические проблемы, такие как недовольство населением политической системой и авторитарным правлением Б. Асада, доминированием алавитов во властных структурах, коррупция в органах власти и др. [9, с. 51] Значимую поддержку (прежде всего, информационную и финансовую) антиправительственным выступлениям оказали отдельные государства мира (США, европейские страны, государства Персидского залива), преследующие собственные интересы в Сирии. Требова-

ния социальной справедливости начинают постепенно объединять такие этно-конфессиональные группы как курды, алавиты, сунниты, христиане.

Безусловно, нельзя не отметить существующие латентные религиозные противоречия (между шиитами и суннитами), а также этнические (например, проблема курдов на севере страны). В результате сложившейся ситуации на улицы страны весной и летом 2011 года стали выходить уже не десятки, а сотни тысяч протестующих [1]. Органы правопорядка не смогли их долго сдерживать, против оппозиции стали проводиться силовые операции. Реакцией на это стало создание внушительных оппозиционных сил, а затем и их вооруженного крыла – Свободной Сирийской Армии.

Постепенно противостояние между сирийским правительством и оппозицией переросло в масштабный конфликт. В ноябре 2012 года различные оппозиционные силы объявили о создании Сирийской национальной коалиции, штаб-квартира которой находится в городе Доха (Катар) [8, с. 137]. Целью данной коалиции явилось объединение всех фракций, выступающих против президента Сирии Б. Асада и за его свержение. Оппозиционные группировки противостоят законному сирийскому правительству, поддержанному ливанской организацией «Хезболла» и иракскими шиитскими военизированными группами, а в последствие и иранским Корпусом Стражей Исламской революции.

Однако ряды Сирийской национальной коалиции оказались недостаточно едиными и уже в январе 2013 года боевики группировки «Фронт-ан-Нусра» заявили о желании создать исламское государство, основанное на законах шариата. Их выход из коалиции вызвал негативную реакцию других оппозиционных групп, заявивших о возможном противостоянии с радикальными исламистами. Последние создали собственный военный альянс, состоящий из ряда исламистских организаций, придерживающихся экстремистских методов борьбы, который впоследствии был преобразован в террористическую организацию «Исламское государство».

Начиная с 2011 года, вплоть до сегодняшнего дня, территория Сирии представляет поле противостояния отдельных военизированных группировок и

сил, сопровождающееся гибелью людей и падением экономики. С начала конфликта и вплоть до сегодняшнего дня территорию Сирии покинуло более 4 млн. граждан страны. Можно выделить четыре значимые силы, противостоящие друг друга. Во-первых, это сирийское правительство и армия, поддерживаемые Россией и ее воздушно-космическими силами, точечные удары которых способствовали переходу вооруженных сил Сирии в наступление. Во-вторых, оппозиция, представленная Сирийской национальной коалицией, с которой в дальнейшем предполагается ведение политического диалога по урегулированию сирийского конфликта. В-третьих, это «Исламское государство», состоящее из различных радикальных исламистских организаций, включающих в том числе Аль-Каиду, и контролирующее большинство территории Сирии. В-четвертых, это курдское население, проживающее на севере страны и стремящееся к созданию самостоятельного государства. Между этими силами разворачивается достаточно серьезное противостояние, однако все они, исключая «ИГ», не видят альтернативу переговорам как способу разрешения сирийского конфликта.

Значительным фактором, оказывающим противодействие деятельности «Исламского государства» и других террористических организаций, является контртеррористическая операция России, которая началась 30 сентября 2015 года. Данная операция не носит наземного характера, а представляет собой действия воздушно-космических сил страны с целью уничтожения объектов инфраструктуры террористической организации, что будет способствовать дальнейшему урегулированию сирийского конфликта. По данным Генерального штаба Вооруженных сил РФ за месяц, прошедший с начала военной операции, было уничтожено 1623 наземных объекта инфраструктуры. Боевые самолеты совершили 1391 боевой вылет, в результате которых были разгромлены пункты управления и узлы связи, лагеря для подготовки террористов, заводы и мастерские по производству взрывчатых веществ, склады боеприпасов и топлива, полевые лагеря, опорные пункты и военные базы [2]. В результате действий России, осуществленных по просьбе президента Сирии Башара Асада, тер-

рористической организации «Исламское государство» был нанесен серьезный ущерб, а сирийская армия перешла в широкое наступление.

Сразу после начала военной операции действия России вызвали критику со стороны ряда государств мира, таких как США, Великобритания, Франция, Турция, Саудовская Аравия, Катар и др. Россию начали упрекать в бесперспективности военной операции, усугублении сирийского кризиса, поддержки нелегитимного правительства Б. Асада, создании угроз безопасности соседним государствам. Высказывались мнения о том, что вмешательство России в сирийский конфликт приведет к негативным последствиям для национальной экономики и социально-политической стабильности, к росту террористической активности на Кавказе. На мой взгляд, это достаточно объяснимо. Страны, входящие в коалицию по борьбе с «ИГ» и «возглавляемую» США, изначально преследовали отличные от России цели.

Они считают режим Б. Асада нелегитимным, призывают его уйти в отставку и провести демократические выборы. Вместе с тем, на сегодняшний день смена власти и проведение демократических выборов как минимум будет являться неэффективным. Это может привести к полной потери контроля над страной, разрастанию террористической угрозы и превращению Сирии в «несостоявшееся государство». За всем этим не трудно увидеть и другую более важную цель, реализуемую США и состоящую в установлении в Сирии лояльного американскому государству режима, пусть нестабильного, но достаточно контролируемого [10, с. 91–92].

Стоит отметить, что антисирийская кампания по ослаблению режима Б. Асада началась еще вскоре после завершения активной фазы военных действий США и их союзников в Ираке, логическим следствием которой стала поддержка так называемых «мирных» демонстраций весны 2011 года, быстро переросших в вооруженные столкновения с вовлечением сил международного терроризма. Можно сказать, что США изначально преследовали цель «изолировать» и максимально ослабить своих противников в регионе, Сирии и Ирана, и тем самым России, имеющей значительное влияние в этих странах.

Вообще, необходимо отметить, что США и их западные союзники имеют немалый опыт использования радикальных исламистских организаций в борьбе со своими геополитическими и региональными противниками. Этот опыт был успешно применен сначала в Афганистане для борьбы с советской интервенцией, затем на территории Югославии и в странах Ближнего Востока. Можно отметить отдельные попытки его применения в государствах Центральной Азии и кавказского региона. Поддержка исламского фундаментализма осуществлялась во взаимодействии со странами, преследующих схожие цели, а организационная, финансовая, материальная и логистическая поддержка осуществлялась с помощью специальных служб.

Подобная поддержка оказывается на сегодняшний день на территории Сирии. По данным российской парламентской делегации, посетившей в мае 2015 года Дамаск и другие районы страны, каждый день через турецкую территорию в Сирию переходило от 500 до 1000 боевиков. На территории Турции происходит вербовка боевиков, действуют организации, финансирующие деятельность «ИГ». На мой взгляд, подобное вряд ли было бы возможно, если бы турецкое правительство установило жесткий контроль над этой деятельностью.

Кроме того, США, некоторые европейские страны, а также Турция активно заявляют о своей поддержке так называемой умеренной сирийской оппозиции, действия некоторых членов которой мало чем отличаются от действий радикальных исламистских организаций, входящих в «Исламское государство». Поэтому не удивительны позиции ряда западных стран, которые заявляют о том, почему вооруженные группировки оппозиции попадают под удары воздушно-космических сил России.

Стремление активно использовать исламский фактор усиливает политические амбиции и влияние радикальных организаций, придерживающихся соответствующих принципов. Насаждение тоталитарного мировоззрения взамен традиционных религиозных представлений будет способствовать фрагментации сирийского общества, а не его консолидации. Необходим широкий политический диалог с привлечением всех сторон конфликта (исключая террористические организации) и ряда мировых держав.

Российская политика придерживается линии на создание широкой международной коалиции, направленной на борьбу с «ИГ», но при этом не встречает понимания со стороны западных партнеров, поддерживающих оппозицию. Периодически появляются документальные подтверждения помощи США и их союзников исламистским организациям. В частности, этот аспект затронул в своей речи президент России В. Путин, который, выступая на международном дискуссионном клубе «Валдай» 22 октября 2015 года, обратился к теме поддерживаемого Западом международного терроризма: «Не устаю удивляться тому, как наши партнёры раз за разом, как у нас в России говорят, наступают на одни и те же грабли, то есть совершают одни и те же ошибки. В своё время они спонсировали исламские экстремистские движения для борьбы с Советским Союзом, которые прошли закалку в Афганистане. Из них выросли и «Талибан», и «Аль-Каида». Запад если не поддерживал, то закрывал глаза, а я бы сказал – и поддерживал на самом деле информационно, политически, финансово вторжение международных террористов в Россию, мы этого не забыли, и в страны Центрально-Азиатского региона» [5].

Деятельность России по противодействию международному терроризму направлена не только на его упреждение в государствах Ближнего Востока, но и на территории Российской Федерации и стран СНГ. С началом контртеррористической операции России в Сирии стали звучать жесткие заявления о распространении террористической угрозы на территорию российского государства, свержении существующего режима и начале джихада против российских военных. Однако эти заявления далеки от претворения в какую-либо реальность. Вместе с тем, недооценивать угрозы трансляции терроризма на территорию Российской Федерации было бы ошибкой.

На сегодняшний день на стороне «Исламского государства» воюют около 2400 граждан России. Существует угроза совершения террористических актов в ряде регионов Северного Кавказа, Поволжья, а также в столице страны. Бегство боевиков с территории Сирии после начала военной операции российских воздушно-космических сил и наступления сирийской армии может способствовать

возвращению части террористов в Россию. В ряде российских регионов, в том числе в Москве, уже известны факты задержания лиц, причастных к деятельности террористической организации «Исламское государство».

При обыске их квартир было обнаружено оружие, взрывчатые вещества и устройства связи. Необходимо отметить, что на стороне террористов в Сирии есть представители так называемого «Крымского джамаата», часть которого участвует в военных действиях в Донбассе. В связи с этим существует опасность передачи украинского оружия боевикам «ИГ».

Работа по выявлению членов радикальных исламистских организаций не должна приостанавливаться. Они могут проникать на территорию России под видом беженцев. Поэтому проверки прибывающих в страну граждан из Сирии должны осуществляться очень внимательно.

Другой не менее важной задачей России в Сирии является поддержка государственности в виде укрепления власти президента страны и сохранения Сирии как государства. Говоря об этой задаче необходимо прояснить два момента. Первый связан с тем, что поддержка президента Б. Асада может носить временный характер, однако Россия будет стремиться сохранить свое политическое и военное влияние в Сирии и после урегулирования конфликта [7, с. 347]. По итогам заседания Контактной группы по Сирии, состоявшегося в Вене 30 октября, министрами иностранных дел США, России, ЕС, Турции, Саудовской Аравии и других государств Ближнего Востока, а также Ирана договорились о создании переходного правительства в Сирии после завершения военных действий на территории страны. Вопрос о дальнейшем пребывании Б. Асада у власти был вынесен за скобки, стороны сошлись во мнении о необходимости сохранения этого режима, по крайней мере, до формирования переходного правительства, судьбу которого решит сам сирийский народ.

Второй момент, логически вытекающий из первого, связан с проведением линии, разделяющей радикальную и умеренную оппозицию, с целью дальнейшей консолидации последней и ее превращения в значимого участника будущего переговорного процесса. Для России правильным будет выделение в оп-

позиции национально ориентированных структур, стремящихся к обретению власти в Сирии и достижению национального консенсуса в стране. Это должны быть структуры, пользующиеся значительным доверием у населения страны.

Говоря о поддержке государственности, стоит отметить, что формирование устойчивой политической системы требует, чтобы военная операция России сопровождалась мероприятиями, направленными на укрепление государственных институтов и реинтеграцию страны [3]. На сегодняшний день ситуация в Сирии близка к развитию государственности по ливийскому сценарию, когда в государстве существуют несколько административно-территориальных образований, не подчиняющихся друг другу и имеющих собственные вооруженные формирования. Сложившаяся ситуация не будет устраивать и другие мировые державы, не заинтересованные в создании де-факто государств на территории Сирии. Единственным выходом видится децентрализация Сирии с соответствующим предоставлением автономий своим регионам и разделение ответственности за поддержание такой системы как с региональными, так и с мировыми державами.

Проводимая Россией контртеррористическая операция в Сирии способствует решению другой не менее важной задачи, состоящей в поддержании своего международного имиджа и укреплении влияния на мировой арене. Россия на различных международных площадках позиционирует себя как великая держава, достойная роли одного из центров многополярного мира. В данной случае сирийский кризис может стать еще одной важной ступенью перехода российской внешней политики от региональной к мировой и инициативной [4]. Конечно, Россия могла вмешаться в сирийский конфликт без особых согласований с западными странами и крупными региональными державами и насколько это возможно максимально преследовать собственные интересы, учитывая все возможные риски и ограничения.

Такой стратегии действий придерживались США и их союзники, осуществляя военные кампании на территории бывшей Югославии, в Ираке, Ливии. Россия выбрала более конструктивную позицию, сразу заявив о том, что она борется с таким «всемирным злом» как терроризм и ее действия направлены на урегулирование конфликта, приглашая к этой работе всех заинтересованных государств.

Несмотря на все критические замечания в адрес России, западным странам пришлось принять ее военное участие в сирийском конфликте и воспринимать как значимого политического игрока в регионе, с которым нельзя не считаться. Сирийская кампания представляет серьезную российскую инициативу, направленную на решение одной из мировых проблем.

При этом стоит заметить, что данная операция идет не в разрез с США и их западными союзниками, а в партнерстве с ними, причем на абсолютно легальных началах в рамках существующего международного права. Если России удастся эффективно отстоять свои интересы и урегулировать конфликт, обеспечить порядок и мирное постконфликтное восстановление государства, то она подтвердит свой статус великой мировой державы. Это существенно поднимет ее авторитет, интересы и сфера влияния которой будут уважаться в мире, доказав свою способность решать значимые региональные и мировые проблемы.

Серьезность намерений России в Сирии подтверждается не только заявлениями представителей российской власти, но и реальными договоренностями по конфликту. По итогам переговоров Контактной группы по Сирии 30 октября в Вене было принято коммюнике из девяти пунктов. Они отражают как ранее заявленные Россией идеи, так и позиции других заинтересованных сторон в конфликте [6]. Можно сказать, что прошедшие в Вене переговоры – это первый полноценный международный формат по урегулированию конфликта в Сирии, который в основном стал возможным благодаря дипломатическим усилиям России, а также проводимой контртеррористической операции.

В нем приняли участие представители 19 делегаций из различных стран мира и организаций (ООН), темой которого стал новый запуск процесса политического диалога в Сирии. Подписанное коммюнике представляет своеобразную карту дальнейших действий участников переговоров, однако не существует гарантий того, что ряд стран, подписавшихся под принципами этого документа, будут их придерживаться. Страны Персидского залива, выступающие против режима Б. Асада, остались недовольны принятым документом, который, по их мнению, не отражает реальных противоречий между участниками пере-

говоров. Однако это очень важный шаг, качественное наполнение которого в дальнейшем будет способствовать урегулированию конфликта.

Среди важных условий решения сирийской проблемы в Вене, помимо отмеченных выше, была достигнута договоренность о необходимости формирования сирийской делегации от оппозиции, которой займутся специальные органы ООН, а также составления дополнительных списков террористических организаций, кроме уже признанных ООН, по которым будут наноситься военные удары. На мой взгляд, это позволит отделить умеренную оппозицию от радикальной. Было заявлено о важности постепенного прекращения огня между сторонами конфликта, однако сроки и условия его прекращения не оговаривались (кроме одного, что оно не будет распространяться на террористические группы и борьбу с ними). На переговорах также обсуждался вопрос гуманитарной помощи нуждающимся в Сирии и беженцам.

В рамках урегулирования сирийского конфликта представляется важным отметить подключение к переговорам Ирана. Это позволит сбалансировать существующий формат переговорного процесса. Иран разделяет позицию России по Сирии и координирует с ней свои действия. Для эффективного завершения Россией военной операции необходимо поддерживать политические и экономические отношения с Саудовской Аравией и Турцией, являющихся суннитскими государствами, и искать компромиссы по сирийскому конфликту.

Значимым для действий России является избегание восприятия своей политики как направленной на поддержку шиитских государств, что может привести к противостоянию между участниками переговорного процесса по внутриконфессиональному признаку (шииты – сунниты) и опасным внутренним последствиям для самой России. Для Российской Федерации представляется необходимым ясно дать понять, что ее присутствие носит целевой характер, направленное на обеспечение как собственной безопасности, так и безопасности региона, на его стабилизацию. В противном случае это может способствовать потери доверия к России как важному и ответственному участнику в разрешении различных ближневосточных конфликтов и кризисов.

Необходимо сказать, что контртеррористическая операция России в Сирии явилась достаточно продуманным внешнеполитическим шагом. Россия стремится не только поднять уровень своего международного влияния, но и предотвратить угрозу проникновения радикальных экстремистских организаций на свою территорию. В связи с этим можно согласиться с мнением президента России В. Путина, что «линия обороны» страны от международного терроризма проходит не по границам России и не по таджикско-афганской границе, а в Сирии, где на стороне «Исламского государства» и других террористических организаций воюют от пяти до семи тысяч граждан России и стран СНГ.

Таким образом, на сегодняшний день контртеррористическая операция России является необходимой и пользуется поддержкой ряда стран региона. Ее дальнейшая эффективность будет зависеть от способности российской дипломатии найти действенные форматы взаимодействия и разрешить существующие противоречия между другими участниками переговорного процесса. Безусловно, на этом пути встретится множество проблем. Правительство Сирии и разношерстная оппозиция сами по себе сложные партнеры. Инструменты влияния на них со стороны России и США не всегда действенны. Для России важно, чтобы ее позиция не ассоциировалась с негибкостью сирийского правительства и нежеланием идти на какие-либо компромиссы.

Несмотря на всю критику США и их западными союзниками российской военной операции, в результате действий воздушно-космических сил страны сирийская армия смогла перейти от обороны в наступление. Безусловно, существуют большие риски действий и США, и России в сирийском конфликте. Для России важным видится не допустить проникновение террористических группировок на территорию своей страны, особенно в регион Северного Кавказа. Насущным представляется просчитать все возможные риски и издержки в военной и политико-дипломатической сферах от участия в сирийском конфликте. Дальнейшая эффективность операции России в Сирии будет зависеть от способности выстроить конструктивный диалог между сторонами конфликта в самой Сирии и способствовать дальнейшему постконфликтному восстановлению в стране.

Литература

1. 10 нестыдных вопросов о войне в Сирии. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/142556/> (дата обращения: 2.02.2016).
2. Кирилл Буланов. Минобороны повело итоги первого месяца российской операции в Сирии. URL: http://www.rbc.ru/politics/30/10/2015/56338d359a7947624cd9253f?google_editors_picks=true (дата обращения: 4.02.2016).
3. Василий Кузнецов. Россия в Сирии: неочевидные решения неочевидных задач в условиях риска. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6789#top-content (дата обращения: 4.02.2016).
4. Геворг Мирзаян. Война за статус. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6788#top-content (дата обращения: 5.02.2016).
5. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548> (дата обращения: 8.02.2016).
6. Максим Сучков. После Вены: «дорожная карта» политической стратегии России в Сирии http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6794#top-content (дата обращения: 8.02.2016).
7. Махнев С.Д. Угрозы конфликта в Сирии для национальной безопасности РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 1 (2). – С. 345–350.
8. Герасимов И.А. Правовой статус и основные субъекты вооруженного конфликта в Сирии // Апробация. – 2015. – № 4 (31). – С. 137.
9. Смирнов Н.А. Информационная война в Сирии // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 1 (40). – С. 49–56.
10. Шульц Э.Э. Управление социальным протестом как технология и содержание «арабской весны» // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 40. – С. 89–96.

КОНФЛИКТ ПРОЕКТОВ ПРИ СОЗДАНИИ ЭКОПАРКА «ОЗЕРО ХАРОВОЕ»

Мингазова Н.М., д.биол.н., профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

CONFLICT OF PROJECTS AT CREATION OF ECOPARK «LAKE OF CHAROVOE»

Mingazova N.M., Doctor of biological sciences, professor,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы сохранения и восстановления природных объектов на примере экопарка «Озеро Харовое» г. Казани. Анализируются проекты по его созданию, предложенные образовательными и коммерческими структурами, а также противоречия и конфликты интересов, появившиеся в процессе их реализации. Отдельное внимание уделяется рассмотрению особенностей проекта по обустройству озера и сохранению его как экопарка, предложенного Казанским федеральным университетом совместно с Казанским государственным архитектурно-строительным университетом. Подчеркивается важность создания экопарка как природного и рекреационного объекта.

Ключевые слова: «Озеро Харовое», экопарк, экосистема, редкий вид, проект экопарка, конфликт интересов, Казанский федеральный университет, инициативная группа, техногенная нагрузка, экологическая экспертиза.

Abstract. In article questions of preserving and recovery of natural objects on the example of ecopark «Lake of Charovoe» of Kazan are considered. The projects

on its creation offered by educational and commercial structures and also the contradictions and the conflicts of interests which have appeared in the course of their implementation are analyzed. The separate attention is paid to consideration of features of the project on arrangement of the lake and preserving it as the ecopark offered by the Kazan Federal University together with the Kazan State University architecture and engineering. Importance of creation of ecopark as natural and recreational facility is emphasized.

Key words: «Lake of Charovoe», ecopark, ecosystem, rare species, project of ecopark, conflict of interests, Kazan Federal University, initiative group, technogenic loading, environmental assessment.

В г. Казани в последние годы стали решаться проблемы не только сохранения, но и восстановления природных объектов, создания городской среды, комфортной для проживания граждан. Одним из примеров является благоустройство озера «Харовое» в виде малого экологического парка. Озеро Харовое – ценный природный объект, существующий в центре города, на пересечении улиц Яруллина, Вахитова и Сулеймановой Кировского района, г. Казани.

Озеро «Харовое» относится к малым мелководным пойменным озерам, образовано под напором грунтовых вод в котлованах торфоразработок и понижениях на месте прежнего обширного пойменного болота. Западная часть озера представляет собой водно-болотные угодья, мелководные, глубиной до 1 м, восточная часть – открытую часть акватории водоема с зарослями тростника.

По данным лаборатории оптимизации водных экосистем КФУ, исследовавшей озеро в течение 2000–2014 гг., видовое разнообразие озера очень высокое. Для данной территории отмечено обитание редких краснокнижных видов: макроскопическая водоросль хара обыкновенная; краснобрюхая жерлянка из земноводных, тростник гигантский – редкий вид и др. По результатам инвентаризации водных объектов г. Казани сотрудниками лаборатории было предложено назвать озеро в честь краснокнижного вида – водоросли Хара (озеро Харовое).

К сожалению, данная территория, представляющая природную ценность, не обеспечивает рекреационный потенциал Кировского района города, т. к. не способна обеспечить определенное количество отдыхающих психофизиологическим комфортом и возможностью для отдыха без деградации природной среды. Рекреационная деятельность на малой площади доступна лишь для небольшого количества единовременно отдыхающих людей.

До 2013 г. данный природный объект не использовался активно для рекреационных целей, в основном имели место в зимнее время катание на лыжах, в летнее время – рыбалка. Объект в основном использовался для прохода жителей микрорайона через дамбу, отделяющую открытую акваторию от водно-болотного комплекса, для сокращения пути; в зимнее время проход осуществлялся через озеро на станцию метро.

Рядом стоящая пожарная часть ранее использовала озеро в качестве резервного источника воды. Именно пожарной частью озеро было углублено в 2000-х гг. с созданием визуально привлекательной глади водной акватории, что и понимается в основном как озеро Харовое.

Неэффективность природного объекта с рекреационной позиции обусловлена высокой антропогенной и техногенной нагрузками, характерными для района, в окружении плотной городской застройки. Кировский район и микрорайон по ул. Вахитова-Сулеймановой имеют стихийно-техногенное развитие. Происходит строительство авторазвязок, расширение дорог, строительство метрополитена, домов и торговых центров. От этого сокращается количество зеленых насаждений, загрязняется воздух и почва.

Функционально микрорайон представляет собой плотную застройку жилого массива премиум-класса. Характерной особенностью этих факторов является концентрация человеческих потоков в данном районе, в течение всего дня. В связи с этим озеро Харовое с водно-болотным комплексом фактически представляет собой вариант проходного сквера.

Для данного микрорайона с высокой техногенной нагрузкой важным стало создание природно-рекреационной территории, компенсирующей техноген-

ное воздействие. И на эти требования отвечает существующий природный объект – озеро Харовое. При зонировании данная территория обозначалась как рекреационная, планировалось создание сквера.

Но при всей природной ценности территории в 2011 г. было проведено перезонирование, потом принято решение о строительстве трех жилых домов с частичной засыпкой озера, и многоуровневого паркинга. Активные жители, решившие отстоять единственное место отдыха, обратились за консультациями к специалистам кафедры природообустройства и водопользования КФУ.

Для решения вопросов сохранения озера и благоустройства территории были приложены совместные с жителями усилия. Это и встречи с представителями администрации района, мэром г. Казани, президентом РТ, природоохранными службами, организация субботников, привлечение СМИ, проведение совещаний. Жителям было предложено создать инициативную группу (была создана с названием «Зеленый рекорд по-Вахитовски»). Кафедрой был составлен экологический паспорт озера, организована общественная экологическая экспертиза, проведены необходимые для экспертизы изыскания, выявлены редкие виды, доказана природная ценность озера и его прилегающей территории как места обитания 7 редких видов.

В результате поэтапно удалось отстоять территорию от застройки сначала жилыми домами, потом от идеи застройки паркингом. Жители категорически выступали против паркинга с лозунгом «Нам под окнами машины не нужны!». Совместными усилиями удалось убедить городскую и районную администрации в необходимости сохранения данной территории, в ценности природного объекта как для жителей района, так и для всего города, с идеей создания экопарка. Первого, к тому времени, экопарка в городе.

С этой целью кафедрой природообустройства и водопользования КФУ в сотрудничестве с кафедрой градостроительства КГАСУ был разработан первый эскизный проект экопарка «Озеро Харовое», который и дал «зеленый свет» решению данного вопроса в плане благоустройства. Учитывая пожелания жителей, как основных пользователей планируемой рекреационной зоны в данном

микрорайоне, и особенности водного объекта, была проведена большая работа по разработке различных вариантов эскизного проекта, соответствующая концепции экопарка.

Первым вариантом эскизного проекта КФУ/КГАСУ было предложено поделить всю территорию на основные функциональные зоны: зона акватории, зона ветландов (водно-болотные угодья), рекреационная зона, совместно с экотропами, и зона паркинга. Предусматривалось применение только экологичных материалов и щадящий режим работы на местности при осуществлении проекта. Планировалась очистка от мусора всех зон.

Зоны акватории и ветландов предлагалось оставить неизменными. Планировалось расширить протоку между ними, укрепив берега геоматами и георешетками. Восточную часть водоема предусматривалось снабдить аэрационной установкой, аэратор предлагалось разместить в небольшой смотровой башне из антивандальных соображений (внизу – размещение аэратора, наверху – малая смотровая площадка).

Зона паркинга. На данной территории вдоль домов возникла стихийная парковка на 150-200 машин, с самозахватом береговой линии. Уничтожен верхний плодородный слой почвы. Проектом предлагалось создать более компактную автостоянку, в соответствии с нормативными требованиями, по технологии «зеленой парковки» на 15-50 автомашин.

Рекреационная зона. Было предложено создать соразмерные территории ландшафтного объекта – небольшие по площадям детскую площадку для активных видов игр и спортивную площадку с видом на западную часть озера, прорубив «окна» в зарослях ветландов, с экологичным естественным покрытием. Эскизом планировки предусматривалось создание небольших входных групп. Центральная часть представляла собой небольшую площадку для отдыха, так же с естественным покрытием, с небольшим цветником. В концепцию планировки экопарка были заложены экологичные материалы и экологичные технологии; обустройство дорожно-тропиночной сети и смотровых площадок.

Для обустройства и создания доступных и безопасных зон для осмотра природных достопримечательностей озера Харовое планировалось обустройство дорожек и обзорных площадок. Дорожки были представлены тремя типами: 1) велосипедно-пешеходная дорожка, закольцованная по периметру озера с плотным основанием из устойчивых к истиранию и скольжению материалов; 2) пешеходная дорожка для экологических прогулок по водно-болотной части парка, установленная на сваях, выполненная из террасной доски; 3) пешеходная дорожка, проходящая по твердой земляной поверхности, выполненная из природного камня.

Наиболее подходящим материалом для прогулочных пешеходных дорожек в среде, подверженной повышенному увлажнению, является террасная доска, сочетающая практичность, красоту и долговечность при естественном внешнем виде. На профилях не появляются трещины, а влажная поверхность благодаря рифлению не становится скользкой.

Концепции экопарка свойственны природные материалы. Для покрытия основной пешеходной дорожки предлагается использовать каменную плитку, для второстепенных дорожек – природный камень, для дорожек на сваях – террасную доску.

Неизменной составляющей экологического парка является экотропа. Экологическая тропа – это специально оборудованный маршрут, проходящий через различные экологические системы и другие природные объекты, архитектурные памятники, имеющие эстетическую, природоохранную и историческую ценность. На экологической тропе отдыхающие и экскурсанты получают устную (с помощью экскурсовода) или письменную (с помощью стендов, ашлагов и т. п.) информацию об этих объектах.

Предусматривалось оборудование каждой смотровой площадки на экомаршруте информационными стендами. Организация экологической тропы – одна из форм воспитания экологического мышления и мировоззрения. Основное назначение – воспитание культуры поведения людей в природе. Экотропы выполняют природоохранную функцию. Частично выступающие на водно-

болотные угодья и водную гладь озера экотропы должны были быть организованы на сваях. С помощью таких троп углубляются и расширяются знания экскурсантов об окружающей их природе. Все виды работ должны быть выполнены вручную, без применения крупногабаритной техники, либо с помощью малой техники.

Создание экопарка повышает ответственность людей за сохранение окружающей среды, способствуя воспитанию чувства любви к природе.

Проект полностью соответствовал концепции экопарка, рекреационным возможностям территории и соблюдал экологические нормы и технические нормативы. Он неоднократно использовался на многочисленных совещаниях, в том числе на совещании с президентом РТ, для будирования вопроса по необходимости создания экопарка. Данный проект и его варианты использовался жителями при создании специального сайта по озеру, а также для создания общественного фонда поддержки экопарка «Озеро Харовое».

К сожалению, дальнейшее продвижение эскизного проекта КФУ/КГАСУ столкнулось с личными интересами жителей в лице руководства общественного фонда. Гендиректор фонда отвергла предложения Комитета благоустройства ИК МО г. Казани по разработке рабочего проекта специалистами «Казгражданпроекта» в сотрудничестве с КФУ/КГАСУ под предлогом дороговизны проекта. На совещании в Исполкоме жители получили разрешение на средства, собранные городом на создание экопарка, самостоятельно заказать проект.

На этом этапе инициативная группа отвергла все контакты с кафедрой природообустройства и водопользования КФУ, выбрав путь благоустройства береговой зоны по аналогу дворовой инфраструктуры, с приоритетом личных интересов. При этом инициативная группа, прикрываясь идеей экопарка, использовала средства, собранные городом для создания экологического парка и сохранения озера.

Инициативная группа заказала проект фирме ООО «Ренессанс Про», не имеющей опыта экологического проектирования, специализирующейся на проек-

тировании ливневых канализаций и сетей уличного освещения. Фирма была ориентирована ими на проектирование благоустройства по предпочтениям жителей.

А пожелания жителей оказались достаточно неуемными, так как их не устраивала дворовая инфраструктура собственных домов. И они захотели, чтобы за счет берегов были решены вопросы создания дворовой инфраструктуры для них. В итоге в проекте нашли отражение сохранение крупной стихийной автостоянки, огромных по сравнению с размерами самого озера детской, спортивной и рекреационной площадок.

Эскизный проект фирмы не был представлен ни на одном заседании для его утверждения. А ведь первоначально на стадии эскизного проекта всегда должны быть обсуждены различные варианты и только потом принимается готовое решение с переходом в рабочий проект.

Все чертежи фирмы имели стадию «проектную», для скорейшего перехода в рабочий проект для создания уже на готовом решении эскиза, либо с желанием обойтись без него в принципе. Необходимый при создании градостроительных, планировочных проектов чертеж «генплан» отсутствовал полностью.

Представленный на совещание в Исполкоме г. Казани ООО «Ренессанс Про» проект трудно было назвать градостроительным, т. к. при его разработке не учитывались принципы градостроительного проектирования. А именно, не были представлены схемы функционального зонирования, дорожно-тропиночной сети, разбивочный и посадочные планы, дендроплан. Работа не соответствует принципам ландшафтного проектирования. Отмечался низкий профессиональный уровень разработки и нарушения в композиционном, планировочном и визуальном восприятиях предлагаемого решения.

К сожалению, представленные аргументы специалистов в области градостроительства и ландшафта о том, что проект не соответствует градостроительным и экологическим требованиям, что он ориентирован на предпочтения жителей, что он окажет негативное воздействие, не были приняты во внимание.

Минприроды РТ пригласило на совещание сотрудников КГЭУ и Института экологии и недропользования АН РТ в качестве экспертов, которые заяви-

ли о том, что озеро не имеет природной ценности и поддержали проект с предпочтениями жителей. Муниципальные органы на основании их мнения и в целях поддержки «народного проекта жителей» стали торопится осуществить проект к празднику «День города». Не учтено было даже отрицательное мнение главного архитектора г. Казани, поддержавшей проект КФУ/КГАСУ.

Отдельно проработанные в проекте зоны противоречили как основам композиции, так и проектированию в градостроительном аспекте. Примечательным стало сохранение крупной автостоянки (в противоречие нормативам) для нужд жителей (вспомним, как они выступали против паркинга) и создание гигантских забетонированных территорий по берегам из неэкологичных материалов, не имеющие ничего общего с понятием «рекреационные зоны». Проект не отвечал экологическим требованиям и понятию «экопарка».

Так как проект лоббировался инициативной группой «Зеленый рекорд по Вахитовски» при поддержке Минприроды РТ и активном пиаре в социальных сетях в качестве якобы «народного проекта», то он в итоге и был принят. Архитекторы КГАСУ и экологи КФУ, не согласившиеся с такой ситуацией, пытались помочь исправить проект ООО «Ренессанс Про», создав второй проект.

Второй проект КФУ/КГАСУ отличался более проработанной экологической составляющей. Было решено убрать кольцевую дорожку, уменьшить количество площадок, выходивших на водно-болотные угодья и озерную гладь, было уменьшено количество цветников и клумб. Все рекреационные зоны были вынесены на место стихийно организованной стоянки, которая была уменьшена в размерах.

Оба проекта, выполненные совместно КГАСУ и КФУ, имели высокий профессиональный уровень как подачи, так и смысловой нагрузки. Проект был выполнен согласно требованиям проектирования ландшафтных объектов общегородского назначения, с учетом всех особенностей: демографических, социальных, функциональных и экологических.

Доводы и веские аргументы второго варианта не оказали должного влияния на изменения. На втором заседании в Исполкоме, при утверждении проекта

ООО «Ренессанс Про», удалось обратить внимание на следующее: 1) на огромные габариты бетонных площадок по берегам, в 350–400 кв.м; 2) на ненужные ливневые системы с превышающим все нормы количеством люков; 3) на сеть освещения, опоясывающую озеро со всех сторон и запроектированную в тех местах, где гнездятся птицы и обитают «краснокнижные» виды, которым ночная подсветка только вредит.

Проект был утвержден, как неоднократно указывалось в соцсетях инициативной группой, после внесения многократных изменений со стороны Минприроды РТ (это доказывает, что эскизного проекта с вариантами по факту не было).

При реализации проекта летом 2014 г. сотрудниками кафедры природообустройства и водопользования КФУ были обнаружены грубейшие нарушения в части водоохранного и экологического законодательства, так как места обитания редких видов подлежат сохранению и охране, а не уничтожению. Там, где работать надо было вручную или с малогабаритной техникой, применялась крупная техника, с заездами на берега водно-болотного комплекса, что приводило к нарушению почвенного покрова. В дневное и ночное время работали экскаваторы, выгребающие мусор, а также автомашины «Камаз», вывозящие этот мусор и привозящие материал. Вокруг водно-болотного комплекса были созданы широкие 2–3-метровые дорожки с бетонным основанием для велосипедистов, окольцовывающие все территорию и делящие ее пополам. Создавались гигантские спортивная и детская площадки, площадью в 360–400 кв. м. каждая, из бетонного основания (и это при том, что площадь всего озера с береговой зоной составляет всего 4 га).

На вопросы инициативной группе, почему идет такое грубое и жесткое вмешательство в природную среду, руководство общественного фонда отсыпало к разрешению Минприроды РТ. На этом этапе инициативная группа проявила себя как абсолютно безграмотная в экологическом отношении.

Лишь своевременное вмешательство кафедры природообустройства и водопользования КФУ с обращением к мэру г. Казани позволило остановить дальнейшее бетонирование и уничтожение мест обитания редких видов. Были

даны рекомендации по снижению воздействия при реализации, которые Комитет благоустройства обязал внести в качестве изменений в проект.

Удалось частично сократить количество пешеходных дорожек, заменить некоторые на дорожки с естественным каменным покрытием, остановить дальнейшее бетонирование, заменить бетонное основание спортивной площадки на естественное, не допустить площадку с бетонным основанием между водной гладью озера и водно-болотным комплексом.

Реализация проекта имела негативные последствия. В результате организации «бетонных тисков» вокруг территории (дорожки и площадки) значительно сократилась площадь водосбора; уничтожен миграционный путь от озерной водной глади до ветландов, путем перерезания пополам водно-болотного комплекса бетонной центральной пешеходной дорогой; создан постоянный раздражающий фактор для фауны в виде освещения; уменьшилось количество древесной растительности за счет ее прореживания/рубок; организовано резиновое покрытие бетонных площадок, вызывающего сбой температурного режима. А сколько сохранилось «краснокнижных» видов, и сохранилось ли, еще предстоит исследовать.

Признать данную территорию экопарком стало фактически невозможным, т.к. не соблюдены требования, по которым создаются экопарки. Теперь эта территория называется просто природным сквером «Озеро Харовое».

Согласно водному и градостроительному кодексам, прибрежные территории водных объектов, независимо от их размеров, являются территориями общего пользования и на них распространяются действия градостроительных регламентов, согласно которым данные территории должны максимально сохранить природные качества. Потому эта территория не может принадлежать и быть использована жителями одного дома, или одной жилой группы. Этот объект должен служить микрорайону и всему району. И не может использоваться для личных целей.

Экопарк в городе все-таки был создан, параллельно с проектом «Озеро Харовое». Экопарк «Озеро Марьино» – первый экопарк в г. Казани, был орга-

низован на нарушенной территории при консультациях кафедры природообустройства и водопользования КФУ, с участием сотрудников кафедры. Для его создания не было организовано благотворительного фонда. Заказчиком выступил частный инвестор, исполнителем – ООО «Гидроэкология-М». И выделенные денежные средства соответствуют лишь 1/5 части от суммы проекта, запланированного общественным фондом «Зеленый рекорд по-Вахитовски». Все работы были выполнены в щадящем режиме, многие вручную. Экологический парк «Озеро Марьино» полностью соответствует требованиям градостроительного и ландшафтного проектирования, экологии, отвечает концепции экопарка.

ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ АГРЕССИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ

Муратова Ю.Д., аспирант кафедры конфликтологии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

TECHNOLOGIES OF INFORMATION AGGRESSION IN REGIONAL POLITICAL CONFLICT

Muratova Iu.D., post-graduate student of the Department
of Conflict Resolution Studies,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема использования информационных технологий в политическом региональном конфликте, которые все чаще выступают не дополнительным средством влияния, а самостоятельной силой. Автором проанализированы современные и традиционные методы информационной агрессии. Показана зависимость политических взглядов и эмоционального отношения к политическим событиям от формы подачи информации. Рассмотрены преимущества технологий информационной агрессии перед силовыми методами борьбы. Автором предложено выделить три направления информационных технологий по силе воздействия.

Ключевые слова: информационные технологии, информационная война, политический конфликт, пропаганда, методы воздействия, политический миф, манипуляция сознанием.

Abstract. This article explores the problem of the use of information technologies in political regional conflict, which increasingly appear not additional means of

influence, and independent force. The author analyzed the current and traditional methods of information aggression. The author shows the dependence of political views and emotional attitudes towards the political events of the form of information delivery. The author has considered the benefits of information technology to the aggression by force combat. The author has proposed to allocate three areas of information technology in strength.

Key words: information technologies, information war, political conflict, propaganda methods of influence, political myth, manipulation of consciousness.

В современном мире информация перестает быть дополнительным инструментом влияния в политических конфликтах, становясь самостоятельной силой по причине быстрого и качественного развития средств и технологий информационной войны. Ранее информационная война характеризовалась как информационно-психологическое обеспечение любой военной операции, но в современных условиях информационное давление становится практически единственным инструментом манипулирования и провокации противника на определенные политические решения. Многие противоречия путем информационного влияния могут сниматься без вооруженного столкновения.

По сравнению с ведением вооруженных операций технологии информационной войны становятся все более результативными и эффективными. Результат достигается, возможно, не такими быстрыми темпами, но все изменения происходят на глубоком идеологическом и ментальном уровнях и способны надолго изменить политическую ориентацию противника. Данная тенденция делает явной потребность в информационной защищенности, но вместе с тем информационно-коммуникационные технологии большинством современных государств не воспринимаются как реальная угроза, следствием чего является отсутствие каких-либо разработок по методам противодействия.

Автор данной статьи опирается на труды Гарольда Дуайта Лассуэлла, как выдающегося американского политолога, первого системного аналитика и практика в сфере массовых коммуникаций в XX веке. Он активно использовал

методы социальной психологии в изучении политического поведения и пропаганды, выявляя роль массовых коммуникаций в ходе ведения информационной войны за власть, в том числе и политическую. Г. Лассуэлл сделал серьезные выводы о гигантских возможностях манипулирования людьми с помощью СМИ. В рамках его теории автор рассматривает пропаганду как ведущую технологию информационной войны.

Также труд И.Н. Панарина «Информационная война и власть» дает подробный анализ такого явления как пропаганда в рамках политического столкновения [7, с. 123].

Термин «информационно-психологическая война» впервые был отражен в словаре военных кругов США. Это понятие трактуется не столько как термин, обозначающий современную фазу развития конфликтных социально-политических отношений, сколько как один из главных векторов формирования внешней политики и конечная цель эволюции инструментов политического управления. В 1995 году публикуется классическая работа Мартина Либки при поддержке Национального института Обороны США, в которой автор выделяет 7 форм информационной войны. Среди них ключевыми являются: разведывательная, психологическая и электронная [14, с. 216; 15]. Технологии этих форм информационной войны позволяют собирать важную в военном отношении информацию, поражать средства электронных коммуникаций и проводить информационную обработку населения. Теоретики информационной войны выделяют в ней три цели: контроль над информационным пространством и его защита; ведение информационных атак и повышение эффективности вооруженных сил [5, с. 67].

Необходимо отметить, что опасность информационных атак заключается в том, что она долгое время может оставаться нераспознанной для объекта атаки, несмотря на свое перманентное действие. Информационные технологии способны трансформировать сознание людей, мотивируя их действовать против своих изначальных интересов [11, с. 215]. Преимущество информационных технологий перед силовыми методами борьбы заключается в том, что разруши-

тельное воздействие недоступно для простого повседневного наблюдения, что резко уменьшает возможности своевременного обнаружения негативных результатов их воздействия.

Военные аналитики полагают, что главной причиной поражения в информационной войне является низкий уровень владения технологиями информационной войны. С высокой долей вероятности победившие страны способны моделировать политический курс остальных стран, управляя ходом внешнеполитических процессов. Владение технологиями информационной войны это возможность не только управлять политическими процессами в региональных конфликтах, но и возможность противодействия и защиты собственного информационного пространства [12, с. 124].

Способы воздействия можно условно разделить на традиционные, прямые, и манипуляционные. Традиционные способы воздействия на сознание основаны на убеждении людей, обращении к их разуму с применением рациональных аргументов, логики. Манипуляционные методы основаны на манипуляции эмоциями, потребностями, образами и представлениями [8, с. 72].

Существуют ключевые методы ведения информационной войны в современном мире в условиях политического конфликта: скрытие существенной информации, существенно влияющей на принятие политического решения или ее маскировка в огромном потоке незначительной информации [9, с. 56].

Идеальным примером применения этих методов является ежегодное общение Президента с народом через средства массовой информации. Заранее формируется пакет несложных вопросов, на которые Президент дает пространные ответы в течение всего эфира, не оставляя времени для обсуждения наиболее значимых.

Нередко в политических статьях используют метод смещения понятий. Этот метод состоит в том, что общепризнанный термин используется не по назначению, и его смысл в общественном сознании смещается [13, с. 83]. Наиболее популярным остается метод отвлечения внимания, для осуществления которого информация выбирается таким образом, чтобы привлечь общест-

венное внимание к незначимым событиям, отвлекая от существенных проблем [8, с. 93–101]. На основе этих методов необходимо сделать вывод о том, что они построены не на сложных манипуляциях политическими образами, устойчивыми убеждениями и представлениями человека, а лишь создают необходимые условия для формирования его как аполитичного субъекта, занятого решением повседневных малозначимых вопросов. Также важно то, что человек, как объект применения данных методов, начинает искусственно воспринимать освещаемые в СМИ события как существенные факты. Эти методы направлены на подавление политических инициатив и требований населения для защиты стабильности проводящегося политического курса.

Известный отечественный специалист в сфере информационных технологий В.А. Лисичкин выделяет методы, которые с большой успешностью использовались в XX веке. Метод большой лжи – один из эффективных методов, успешно применяемых и обоснованных Гитлером, который писал: «Восприимчивость масс довольно ограничена, их понимание – незначительно, зато забывчивость чрезмерно велика. Только того, кто тысячекратно будет повторять ординарные понятия, масса пожелает запомнить. Если уж врать, так врать нагло: в большую ложь охотнее верят, чем в малую... Им и в голову не придет, что их так бессовестно обманывают. В случае любой неудачи следует незамедлительно искать врагов. Если их нет, надо придумать. Большая ложь дает выигрыш во времени, а потом о ней никто не вспомнит».

В основе другого метода, использованного еще в 30-ые годы XX века германской пропагандой, лежит ограниченность восприятия людей. Человек не способен перерабатывать огромный массив данных и избыточную информацию он воспринимает как шум. Поэтому простые формулировки, повторение, закрепление определенного набора положений играют важную роль в формировании необходимых представлений.

В настоящее время, по сравнению с тем, что было 50 лет назад, благодаря СМИ наиболее активным стал процесс создания политических мифов, ставшие центральным пунктом информационной агрессии. «Картина мира» из целост-

ной и взаимосогласованной становится фрагментарной, мозаичной, состоящей из набора мифов. Эти мифы создают в сознании человека ложную, искаженную картину мира [8, с. 103–107].

Рассмотрим особенности структуры, содержания и действия мифов на примере политического мифа о В.В. Путине. В обществе распространяется мысль о том, что Путин, как президент страны, вместо того, чтобы создать сильное государство, то есть действующие законы, распространяющиеся на всех, создал сильный государственный аппарат, довлеющий над всеми законами и правилами. Сегодня в России вчетверо больше чиновников, имеющих отношения к финансам, и вдвое больше таможенников, чем в США. При Ельцине в регионах существовали сильные центробежные тенденции, но Путин не стал создавать обязательные для исполнения правила взаимодействия центра и периферии, а взял регионы под контроль. Так, например, Путин отменил губернаторские выборы, а введя их снова с этого года, оставил Кремлю колоссальные возможности вмешательства. Кроме того, при Путине регионы стали отдавать в центр больше средств, и через центр стало проходить решение даже таких второстепенных вопросов, как использование в регионах кириллицы или латиницы. Это усиливает нелюбовь регионов к Москве и в долгосрочной перспективе создает угрозу для целостности государства.

Думается, что этот миф противопоставляется патриотическим настроениям в России, выражающиеся в принятии власти, уважении к проводящейся политике для того, чтобы глава государства, которого воспринимают как национального лидера, профессионального дипломата, сильного противника, превосходного стратега в русском обществе стали рассматривать как авторитарное лицо, подрывающее основы демократии и конституционные свободы. В миф добавляются факты из советского прошлого, которые также могут быть воплощены в России в ближайшем будущем, если не остановить правление действующего президента. Путину приписывают великодержавные и большевистские методы удержания власти. Под воздействием таких политических мифов общество получает негативный настрой по отношению к легальной власти.

В качестве оружия информационной войны нередко выступает история. Один из приемов информационной войны – подмена проблем современности историческим прошлым. В 80-е годы XX века идеологи КПСС широко использовали этот метод, критикуя политику И. Сталина в 1920–30-е гг. Из прошлого выбирались только те факты, которые были выгодны. Игнорировались атомные бомбы США, уничтожившие около полумиллиона японцев, не упоминался факт гибели 1,5 млн. вьетнамцев в результате агрессии США или тотальное истребление коренных жителей США – индейцев, рабство и другие исторические факты.

Второй прием – проецирование современных проблем в прошлое. Исходя из интересов сегодняшнего дня, выискиваются исторические аргументы, подтверждающие предлагаемую точку зрения. Это становится основой для сталкивания народов между собой. Армяно-азербайджанский конфликт – результат именно такого приема информационной войны. В истории обе стороны смогли найти массу исторических данных, которые можно было трактовать как доказательство принадлежности Карабаха той или другой стороне.

Третий прием – это ликвидация всех героев и выдающихся людей, составлявших гордость русского народа.

Эти методы, в отличие от первой группы, отличаются глубиной воздействия. Они производят психологический эффект, который формирует восприятие событий и отношение к ним. На основе мифов, которые воспринимаются как реальность, общество получает ложное представление, а значит, теряет способность критически мыслить. Мифы нередко включают в себя второй и третий метод одновременно. Миф о Путине нередко добавляется комментариями о том, что глава государства ностальгирует по советскому времени и пытается подражать И. Сталину. После чего приводятся огромное количество фактов, которые показывают И. Сталина как тирана, что автоматически подрывает его политический авторитет. Устрашающие факты выбираются из общего контекста с целью создать иллюзию схожести политических деятелей в их несправедливой политике. Одновременно, развенчивается образ выдающегося человека XX в., заслуги которого составляют гордость для русского народа. Так, приме-

нение всех трех методов одновременно способно подорвать веру в справедливость своей власти, национальную гордость и уважение к истории. Три столпа, необходимые для гармоничного диалога между властью и народом.

Технологии информационной войны делают из критически мыслящего человека, со своими понятиями и представлениями о мире «массового» человека. «Массовому» человеку свойственны импульсивность, переменчивость, способность лишь к относительно краткосрочным программам действия. Таким человеком легче управлять, так как он предпочитает иллюзии действительности.

И.Н. Панарин, российский политолог, подтверждает, что основой ведения информационной войны является пропаганда, и разделяет ее на отдельные виды, среди которых ключевую роль, по его мнению, играют разделительная и деморализующая. Разделительная пропаганда направлена на разжигание межгрупповых противоречий, а деморализующая пропаганда способна снизить морально-боевые качества солдат вплоть до отказа от участия в боевых действиях.

Он считает, что наиболее действенные технологии и методы это те, которые осуществляются одновременно с практическими действиями. Например, во время боевых действий среди солдат распространяются листовки, которые могут упоминать о смерти и голоде. Распространенным методом в военной практике стало «проигранное дело», цель которого внушить противнику, что его положение безвыходно. Еще одним действенным методом является демонстрация противнику превосходства в силе. Сильным психологическим эффектом обладают «семейные мотивы», метод, который направлен на манипуляцию чувствами по отношению к семье, оставшихся без отца и кормильца.

Эти методы отличаются тем, что результат их действия можно наблюдать по обстановке на фронтах. Чаще всего, результатом оказывается массовое дезертирство [5, с. 111–116].

Теоретик информационных войн Г. Почепцов добавляет, что пропаганда нередко как инструмент использует эмоциональное влияние, поскольку такие сообщения легче усваиваются и дольше хранятся в памяти. Также используется техника искусственного преувеличения политических фактов.

Необходимо отметить, что эмоциональные импульсы способны подавлять рациональное мышление, в результате чего объект информационной атаки не способен сделать объективные выводы. Воздействие на эмоции остается самым эффективным методом воздействия из уже известных.

Г.Г. Почепцов также выделяет среди эффективных и быстро достигающих своего эффекта методов – слухи. Слухи психологически направлены на снятие напряжения или формирования выгодных для распространителя убеждений [6, с. 57]. Живучесть слухов определяется тем, что они являются легкодоступным каналом удовлетворения информационных потребностей [10, с. 90–91].

Перейдем теперь к анализу, наиболее действенными методами воздействия оказываются те, которые не требуют больших умственных затрат, аналитических способностей, знания фактов истории, использования терминологии. Человек, пребывая в повседневной жизни, практически не имеет возможности для обдумывания происходящих политических событий, его представления поверхностны и неполны, поэтому чаще всего, человек начинает ориентироваться на собственные ощущения. С эмоциональным состоянием населения работает большинство политтехнологов в сфере информации. Информация имеет цель вызвать те или иные чувства у тех, кому она поступает. Эмоции запоминаются лучше, чем факты и способны надолго задать курс политическим взглядам. Далее человек, воспринимая свои эмоции за интуицию, начинает действовать согласно им, отбрасывая дальнейшую информацию из других источников, если она им не соответствует.

Л. Вайтасик добавляет, что в информации важна дозировка негатива и позитива, чтобы она казалась правдоподобнее. Для усиления эффекта нередко используют контрастные сравнения [7, с. 83].

Э. Ноэль-Нойман говорит о важности формирования в обществе ощущения у каждого человека своей принадлежности к толпе, так как это резко повышает его коммуникативную активность. Одновременно с активацией страха предлагается «свет в конце туннеля». При этом обязательным элементом становится создание ощущения срочности: «мы погибнем, если не...» Посыпаемое

сообщение может иметь две цели. Например: «Наше правительство коррумпировано». Откуда следует подразумеваемое, но не называемое сообщение: «Долой наше правительство».

Во-первых, вывод аудитория делает сама, и он более соответствует ее ожиданиям.

Во-вторых, ненавязанный вывод воспринимается аудиторией как объективный.

В-третьих, люди плохо относятся к чисто теоретическим выкладкам, их интересуют прямые практические последствия из них.

Используемые лозунги акцентируют типичную проблему конфликтологии – дефицит. Это может быть дефицит ресурсов, дефицит легитимности, дефицит доверия. Поскольку, как правило, обвинения выдвигаются в отсутствие обвиняемого (обвиняемых), осуществляется переход на разрешение конфликта силой. При создании образа «врага», виноватого во всех проблемах, мир начинает очень быстро делиться на «мы» и «они» [2, с. 72–75].

А. Шатилов в своей статье «Диванные войска» говорит о новом приеме – распространение выгодной информации в виртуальном пространстве. Здесь стоит сказать о практически ориентированном характере активности бойцов виртуального фронта. Это не просто рефлексия по поводу происходящих событий, но целенаправленная деятельность, ставящая во главу угла результат. При этом под результатом понимается следующее:

- переход нейтральной части социальной сети на «правильные» позиции;
- максимально широкое распространение позитивной информации относительно действий «своей» стороны;
- опровержение «вражеских» сообщений, их эмоциональная или рационально-интеллектуальная дезавуация;
- выявление интернет-активистов противника с последующим их разоблачением или даже организацией атак на их аккаунты;
- борьба с интернет-троллями противника;

– формирование положительного (и даже апологетического) морально-нравственного облика «соратников» по борьбе и, соответственно, исключительно негативного образа «чужих» и др.

Одним из действующих приемов воздействия стало использование «объективных» цифр и документальных данных. Так, один из аналитиков CNN заявил о будто бы имевшем место факте использования 700 албанских детей для создания банка крови, предназначенного для сербских солдат. Такая дезинформация, естественно, произвела сильное впечатление на общественное мнение Запада [1, с. 3-5].

Мы видим пример применения эмоционального давления, попытки вызвать чувства презрения и ненависти к причастным к этим событиям, при этом в качестве жертв подобных действий берут зачастую детей, немощных или обездоленных. Эти категории людей вызывают большее сопереживание, а, значит, нанесение ущерба им воспринимается как наиболее жестокое.

С.П. Расторгуев предлагает альтернативный вариант технологиям по созданию эмоций – это технологии для «целенаправленного широкомасштабного оперирования смыслами; создание, уничтожение, модификация, навязывание и блокирование носителей смыслов информационными методами для достижения поставленных целей». Речь идет, по сути, о работе по созданию той или иной модели мира [3, с. 58].

Исследователи пришли к выводу, что человек лучше усваивает ту информацию, которая похожа на уже существующие у него представления [4, с. 62].

Эта характерная особенность человеческого восприятия позволяет проводить любые манипуляции и пропагандистские компании на «эффекте резонанса», когда поступающая информация, направленная на изменение поведения общности, представляется как уже проверенные знания и стереотипы, существующие в конкретной социальной общности.

Целью манипуляции является асинхронизация представлений группы-адресата с помощью «эффекта резонанса» и перевод ее на другие модели поведения, ориентированные на совершенно иную систему ценностей.

Работа со смыслами, представлениями и эмоциями в политическом конфликте невозможна без создания образа политической элиты, так как цель в политическом столкновении всегда направлена против властных структур.

Эффективным и часто применяемым методом является дискредитация политической власти через создание политического имиджа, а конкретнее «фальшивимиджа», характеристики которого не соответствуют реальным и имеют целью снизить достоинства политического кандидата или должностного лица.

Дискредитация государственной власти перед региональной элитой или народом дополняется технологиями, направленными на создание атмосферы безнравственности, что автоматически создает благоприятную почву для создания конфликтной ситуации, манипулирования политической ориентацией социальных групп, дестабилизации политический отношений и обострения политической борьбы.

На взгляд автора данной статьи, технологии информационной войны мы можем разделить на две группы: информационно-пропагандистские и организационно-практические, в рамках которых первые становятся фундаментом для реализации вторых. На практике эти методы позволяют проводить кампании гражданского неповиновения, митинги, демонстрации, протесты, применять политические и экономические санкции с одобрения мирового сообщества, угрожать применением силы для вынуждения власти отказаться от выбранного политического курса.

Подводя итог, нужно сказать, что знание некоторых технологий позволяет вовремя обнаружить процесс манипуляции, определить их цель и продумать ответную реакцию противодействия. Информационно-психологическое влияние становится действительной угрозой еще и по той причине, что во многих странах технологии информационной войны узаконены и отражены в нормативных документах. Автором предложено выделить три направления информационных технологий по силе воздействия.

По мнению автора, наиболее эффективными технологиями становятся те, действие которых направлено на категорию людей, находящихся в тяжелом по-

ложении. Человек в кризисных условиях наиболее подвержен внешней манипуляции. Вторые по силе способны влиять на эмоциональное восприятие политических событий и корректировать политическое поведение в соответствии с ними. Они, как правило, ориентированы на «массового» человека, поддающегося мнению большинства и кратковременным внешним импульсам. Третье направление ориентировано на критически мыслящую категорию населения, способную анализировать события, но не всегда способных заметить манипуляцию смыслами с искажением логических конструкций или подменой понятий. В современном мире нередко используют комбинированные технологии, включающие разные виды направлений.

Литература

1. Войтасик Л. Психология политической пропаганды. – М., 1981. – 216 с.
2. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью. – М.: «Дельта-Пресс», 2008. – 113 с.
3. Каландаров К.Х. Управление общественным сознанием. Роль коммуникативных процессов. – М.: Гуманитарный центр «Монолит», 1998. – 183 с.
4. Клаузевиц К. О войне. – М.: Центрполиграф, 2009. – 224 с.
5. Лассуэлл Г.Д. Пропаганда и коммуникация в мировой истории. – М.; Л., 1929. – 212 с.
6. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. – М.: Институт социально-политических исследований АСН, 2003. – 448 с.
7. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М.: Прогресс-Академия, 1996. – 352 с.
8. Панарин И.Н. Информационная война и власть. – М.: Мир безопасности, 2000. – 560 с.
9. Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. – М.: СИНТЕГ, 2000. – 180 с.
10. Растворгувев С.П. Философия информационной войны. – М., 2000. – 496 с.

11. Шатилов А.Б. Диванные войска как новая форма пропагандистского сопровождения. – М., 2014.
12. Armistead L. Information operations matters. Best practices. – Washington, 2010. – 283 с.
13. Harold Dwight Lasswell. Propaganda, Communication and Public Order (with Smith B. L., Casey R. D.). – Princeton, 1946. – 216 p.
14. Libicki M.C. What is Information Warfare? – Washington: National Defense University Press, 1995.
15. Stein G.H. Information Warfare // Airpower Journal. – 1995, Spring. – 350 p.

ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА: РЕСУРСЫ И РИСКИ

Носаненко Г.Ю., к.полит.н., доцент,
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП),
г. Казань, Россия

THE URBAN ENVIRONMENT AS A FACTOR OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE THIRD SECTOR: RESOURCES AND RISKS

Nosanenko G.Yu., Candidate of political sciences, associate Professor,
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML),
Kazan, Russia

Аннотация. Статья представляет собой результат исследования «третьего сектора» Республики Татарстан, в частности городов Елабуга и Нижнекамск. Особое внимание уделяется характеристике городской среды, ее влиянию на развитие третьего сектора. Выявлено, что городская среда Елабуги не способствует развитию НКО, в то время как городская среда Нижнекамска способствует развитию третьего сектора. Однако третий сектор в обоих городах является малочисленным и неустойчивым.

Ключевые слова: третий сектор, некоммерческая организация, власть, межсекторное социальное партнерство, практики взаимодействия, патерналистская модель взаимодействия.

Abstract. The article is a result of a study of the «third sector» of the Republic of Tatarstan in particular the cities Yelabuga and Nizhnekamsk. Particular attention is paid to the characteristics of the urban environment and its influence on the development of the third sector. Revealed that the urban environment is not conducive to

the development of Yelabuga NGOs while urban environment contributes to the development of Nizhnekamsk third sector. However, the third sector in both cities is small and weak.

Key words: third sector, non-profit organization, power, cross-sector social partnership, the practice of interaction, paternalistic model of interaction.

Развитие регионов и городов является сегодня одним из главных вызовов для большинства стран: от образования до сферы уровня занятости, от здравоохранения до обеспечения высокого уровня жизни в целом. Адаптация политики в соответствии с существующими потребностями регионов является условием для улучшения благосостояния граждан [13]. Особая роль в решении актуальных социальных проблем отводится некоммерческим организациям. Мировая практика подтверждает, что в социальной сфере деятельность НКО оказывается эффективнее предпринимательских или государственных структур. Поэтому на сегодняшний день в развитых европейских странах создана эффективная система взаимодействия властных структур и некоммерческих организаций [6, с. 8–9]. В России, на уровне субъектов и муниципалитетов также идут процессы выстраивания межсекторного взаимодействия [8], однако слабость «неприбыльного сектора» пока не позволяет властным структурам рассматривать его в качестве партнера [4, с. 107].

В данной статье, подготовленной на основе данных исследования Индекса устойчивости НКО, проведенного при поддержке Общественной Палаты Республики Татарстан, определяется влияние городской среды на становление и развитие третьего сектора двух моногородов республики: Елабуги и Нижнекамска. Сбор информации осуществлялся методами экспертных оценок и личного опроса руководителей НКО и проходил в течение 2013 г.

По данным министерства юстиции РФ в Республике Татарстан на момент исследования было зарегистрировано 5453 некоммерческих организаций [2], большинство из которых (почти 80 %) являлись социально ориентированными. Именно этот субсектор и подлежал обследованию, результаты которого показа-

ли, что из всей совокупности представленных организаций реально существуют только около половины из них, а де facto работает еще меньше. При этом точно определить количество СО НКО и оценить их роль и вклад в жизнь того или иного города (из-за недостаточности информации) оказалось настолько сложно, что сектор впору было назвать «невидимым».

Данные статистики указывают, что Республика Татарстан занимает первое место в Приволжском федеральном округе по количеству НКО, при этом наиболее явной характеристикой неприбыльного сектора республики является его малочисленность. Так, в Альметьевске на тысячу человек насчитывается 0,6 НКО, в Елабуге – 0,4, в Казани – 1,7, в Нижнекамске – 0,7, в Набережных Челнах – 0,8 (для сравнения отметим, что в Санкт-Петербурге эта цифра составляет 23 НКО, а в Швеции и Финляндии около 200) [7]. 22 % от общего числа СО НКО РТ представляют религиозные организации [12].

Исследование показало, что Индекс устойчивости третьего сектора в Елабуге оценивается в 5,4 балла, в Нижнекамске – 5,3 балла (шкала оценки состояла из 7 баллов, где 1 означал самый высокий, 7 – самый низкий уровень устойчивости) [3, с. 12], что соответствуют ранне-переходной стадии развития и характеризует третий сектор обоих городов как зарождающийся и, соответственно, подверженный рискам.

Слабая устойчивость неприбыльного сектора отразилась и на его восприятии со стороны общества и государства, которые пока не воспринимают НКО в качестве стабильного поставщика услуг. Так, в республиканской целевой программе «О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Татарстан на 2011–2013 годы» было отмечено, что пока некоммерческий сектор республики не играет существенной роли в реализации стратегии социально-экономического развития и не является общественным ресурсом процесса модернизации экономики и социальной сферы [5].

Среди семи показателей, на основе которых определялся Индекс устойчивости (финансовая жизнеспособность, правовое поле, организационные возможности, защита общественных интересов, оказание услуг, инфраструктура,

репутация в обществе) самыми слабыми оказались показатели финансовой жизнеспособности и инфраструктуры. В Елабуге «финансовая жизнеспособность» городских НКО была оценена в 6,1 балла (2012 г.) и 5,2 балла (2013 г.); в Нижнекамске – 6,2 балла (2012 г.) и 5,8 баллов (2013 г.). Показатели «инфраструктуры» составили: в Елабуге 6,4 балла (2012 г.) и 6,3 балла (2013 г.); в Нижнекамске – 5,8 баллов (2012 г.) и 4,2 балла (2013 г.). Таким образом, мы видим положительную динамику, связанную на наш взгляд с тем, что крупный блок мер по поддержке СО НКО, принятых на федеральном уровне в 2009–2013 гг. и представляющий собой комплексный подход и серьезную инновацию в практике государственного управления в России [1, с. 2], начал приносить первые результаты. В то же время, Р. Холлоуэй отмечает, что существуют типы организаций (религиозные и досуговые), для которых финансовые ресурсы не являются определяющими [11, с. 1498].

А. Бен-Нер и Т. ван Хумиссен представляют организации третьего сектора как коалиции индивидов, объединяющихся для обеспечения себя и других товарами и услугами, которые в достаточной мере не производятся ни бизнесом, ни правительственными организациями [9]. Согласно исследованиям, соотношение объемов производства благ в рамках одной организации может определяться организационными характеристиками (размер имущества, расходы на привлечение пожертвований), социально-экономическими условиями, в которых она работает (среднедушевой доход населения, его плотность, уровень этнической или религиозной разнородности), а также сферой ее деятельности [10]. Одной из важных составляющих развития «добровольческого сектора» является городская среда, которая способна выступить как «тормозом», так и «локомотивом» сектора. Здесь, важное значение играет городская инфраструктура, способная (либо неспособная) создавать условия для повышения устойчивости НКО путем предоставления возможностей по получению квалифицированной юридической, финансово-экономической и других видов помощи для СО НКО. Результаты исследования показывают, что пока в этой области имеются многочисленные пробелы. Так, в Елабуге возможность некоммерческого

сектора получить юридические консультации в городе 72 % руководителей оценили положительно (43 % – хорошо, 29 % – удовлетворительно); 14 % – плохо; 14 % – заявили, что она отсутствует.

В то же время, возможности получить в городе базовую подготовку по управлению некоммерческой организацией были оценены значительно хуже: положительно ее оценили 43 % руководителей, из которых 14 % поставили оценку хорошо; 29 % – удовлетворительно; 57 % руководителей оценили ее неудовлетворительно (29 % – плохо; 28 % – отсутствует).

Почти также были оценены возможности НКО повысить в Елабуге квалификацию сотрудников в области стратегического и финансового менеджмента, бухгалтерского учета, франдрайзинга, работы с добровольцами и т. п.: 14 % оценили их как хорошие; 29 % – как удовлетворительные; 14 % – как плохие; 43 % заявили, что они отсутствуют.

На вопрос «Как бы Вы оценили возможности своей организации получать в Елабуге обучающие материалы по ведению вашей организацией некоммерческой деятельности» были получены следующие ответы: «хорошие» – 14 %, «удовлетворительные» – 29 %, «плохие» – 14 %, «отсутствуют» – 43 %.

Похожим образом были оценены возможности елабужских организаций получить в городе гранты от местных или региональных органов власти: хорошую оценку дали 14 % руководителей; удовлетворительную – 14 %, плохую – 29 %. Посчитали, что такая возможность отсутствует 43 % руководителей.

Большинство елабужских руководителей НКО – 33 % посчитали, что никакие организации города не предоставляют возможности для повышения квалификации сотрудников НКО. 17 % отметили, что это могут сделать ресурсные центры НКО, еще 17 % – российские коммерческие организации, 33 % руководителей затруднились ответить. В то же время, обучающие семинары, проводимые Общественной Палатой РТ для представителей НКО, не были восприняты руководителями елабужских НКО, возможно потому, что проходили они в рабочее время или в соседних, более крупных городах, а информация о них не всегда доходит до адресата вовремя.

В качестве основных конкурентов елабужские НКО отметили государственные и муниципальные некоммерческие организации – 17 %; органы местного самоуправления – 17 %. Большинство организаций – 50 % заявили об отсутствии конкурентов, 17 % – затруднились ответить. На вопрос «В какой мере конкуренция осложняет деятельность Вашей организации» ответы распределились следующим образом: сильно осложняют – 14 %, осложняют, но не сильно – 14 %, совершенно не осложняют – 57 %, затрудняюсь ответить – 14 %.

В Нижнекамске возможность некоммерческого сектора получить юридические консультации так же была оценена положительно: из 76 % ровно половины – 38 % оценили ее как хорошую и еще 38 % – как удовлетворительную; 6 % – как плохую; 18 % – затруднились ответить.

Возможности получить в городе базовую подготовку по управлению некоммерческой организацией были оценены следующим образом: 19 % руководителей поставили оценку хорошо; 31 % – удовлетворительно (всего 50 %); 19 % – плохо; 31 % – затруднились ответить.

Похожим образом были оценены возможности НКО повысить в городе квалификацию сотрудников в области стратегического и финансового менеджмента, бухгалтерского учета, франчайзинга, работы с добровольцами и т. п.: 13 % оценили их как хорошие; 38 % – как удовлетворительные (итого 51 %); 17 % – как плохие; 22 % заявили, что они отсутствуют; 10 % – затруднились ответить.

На вопрос «Как бы Вы оценили возможности своей организации получать в Нижнекамске обучающие материалы по ведению вашей организацией некоммерческой деятельности» были получены следующие ответы: хорошие – 13 %, удовлетворительные – 44 %, плохие – 0 %, отсутствуют – 6 %, затрудняюсь ответить – 37 %.

Возможности организации получить в Нижнекамске гранты от местных или региональных органов власти были оценены достаточно высоко: хорошую оценку дали 25 % руководителей; удовлетворительную – 58 %, плохую – 8 %. Посчитали, что такая возможность отсутствует 9 % руководителей. При этом,

многие опрошенные отмечали положительную роль главы муниципалитета в поддержке некоммерческого сектора.

Большинство руководителей НКО считает, что возможности для повышения квалификации сотрудников НКО имеются только у органов власти – 51 %. Потенциал ресурсных центров НКО отметили 12 % руководителей; 7 % высказались за то, что такую возможность могут предоставить учебные заведения, другие государственные и муниципальные учреждения; российские коммерческие организации выделили 6 % респондентов, еще 6 % отметили российские некоммерческие организации, не являющихся ресурсным центром НКО; затруднились ответить 18 % руководителей.

На вопрос о том, кто являются конкурентами организации, ответы распределились следующим образом: конкурентов нет – 75 %, затрудняюсь ответить – 25 %. На вопрос «В какой мере конкуренция осложняет деятельность Вашей организации» были даны следующие ответы: сильно осложняют – 0 %, осложняют, но не сильно – 6 %, совершенно не осложняют – 75 %, затрудняюсь ответить – 19 %.

Таким образом, в Елабуге самой доступной возможностью для НКО оказалась возможность получать юридические консультации (72 % оценили положительно, 14 % – отсутствуют). Самыми недоступными стали следующие возможности: возможность получать местные гранты (28 % оценили положительно – хорошо и удовлетворительно, 43 % – отсутствуют), возможность получать обучающие материалы по ведению некоммерческой деятельности (43 % – положительно, 43 % – отсутствуют), возможность «повысить квалификацию сотрудников в области стратегического и финансового менеджмента» (43 % – положительно, 43 % – отсутствуют) и возможность получить базовую подготовку по управлению некоммерческой организацией (43 % – положительно, 28 % – отсутствует). Кроме того, значительная часть руководителей отмечает отсутствие возможностей для повышения квалификации сотрудников НКО, каждый третий руководитель (33 %) считает, что никакие организации в городе не могут предоставлять такие услуги. Фактически городская среда Елабуги выступа-

ет сдерживающим фактором для развития СО НКО, для ее улучшения требуется консолидация всех организаций третьего сектора как между собой, так и с властными и коммерческими структурами.

В Нижнекамске, самыми доступными для НКО оказались две возможности – получать местные гранты (83 % оценили положительно, 9 % – отсутствуют) и юридические консультации (72 % оценили положительно, 0 % – отсутствуют). Несколько хуже была оценена возможность получить базовую подготовку по управлению некоммерческой организацией (50 % – положительно, 0 % – отсутствует). Самыми недоступными оказались возможности повысить квалификацию сотрудников в области стратегического и финансового менеджмента (50 % – положительно, 22 % – отсутствуют) и возможность организации получать обучающие материалы по ведению некоммерческой деятельности (57 % – положительно, 6 % – отсутствуют). Более половины (51 %) опрошенных отместили, что предоставить все эти услуги в городе способны только органы власти. Таким образом, городская среда Нижнекамска может рассматриваться как способствующая развитию СО НКО.

Однако на данный момент, мы наблюдаем несоответствие потенциала и параметров результативности некоммерческого сектора потребностям городского развития. Сегодня некоммерческие организации обоих городов являются институциональным оформлением гражданских инициатив, в то время как за рубежом значительная их доля работает как «некоммерческие фирмы», реализующие товары и услуги, или действуют как государственные подрядчики. Для выхода на такой уровень, татарстанским СО НКО необходимо совместно с властью разрабатывать и принимать долговременные городские стратегии, основанные на принципе приоритета интересов города и городского сообщества над интересами сектора СО НКО. Нужна развитая инфраструктура, отлаженные механизмы поддержки третьего сектора, привлечение его (в качестве партнера) к процессу принятия решений. Общие правила взаимодействия должны строиться на принципах открытости, подотчетности, сотрудничества, конкуренции идей и результатов, самоуправления.

Литература

1. Беневоленский В.Б., Шмулевич Е.О. Государственная поддержка социально ориентированных НКО в свете зарубежного опыта // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № 3. – С. 2.
2. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях по состоянию на 09.09.2012. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 10.10.2014).
3. Мерсиянова И.В. Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности // И.В. Мерсиянова, Л.И. Якобсон; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 170 с.
4. Носаненко Г.Ю. Некоммерческий сектор Республики Татарстан: взаимодействие с властью (по материалам эмпирического исследования города Елабуга) // Власть. – 2014. – № 5. – С. 104–107.
5. Республиканская целевая программа «О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Татарстан» на 2011–2013 годы (13.01.2012). URL: oprt.tatarstan.ru/rus/programmasonko.html (дата обращения: 14.10.2014).
6. Терновая О. "Третий сектор" в России: тенденции развития // ЭЖ-Юрист. – 2010. – № 38. – С. 8–9.
7. Шекова Е.Л. Некоммерческий сектор Северо-Западного региона. URL: <http://dis.ru/library/616/26361/> (дата обращения: 18.10.2014).
8. Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 384 с.
9. Ben-Ner A., Hoomissen T. van. Nonprofits in the Mixed Economy: a Demand and Supply Analysis // Annals of Public and Cooperative Economics. – 1991. – Vol. 62, Issue 4.
10. Chang C.F., Tuckman H.P. The Goods Produced by Non-profit Organizations // Public Finance Quarterly. – 1996. – Vol. 24, № 1.

11. Holloway R. Sustainability // International Encyclopedia of Civil Society / H. Anheier, S. Toepler (Eds). – Springer, 2010. – P. 1498.
12. Nashinews.ru/tatarstan-stal-centrom-prityazheniya-dlya-zachinshhikov-oranzhevoj-revoljucii-i-arabskoj-vesny-biznes-online-tatarstan.html.
13. Regions and Cities: Where Policies and People Meet. URL: www.oecd-ilibrary.org/urban-rural-and-regional-development/oecd-regional-outlook-2014_9789264201415-en (дата обращения: 20.10.2014).

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ
ПРОЦЕССАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
МЕДИЙНЫЕ ЭФФЕКТЫ И ПРАКТИКИ**

Сирюкова Я.А., аспирант кафедры конфликтологии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

**PUBLIC ADMINISTRATION OF ETHNO-POLITICAL PROCESSES
IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE EFFECTS OF MEDIA
AND PRACTICES**

Siryukova Ya.A., post-graduate student of the Department
of Conflict Resolution Studies,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Аннотация. В данной статье автором была предпринята попытка осветить значение государственных органов власти как одного из основных субъектов управления этнополитическими процессами, а также стратегии взаимодействия между ними и средствами массовой информации.

Ключевые слова: государственное управление, этнополитические процессы, СМИ.

Abstract. In this article, the author has attempted to highlight the importance of public authorities as one of the main subjects of ethno-political management processes and strategies of interaction between them and the media.

Key words: public administration, ethno-political processes, media.

На повестке дня сегодня актуальным является вопрос о выборе стратегий государства в области управления этнополитическими процессами для поддержания этнополитической стабильности и сохранения межнационального мира. Важным здесь является выстраивание конструктивного взаимодействия между государством и средствами массовой информации по вопросам отражения и освещения этнополитических процессов и институтов.

Последующее рассмотрение вопросов, связанных с этнополитическими процессами и национальной политикой в Российской Федерации, невозможно без анализа таковых базовых категорий как «этничность», «этнополитический конфликт», «государственное управление».

Изучение этничности и этнических конфликтов в политических науках опирается на три исследовательских парадигмы: примордиализм, инструментализм, конструктивизм [2, с. 59].

Базисным положением примордиализма выступает рассмотрение этничности, как реально существующего феномена, и этнических характеристик как врожденных и воспроизводящихся посредством межпоколенной передачи. Сторонники данного подхода говорят об уникальном характере этнической идентичности, и, основываясь на этом, приходят к выводу, что в этничности заложена конфликтогенность. Конфликт объясняется как естественное следствие этнических различий, и поэтому он не нуждается в специальном объяснении. Положения примордиализма отражены в работах Л. Гумилева, С. Широкогорова, Ю. Бромлея, В. Козлова, Ю. Семенова [17, с. 230].

Исследователи – инструменталисты делают акцент именно на рациональных аспектах и функциях, которые выполняет этничность в обществе. Этничность есть инструмент, с помощью которого группа людей, политическая элита может добиться реализации собственного интереса, целей и потребностей. Одной из задач этнической идентичности выступает маскировка материальных, экономических и властных интересов группы. Политические лидеры легко манипулируют этничностью с целью мобилизации населения. Согласно данной парадигме, этнические конфликты рассматриваются как одна из форм прояв-

ления конфликтного взаимодействия соперничающих групп. Собственно этничность не является причиной конфликта. Разработчики данной парадигмы – Д. Хоровиц, Э. Смит, А. Коэн, К. Янг [4].

Согласно третьему подходу, этничность “конструируется” людьми в ходе их творческой социальной деятельности – и постоянно подтверждается или перестраивается. Основные положения данного подхода были разработаны Б. Андерсоном, В. Домингезом, Т. Эриксоном, Д. Лейком и Д. Ротшильдом, среди российских исследователей можно выделить В.А. Тишкова [2, с. 67]. Последователи конструктивистской парадигмы сходны во взглядах с инструменталистами в том, что сама этничность не вызывает конфликта.

Уточним, что этнический фактор также обладает способностью в наивысшей степени консолидировать отдельные элементы общества, что приводит к остроте этнополитических процессов, повышенной ожесточенности конфликтов, возникающих на этнической почве.

Конфликты, где одна из сторон или все стороны организуются по этническому признаку можно назвать этническим. Этнополитический конфликт – это этнический конфликт, который протекает в политической сфере или политический конфликт, в котором одна из сторон мобилизуется, действует по этническому признаку.

Согласно логике автора, отдельно стоит рассмотреть категорию «государственного управления», так как в данной статье органы государственного власти и управления, будут рассмотрены в качестве одного из основных субъектов управления этнополитическими процессами и конфликтами. Категория «государственное управление» не является достаточно устоявшейся, находится в дискуссионном поле и употребляется авторами в разных значениях.

В широком смысловом значении государственное управление рассматривается авторами как целостная сфера деятельности государственной власти, всех её ветвей, органов, должностных лиц, т. е. как реализация государственной власти во всех её формах и методах.

В узком значении термин «государственное управление» характеризует собственно управленческую деятельность исполнительной власти.

Вопросы этнополитического управления и национальной политики стали центральной темой научных работ Р.Г. Абдулатипова [10], В.Ю. Зорина [7], В.А. Михайлова [9].

Представляется удачной трактовка исследователя В.А. Харченко [18] политического управления внутригосударственными межэтническими отношениями и конфликтами в качестве комплекса практических технологий направленных на:

- формирование нормативно-правовой базы;
- создание соответствующих институциональных структур;
- мониторинг уровня конфликтности;
- целенаправленное разрушение дисбалансных этнических стереотипов и формирование установок на позитивное межэтническое общение, реализуемые при помощи программ стабилизации межэтнических отношений;
- специализированное этнологическое и конфликтологическое обучение субъектов управления конфликтами (представителей органов власти и силовых структур) и субъектов влияния на потенциальных участников конфликта (лидеров общественных объединений, этнических меньшинств, представителей СМИ, работников образования).

Перейдем к рассмотрению первого компонента.

Согласно схеме – типологии, предложенной В.А. Тишковым [16, с. 90], исследования, посвященные тематике нормативно-правового регулирования межэтнических и этноконфессиональных отношений, можно разделить на пять групп, однако в качестве центральной можно выделить следующее направление исследований:

Конституционно-правовое регулирование межнациональных отношений – нацелено на уточнение состава (конкретизацию нормативно-правовых актов), механизмов, пробелов и, соответственно, на выработку рекомендаций в сфере реализации общего правового регулирования межнациональных отношений.

Важными здесь представляются работы Т.А. Артикуленко [3, с. 28] и Ф.И. Валяровского [6]. Последний автор высказывает точку зрения о том, что субъекты РФ фактически лишены возможности каким-либо заметным образом оказывать влияние на межнациональные отношения, потому что все наиболее действенные правовые механизмы (нормотворческая деятельность и судебная власть) находятся в ведении федерального центра.

В контексте исследований данной группы мы можем заключить, что массив законодательства РФ, относящийся к этничности, достаточно велик: принятые Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, Стратегия противодействия экстремизму, Концепция государственной миграционной политики, 7 мая 2012 года был подписан Указ № 602 «Об обеспечении межнационального согласия», что с формальной точки зрения позволило завершить нормативное оформление реализации государственной национальной политики на федеральном уровне, а также дало импульс формированию структуры реализации государственной национальной политики на региональном уровне. И 23 октября 2013 г. Президентом Российской Федерации был принят Федеральный закон № 284 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений», который определил полномочия и ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере национальных отношений.

Однако эксперты продолжают говорить, о концептуальной неразработанности государственной этнонациональной политики и несовершенстве право-применительной практики.

Согласно логике автора далее перейдем к рассмотрению институциональных структур.

Организационно-функциональная структура политико-административного управления этническими отношениями в РФ может быть отражена в форми-

ровании специальных органов государственной власти. Это формирование прошло несколько этапов. Для нас исследовательский интерес представляет современный этап развития России:

С 2004 года по 2014 год существовало Министерство регионального развития – федеральный орган исполнительной власти, осуществлявший функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, федеративных и национальных отношений, разграничения полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, местного самоуправления, осуществления приграничного сотрудничества, развития районов Крайнего Севера и Арктики, защиты прав национальных меньшинств, исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов и этнических общин [1].

Затем в 2014 году функции по реализации государственной национальной политики были переданы в Министерство культуры РФ.

31 марта 2015 года в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 168 образовано Федеральное агентство по делам национальностей, согласно которому Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции:

- по выработке и реализации государственной национальной политики, нормативно-правовому регулированию и оказанию государственных услуг в сфере государственной национальной политики;
- по осуществлению мер, направленных на укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации), обеспечение межнационального согласия, этнокультурного развития народов Российской Федерации, защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов Российской Федерации;
- по взаимодействию с национально-культурными автономиями, казачьими обществами и иными институтами гражданского общества;

- по разработке и реализации государственных и федеральных целевых программ в сфере межнациональных отношений;
- по контролю за реализацией государственной национальной политики;
- по осуществлению государственного мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений;
- по профилактике любых форм дискриминации по признакам расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;
- по предупреждению попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды.

Считаем важным, отдельно остановится на региональном компоненте. В соответствии с принятой в декабре 2012 году Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Республике Татарстан разработана и утверждена Указом Президента Республики Татарстан (от 26 июля 2013 года № УП-695) новая редакция Концепции государственной национальной политики в Республике Татарстан, также прошел утверждение «План мероприятий по реализации в 2014–2015 годах в Республике Татарстан Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

В Республике Татарстан существуют три государственные программы и шесть подпрограмм, в которых отражены меры реализации государственной национальной политики в Республике Татарстан [8], самые крупные это:

- «Реализация государственной национальной политики в РТ на 2014–2020 годы» (постановление Кабинета Министров РТ от 18 декабря 2013 г. № 1006);
- «Сохранение, изучение и развитие государственных языков РТ и других языков в РТ на 2014–2020 годы» (постановление Кабинета Министров РТ от 25 октября 2013 г. № 794);
- «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 годы)» (постановление Кабинета Министров РТ от 21 октября 2013 г. № 785).

Данные программы отличаются разноплановой целевой аудиторией, вовлечением различных акторов в реализацию программных мероприятий, а так-

же конкретностью, целенаправленностью, концентрированностью, открытостью. Исполнителями данных программ и подпрограмм выступают Министерства и ведомства РТ, координируют их деятельность со стороны органов государственной власти Управление по реализации национальной политики и Управление по взаимодействию с религиозными объединениями Департамента Президента РТ по вопросам внутренней политики, а также профильные отделы и управления в министерствах республики.

Конечно же, нельзя не упомянуть о том, что сегодня при органах власти как на федеральном уровне, так и на региональном, созданы консультативно-совещательные структуры – коллегии, комиссии, советы, дома национальных культур, которые являются экспертными диалоговыми площадками для выстраивания коммуникаций между властью и обществом.

Проанализировав имеющиеся структуры, необходимым считаем отметить ряд проблемных зон, требующих решения с точки зрения совершенствования системы государственного управления в области межэтнических взаимоотношений:

1. Раздробленность функционала и отсутствие единой вертикали при реализации государственной национальной политики.

По данным руководителя Федерального агентства по делам национальностей И. Баринова, приведенным в интервью [15] в 2015 году, субсидия из федерального бюджета на поддержку региональных программ составила 338,4 млн. рублей для 43 субъектов, однако при этом отсутствует «единая региональная картина, и ощущение, что регионы работают по единым стандартам и правилам». В субъектах реализуется огромное количество фестивалей, национальных праздников, круглых столов и рекламных кампаний [15], которые так и остаются немасштабными, сугубо региональными.

На наш взгляд, позитивно можно оценить стремление органов государственной власти реализовывать крупные сетевые проекты, во всех субъектах Российской Федерации, нежели чем тратить средства федерального бюджета на проекты с небольшой целевой аудиторией. Среди перспективных направле-

ний ФАДН определил развитие этнотуризма и модернизацию этнопарков, развитие этно-волонтерства, благотворительные фестивали национальных культур, проведение всероссийской культурно-просветительская акции «Ethnoweekend», детских образовательных этнопрограмм и топовый проект – «День народного единства».

Более того, пока не ясен вопрос с открытием региональных представительств ФАДН, и каким образом будут выстраиваться коммуникационные связи между федеральным центром и регионом, так как в каждом регионе функции по реализации государственной национальной политики рассредоточены и отнесены порой сразу к нескольким ведомствам.

2. Вопрос разграничения полномочий на федеральном уровне.

По мнению Председателя комитета Государственной Думы по делам национальностей Г. Сафаралиева [13], некоторые вопросы по национальной политике еще остались в ведомстве Министерства культуры РФ. Затем в вопросах миграционной политики необходимо выстроить взаимоотношения с Федеральной миграционной службой.

3. Важным представляется вопрос кадрового обеспечения отрасли. Ведь специалистов, которые прошли обучение и имеют соответствующую квалификацию, довольно немного, и не каждый регион может самостоятельно решить эту проблему.

Особое внимание, на взгляд автора, стоит уделить использованию органами государственной власти и управления, местного самоуправления информационно-политических технологий управления этнополитическими процессами, таких как: работа со средствами массовой информации, обеспечение с помощью современных технологий информационной открытости и доступности информации, организация эффективной системы мониторинга и выявления негативных явлений на базе информационно-коммуникационных технологий.

Перейдем к рассмотрению возможностей использования ресурса СМИ субъектами управления.

Данный вопрос важен в свете того, что для многих журналистов освещение различных проблемных вопросов не является чем-то исключительным и требующим особенного отношения, а наоборот составляет суть работы, так освещение конфликтов интересов в экономике, политике, достижений или провалов в социальной политике – основная сюжетная линия повседневных репортажей.

Однако проявления межэтнической напряженности, конфликтов значительно отличаются от остальной повестки, и представители СМИ, иногда не обладая компетентными знаниями при некорректном освещении данных событий, могут сыграть и серьезную дестабилизирующую роль, переведя и так конфликтную ситуацию в стадию еще большей эскалации.

Растущая роль СМИ и буквально «вторжение» в политическую сферу порождают феномен «медиатизации политики» [19], при котором политические институты (субъекты управления) все более и более зависят от средств массовой информации, но тем не менее сохраняют свои функции в управлении политическими процессами. Роль СМИ в этих процессах может выражаться в следующем:

- насколько те или иные СМИ являются самыми важными/доминирующими/единственными источниками информации в обществе;
- в какой степени СМИ независимы от других политических институтов;
- в какой степени медиа-контент подвержен политическому влиянию, и в какой степени субъекты управления руководствуются при принятии решений медиа-контентом, или сформированным им общественным мнением (в том числе и в среде интернет).

Средства массовой информации могут сыграть стабилизирующую роль, например за счет продвижения общегосударственных ценностей, если, по мнению ученых [11], субъекты политического управления изберут стратегию сотрудничества, готовность признать верховенство закона, отказаться от давления, обеспечить равный открытый доступ к информации.

Публикации в печатных СМИ, как отмечает один из исследователей [12], представляет возможность органам власти и общественным структурам прояс-

нить идеологический, организационный уровни институционализации межэтнического конфликта.

Нами были выявлен ряд практик, когда структуры государственного управления сферой межнациональных отношений выработали со СМИ действенные формы работы:

1. Проведение конкурсов, обучающих семинаров на лучшее освещение реализации государственной национальной политики.

Так, например, на федеральном уровне – это проведение Всероссийского открытого журналистского конкурса «Многоликая Россия», Всероссийского конкурса на лучшее освещение темы межэтнического взаимодействия народов России и их этнокультурного развития «СМИротворец». Последний организуется с 2008 г. Гильдией межэтнической журналистики, и предполагает участие журналистов федеральных, региональных, а также национально-культурных СМИ.

На уровне субъекта, на примере Республики Татарстан, в Республиканском агентстве по печати и массовым коммуникациям ежегодно проходят обучающие семинары и круглые столы для журналистов, проводятся Конкурс на лучшую журналистскую работу по антиэкстремистской проблематике среди районных средств массовой информации Республики Татарстан, Конкурс на лучшую журналистскую работу по освещению вопросов межэтнических и межконфессиональных отношений среди республиканских средств массовой информации Татарстана.

2. Включение специалистов СМИ в работу консультативных и совещательных органов по реализации государственной национальной политики.

Так недавно была образована новая комиссия в Совете по межнациональным отношениям при Президенте РФ, которая будет заниматься рассмотрением вопросов информационного сопровождения реализации государственной национальной политики, куда вошли видные медиаобщества.

3. Организация эффективной системы мониторинга и выявления конфликтных явлений, некорректных публикаций в СМИ.

События Арабской весны 2012 года, столкновения на межнациональной почве между болельщиками и некоторыми диаспорами в г. Москве показали, что для разжигания межнациональных и межэтнических конфликтов все активнее применяется потенциал социальных сетей и Интернета. При этом от момента появления конфликта до его выхода в публичную плоскость иногда проходит 1–2 дня. В этих условиях использование инструментов обычных социологических исследований становится неэффективным.

ФАДН выступило с инициативой создания качественно новой системы мониторинга [14], согласно которой будет обеспечен:

- ✓ мониторинг государственных программ в сфере межнациональных отношений;
- ✓ мониторинг качества оказания государственных услуг ФОИВ и организациями государственной власти субъектов Российской Федерации в местах компактного проживания национальных меньшинств и коренных малочисленных народов, а также казачества;
- ✓ ведение регистров по учету субъектов государственной национальной политики;
- ✓ ведение схемы территориального планирования в сфере национальной политики;
- ✓ визуализация результатов мониторинга, анализа, планирования и прогнозирования реализации государственной национальной политики;
- ✓ автоматического формирования отчетов по различным вопросам реализации национальной политики и межнациональным отношениям.

Объекты системы мониторинга можно сгруппировать на следующие категории:

1. Государственные структуры и МСУ.
2. Акторы гражданского общества (социально-ориентированные некоммерческие организации, религиозные объединения, СМИ).
3. Коммерческие организации.

В этих целях ФАДН России разработало Дорожную карту по созданию и внедрению в 2015–2016 годах в Российской Федерации Системы мониторинга состояния и прогнозирования развития межэтнических отношений, предупреждения и нейтрализации межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

Федеральное агентство по делам национальностей планирует, что с января 2016 года все субъекты Российской Федерации будут осуществлять мониторинг состояния и прогнозирования развития межэтнических отношений, предупреждения и нейтрализации межэтнических и межконфессиональных конфликтов с использованием Системы мониторинга, разработанной Федеральным агентством по делам национальностей.

Важным является и обеспечение информационной открытости путем размещения новостей, планов работ, нормативно-правовой базы и других информационных, аналитических и методических материалов на сайтах министерств и ведомств, как например, на сайте ФАДН (<http://fadn.gov.ru/>).

Подводя итог, мы можем утверждать, что в практике государственного управления межнациональными отношениями определились существенные позитивные тренды, такие как: сотрудничество органов государственной власти, местного самоуправления и национально-культурных объединений, научного сообщества по вопросу поиска эффективных форм профилактики межэтнической напряженности; привлечение СМИ к освещению программных мероприятий национальной политики.

В то же время, по мнению исследователей [5], актуальными проблемами на повестке дня выступают: религиозный экстремизм, распространение деструктивных учений, бытовой национализм, ксенофобия, межэтнические противоречия, локальные конфликтные ситуации.

Таким образом, в данной статье была предпринята попытка осветить значение, спектр возможностей и технологий, применяемых органами государственной власти как одного из основных субъектов управления этнополитическими процессами: дана трактовка основным понятиям, приведены критические замечания в области нормативно-правового регулирования межэтнических

и этноконфессиональных отношений, определены проблемные зоны в функционировании соответствующих институциональных структур, изучены и обобщены возможности использования ресурса СМИ субъектами управления (государственными структурами).

Литература

1. Указ Президента РФ № 1168 от 13 сентября 2004 г.
2. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. – М.: Дело, 2008. – 471 с.
3. Артикуленко Т.А. Формирование этнонациональной политики России: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.А. Артикуленко. – Ростов-на-Дону, 2005. – 28 с.
4. Барбарян К.Б. Этнополитический конфликт: концептуальный анализ.

URL:

<http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Barbarjan2/> (дата обращения: 22.02.2015).

5. Бурцев Ю.Д. Институционализация политico-административного управления этническими отношениями: (на примере Ставропольского края): дис. ... канд. полит. наук: специальность 23.00.02 / Бурцев Ю.Д. – ГОУ ВПО "Ставропольский государственный университет". – Ставрополь, 2009. – 213 с.

6. Валяровский Ф.И. Актуальные проблемы правового регулирования межнациональных отношений в Российской Федерации. – Пятигорск, 2011. – 113 с.

7. Зорин В.Ю. Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики / Зорин В.Ю. – М., 2002. – 291 с.

8. Материалы заседания Совета при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. URL: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf (дата обращения: 28.09.2015).

9. Михайлов В.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: вопросы теории и практических действий / «Все Мы –

Россия». Материалы III Всероссийского конгресса просветителей организации. – М.: «Знание», 2013. – 352 с.

10. Основы национальных и федеративных отношений: Учебное пособие / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации; Общ. ред. Р.Г. Абдулатипов. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – 352 с.

11. Релжич Д. СМИ и трансформация этнополитических конфликтов.

URL: http://www.berghof-foundation.org/fileadmin/redaktion/Publications/Handbook/Articles/russian_reljic_handbook.pdf (дата обращения: 28.09.2015).

12. Рушанян К.С. Роль региональных СМИ в развитии этнополитических процессов и институтов в Ставропольском крае: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Рушанян К.С.; Ставроп. гос. ун-т, 2009. – 203 с.

13. Сайт «Национальный акцент». URL: <http://nazaccent.ru/content/17621-eksperty-otmetili-otsutstvie-edinogo-podhoda-k.html> (дата обращения: 28.09.2015).

14. Сайт Федерального агентства по делам национальностей. URL: <http://fadm.gov.ru/documents/8894-prezentatsiya-sistemy-monitoringa-fadm-rossii> (дата обращения: 28.09.2015).

15. Сайт Федерального агентства по делам национальностей. URL: <http://fadm.gov.ru/news/2015/09/24/2410-igor-barinov-provel-vserossiyskoe-soveschanie-s-organami-ispolnitelnoy-vlasti-sub-ektov-rf-po-realizatsii-gosnatspolitiki> (дата обращения: 28.09.2015).

16. Состояние научной экспертизы по проблемам этнической истории, культуры, межэтнических и конфессиональных отношений в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад / под редакцией В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН; Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. – 90 с.

17. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2001. – 240 с.

18. Харченко В.А. Внутригосударственные межэтнические конфликты на постсоветском пространстве: теория и практика политического управления:

дис. ... доктора политических наук: 23.00.04/ Харченко В.А.; Бишкек, 2011. – 324 с.

19. Strömbäck J. Four Phases of Mediatization: An Analysis of the Mediatization of Politics. URL:
http://www.socsc.hku.hk/sigc/gc2012/pdf/Reading%20Materials_Taiwan/Lecture%207_Four%20Phases%20of%20Mediatization.pdf (дата обращения: 28.09.2015).

СОЦИАЛЬНЫЕ ФОРУМЫ АНТИГЛОБАЛИСТОВ

Терешина Е.А., к.полит.н., доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Г. Казань, Россия

SOCIAL FORUM OF ANTI-GLOBALISTS

Tereshina E.A., Candidate of political sciences, associate Professor,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются социальные форумы антиглобалистов как механизм установления общественного порядка и устранения социальной несправедливости. Современные антиглобалисты, несмотря на свой неоднородный состав и отсутствие внутреннего единства, выступают не только как деклассированные социальные элементы, задерживающие развитие общества, а представляют собой социально-политическую силу, которая способна побороть социальную несправедливость и социальное неравенство. Одним из «мирных» способов действия антиглобалистов выступают социальные форумы. Они целенаправленно стремятся отойти от радикальных методов борьбы и перейти к сотрудничеству с представителями государственной власти и гражданского общества.

Ключевые слова: антиглобализм, альтерглобализм, глобализация, социальный форум, социальный диалог с властью, гражданское общество.

Abstract. The article examines social forums of antiglobalists as the mechanism of establishment of a public order and elimination of social injustice. Modern antiglobalists, despite the non-uniform structure and absence of internal unity, act not only as the declassed social elements detaining development of society, and represent

the socio-political force which is capable to overcome social injustice and a social inequality. One of their "peaceful" ways of action are the anti-globalization social forums. They deliberately seek to move away from radical methods of struggle and turn to cooperation with representatives of government and civil society.

Key words: anti-globalization, alternative globalism, anti-globalization movement, globalization, social forum, social dialogue with the government, civil society.

Рассуждая о феномене глобализации, американский исследователь Майкл Д. Интрилигейтор отмечает, что «ее позитивное влияние связано с эффектом конкуренции, к которой она неизбежно ведет, а негативное – с потенциальными конфликтами, которыми она чревата...» [2].

Убежденными критиками глобализации выступают участники и организаторы разнообразных протестных движений – так называемое движение антиглобалистов и альтерглобалистов. Антиглобализм является феноменом XX века, активно начинает развиваться в 1990-е годы. Бессспорно, новое социальное движение формируется как реакция на негативные последствия глобализации, но сами его участники не выступают против глобализации как таковой. О себе антиглобалисты говорят как о «противниках капиталистической глобализации», «борцах за другую глобализацию».

В научной среде существуют две точки зрения относительно понимания движения антиглобалистов.

С одной стороны, антиглобалисты рассматриваются как деклассированные социальные элементы, задерживающие развитие общества и выступающие против закономерного хода истории.

С другой стороны, антиглобалисты представляют собой социально-политическую силу, которая в нынешних непростых условиях способна побороть социальную несправедливость и социальное неравенство.

Безусловно, современные антиглобалисты демонстрируют пример того, как критическая теория соединяется с практикой прямого действия в единый

дискурс, в единый способ проживания и изменения окружающей политической реальности. Однако подобные изменения не носят радикальный характер.

Необходимо выделить два существенных момента относительно движения антиглобалистов.

Во-первых, антиглобализм носит всемирный характер. Антиглобализм возникает как международное общественное протестное движение и как альтернатива неолиберальной глобализации.

Во-вторых, антиглобализм не предполагает отрицания самой глобализации, так как это есть объективный процесс. Но представители этого движения выступают против негативных последствий ее неолиберальной модели, осуществляющей в узких интересах транснациональных компаний (ТНК) и международного финансового капитала. Они предлагают иной вариант глобализации, которая бы не ущемляла права и свободы отдельных граждан, которая бы легко уживалась с такими благами общества как справедливость, порядок, безопасность. Антиглобализм – это альтернатива, направленная на построение новой, более справедливой цивилизации при участии самих граждан и ориентированная на интересы граждан.

Поэтому, на наш взгляд, термин антиглобализм не является совсем уместным, есть смысл применить другое понятие – альтерглобализм.

Движение альтерглобалистов не является однородным и состоится из различных по свои убеждениям и интересам социальных групп: группы, занимающиеся изучением тех или иных аспектов современного капитализма – экологической, миграционной, образовательной политики, политики приватизации (например, приватизации водных ресурсов и др.); это могут быть анархисты, социалисты, левые лейбористы, неортодоксальные коммунисты, левые экологи и профсоюзники. Всех их объединяет одно понимание, идея: современный капитализм представляет угрозу самим основам свободы личности как таковой.

Способы, методы действия альтерглобалистов также отличаются разнообразием. Их деятельность связана не только с массовыми акциями и протестами, антиправительственными погромами (акции протеста в виде знаменитых

сражений в Гётеборге (Швеция) и в Генуе (Италия) в 2001 году, когда полиция открыла огонь боевыми патронами по демонстрантам, последствия которых могут нести потери, разрушения) [7]. Они могут действовать спокойно, «незаметно». Эту деятельность можно охарактеризовать как созидаельная, «интеллектуальная», просветительская работа (например, обучение грамоте бразильскими анархистами детей рабочих в трущобах).

Если альтерглобалисты ориентированы на созидаельные действия, возможно ли их сотрудничество с властью, с представителями гражданского общества. На наш взгляд, да. Они готовы сотрудничать, и идти на диалог. Тому подтверждение социальные форумы, которые являются некими диалоговыми площадками, на которых происходит взаимодействие различных общественных структур. Что заставляет антиглобалистов отходить от прежних прямых действий в форме больших демонстраций, битья витрин и драк с полицией? На наш взгляд, силовые способы воздействия на власть на сегодня себя исчерпывают. Необходимы переговоры, диалог с властью. Назрела необходимость превратить политические лозунги в конкретные политические результаты.

Вероятно, именно отсутствие реальных политических рычагов и заставило умеренную часть движения в 2001 году организовать первый Всемирный социальный форум в бразильском Порту-Алегри, городе, на тот период времени управляемым левым муниципалитетом во главе с Партией трудящихся [9]. Примечательно, что Всемирный социальный форум проходил во время организации Мирового экономического форума в Давосе.

В настоящее время международной политической организацией антиглобалистов можно назвать Всемирный социальный форум (ВСФ), который был создан при содействии активистов из Бразилии и Франции [9]. Целью ВСФ является осуществление диалога на уровне мирового масштаба для неправительственных, общественных организаций, выражающих массовый социальный протест под лозунгом «Другой мир возможен, если только мы этого захотим». В настоящее время Всемирный социальный форум имеет единые структуры ко-

ординации и снабжения информацией, руководящие органы, которые вырабатывают общую стратегию его деятельности [1].

Всемирный социальный форум выражает интересы гражданского общества и широкой общественности. Деятели Форума не призывают к радикальным действиям, связанным с изменением политического миропорядка. Они лишь отвергают негативную неолиберальную глобализацию и призывают к справедливости [8]. Форум стал сегодня «открытой площадкой» для обмена мнениями и опытом, оказания взаимной поддержки в борьбе, создания транснациональных союзов, выработки стратегии и координации действий представителей самых разных движений. ВСФ стало выражением стремления гражданского общества сформулировать собственное видение глобальных проблем и путей их решения.

К примеру, в январе 2009 г. делегаты Всемирного социального форума собрались в городе Белен, на территории Бразилии [4]. Целью совместной встречи стало привлечение внимания общественности к существующей экологической проблеме – вырубке лесов в бассейне Амазонки. На встрече участники предложили такую модель развития человечества, которая не наносила бы ущерб окружающей среде. Среди участников форума были президенты пяти стран Латинской Америки – Бразилии, Боливии, Эквадора, Венесуэлы и Парагвая. На первый план были вынесены вопросы социальной справедливости, экологической и продовольственной безопасности, права аборигенов.

Можно отметить, что Всемирный социальный форум постепенно эволюционирует в организованный субъект международной политики. В будущем возможно формирование единой антиглобалистской идеологии, носителями которой могут выступить общественные движения.

Социальные форумы проводятся также на уровне конкретных регионов, государств. Например, европейские социальные форумы проводятся с 2002 года (первый континентальный съезд антиглобалистов принимала управляемая коммунистической мэрией Флоренция) [5]. В 2003 году состоялся Азиатский социальный форум, в 2005 году – Средиземноморский. С 2001 года регулярно

проходит Южноафриканский социальный форум. В ряде стран проводятся национальные и локальные социальные форумы: Итальянский, Бостонский, Ливерпульский, Социальный форум США, Украинский, Социальный форум Белоруссии. В 2005 и 2006 годах состоялись Российские социальные форумы.

К примеру, в 2009 г. состоялся Уральский социальный форум [6]. Участники форума социальных активистов из 30 регионов Российской Федерации (Поволжья, Урала и Восточной Сибири) обсудили насущные вопросы реализации жилищных прав граждан (капремонт, управление домами, тарифы и ЖКХ), проблемы общежитий и обманутых дольщиков, пенсии и льготы, а также актуальные вопросы образования (ЕГЭ) и защиты трудовых прав в условиях кризиса. Итогом работы Уральского форума стало решение о создании Всероссийского профсоюза пенсионеров, был избран организационный комитет. Форум также поддержал ряд законодательных инициатив представителей регионов. Резолюция Форума большинством голосов была принята.

Можно предположить, что антиглобализм или альтерглобализм опирается на идеи социализма, либерализма, консерватизма в различном соотношении. Ясно, что принцип свободы характерен в большей степени для либерализма. Вместе с тем, несмотря на отсутствие в альтерглобализме единой общей мировоззренческой концепции, идеи социализма являются доминирующими. Часть авторов отмечает мобилизационный характер справедливости, которая отражает «стремление к самореализации каждой личности, но личности как члена солидарного целого. Социальная справедливость сохраняет свою притягательность еще и потому, что до сих пор во многом остается целью» [3, с. 19–25].

Многие исследователи критически относятся к подобным социальным форумам антиглобалистов. С одной стороны, конференции завершаются практически безрезультатно, с другой стороны, итоги работы форумов носят фрагментарный характер, отсутствует системность в принятых на форумах решениях. Также отмечается поддержка антиглобалистов со стороны политиков. К примеру, первым значение Всемирного социального форума оценил бразильский президент Луис Инасиу Лула да Силва. В 2003 году он прямо из Порту-

Аллегри отправился в Давос и своим именем соединил оба мероприятия. Возможно, таким способом антиглобалисты стремятся установить диалог с властями, в свою очередь, действующие политики используют конференции как платформу [1].

В последние годы антиглобализм, несмотря на отсутствие внутреннего единства и невозможность пока выступать в роли серьезной политической силы, эволюционирует относительно своей деятельности. Деструктивные действия всё чаще заменяются конструктивными.

В большей степени антиглобалистское движение не развивается в полной мере в виду участия рядовых сторонников в крупных международных саммитах. Многие проблемы, которые требуют разрешить антиглобалисты, не выходят на международный уровень.

Несмотря на существующую критику в адрес антиглобалистов, это движение представляет собой социально-политическую силу, которая способна побороть социальную несправедливость и социальное неравенство. Именно социальное неравенство выступает явным источником конфликтов. В дальнейшем возможно антиглобализм станет более значимым политическим движением и сможет направить свои усилия на то, чтобы отойти от своего бунтарского образа. В первую очередь антиглобалистам необходимо будет объединиться в единую общественно-политическую силу. Только в этом качестве антиглобалисты смогут построить конструктивный диалог с Организацией Объединенных Наций, национальными правительствами, международными финансовыми институтами, транснациональными корпорациями, широкими слоями гражданского общества в целях создания справедливого и гуманного миропорядка. Антиглобалисты – это интернациональное социально-политическое движение солидарности, выступающее за альтернативную демократическую интеграцию в интересах граждан, культуры, природы.

Литература

1. В бразильском городе Порту-Алегри открылся «анти-Давос». URL: <http://zakonvremeni.ru/news/13-3/882-----q-q.html> (дата обращения: 14.03.2016).
2. Интрилигейтор М.Д. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции // Проблемы теории и практики управления. – 1998. – № 6.
3. Полиновская Е.А. Особенности мировоззрения и программные принципы альтерглобализма // Философия образования. – 2011. – Т. 38, № 5.
4. Сайт ВСФ в Белене – 2009. URL: <http://www.fsm2009amazonia.org.br/> (дата обращения: 15.03.2016).
5. Сайт Европейского социального форума. URL: <http://www.fse-esf.org/> (дата обращения: 20.03.2016).
6. Уральский социальный форум в Ижевске // Газета «Народный контроль Сибири». URL: <http://narodcontrol.org/5-mai-2009/arkhiv-nomerov/5-mai-2009/uralskii-sotcialnyi-forum-v-izhevske> (дата обращения: 21.03.2016).
7. Фомичёв С. Гётеборг: конец европейской демократии. URL: http://samlib.ru/f/fomichew_s/2001geteborg.shtml (дата обращения: 24.03.2016).
8. Черноморова Т.В. Всемирный социальный форум – новая форма организации партий и движений (обзор). URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15567935> (дата обращения: 25.03.2016).
9. World Social Forum International Council WSF Memory. URL: <http://memoriafsm.org/page/edicoes?locale-attribute=ru> (дата обращения: 25.03.2016).

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Шибанова Н.А., к.филос.н., ассистент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

THE GENDER DIMENSION OF CONFLICTOLOGICAL ANALYSIS

Shibanova N.A., Candidate of philosophical sciences,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Аннотация. В центре внимания статьи – гендерный конфликт и конфликтогенный потенциал гендера и его составляющих, которые незаслуженно вытеснены из области интересов российской конфликтологии. Приведено определение гендерного конфликта как вида социального конфликта, его основные характеристики, показаны специфика, различные типологии и уровни. Рассмотрены основные причины гендерных конфликтов, среда протекания и их последствия.

Ключевые слова: гендерный конфликт, гендерные стереотипы, гендерные предубеждения, гендерные нормы, гендерная идентичность.

Abstract. The focus of the article – gender conflict and conflict potential of gender and its components. These phenomena are unfairly forced out of the area of interest of the Russian conflictological science. Definition of the gender conflict as type of the social conflict, his main characteristics are given, specifics, various to typology and levels are shown. The main reasons for the gender conflicts, the environment of course and their consequence are considered.

Key words: gender conflict, gender stereotypes, gender bias, gender norms, gender identity.

Российская конфликтология – сравнительно молодая, но активно развивающаяся наука, в рамках которой гендерный аспект не так часто привлекает внимание исследователей. Так, в ставших уже классическими учебниках по конфликтологии, таких признанных авторов как А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов [1], А.В. Дмитриев [6], понятие гендер даже не упоминается. Справедливость требует отметить, приводимый в приложении учебника А.В. Дмитриева материал «Гендерный конфликт: рекомендации женщине по безопасности» [6, с. 222–227] – но это лишь практические рекомендации по безопасности для женщин, разработанные американским комитетом «Женщины в борьбе с угрозой изнасилования». В ряде российских ВУЗов (например, Омский государственный педагогический университет, Астраханский государственный университет, Южный федеральный университет и др.) существуют специальные курсы «Гендерная конфликтология»¹, но в подавляющем большинстве случаев студенты и все интересующиеся данным вопросом могут только познакомиться с содержанием программы дисциплины. Есть заслуживающее особенного внимания монография Ю. Давыдовой «Гендерная конфликтология» [5], посвященная рассмотрению роли конструктов маскулинности и фемининности в межличностных конфликтах. К сожалению, данное издание не находится в свободном доступе. В целом, гендерная конфликтология в современном российском научном пространстве представлена разрозненными статьями и предлагает обширное поле деятельности для исследователей.

Внимание исследователей, как правило, привлекает феномен гендерного конфликта. Данное явление анализируется и исследуется чаще всего с точки зрения психологического подхода (кроме которого, можно встретить социально-психологический, философский, юридический, искусствоведческий подходы) [12]. И хотя гендерные конфликты нередко попадают в поле зрения зарубежных и отечественных психологов и социологов (Е.А. Здравомыслова,

¹ См.: сайт Астраханского государственного университета (URL: <http://asu.edu.ru/abiturientu/4827-konfliktologiya.html>); сайт Южного федерального университета (URL: http://sfedu.ru/www/umr_main.umr_show?p_per_id=2690); сайт Омского государственного педагогического университета (URL: <http://edu.omgpu.ru/course/info.php?id=4265>).

А.А. Темкина, О.М. Здравомыслова, И.С. Кона, Л.Н. Ожигова, S. Вем, М. Horner и др.) на сегодняшний день гендерные и конфликтологические исследования редко соприкасаются. Недостаточно освещен целый ряд вопросов. Во-первых, отсутствует систематизация и конкретизация причин конфликтов на гендерном поле. Во-вторых, нет четкого представления о структуре, динамике, последствиях гендерных конфликтов. В-третьих, рекомендации по эффективному управлению, профилактике и предупреждению гендерных конфликтов не систематизированы. Данная статья является попыткой ответить на вопрос нужно ли учитывать гендерный фактор при конфликтологическом анализе и какие возможности дает привлечение гендерного аспекта для анализа самых различных социальных конфликтов как необходимого элемента эффективного управления конфликтом.

Само понятие «гендер», как и наука конфликтология, возникло сравнительно недавно (в семидесятые годы прошлого века), и подразумевает под собой – социальный пол, пол как продукт культуры, пол как социальный конструкт, указывающий на социальный статус и социально-психологические характеристики личности, которые связаны с полом и актуализирующиеся в социальном взаимодействии. Наиболее полно понятие «гендер» раскрывает определение, выработанное ЮНИФЕМ (Женский Фонд Организации Объединённых Наций), согласно которому «Гендер – социокультурный конструкт пола, представляющий собой заданные характеристики так называемого «мужского» и «женского» поведения, стиля и образа жизни, норм, предпочтений, жизненных устремлений и т. д. В отличие от биологического пола, гендер строится в определенном социокультурном контексте в определенный исторический период и, следовательно, различен во времени и пространстве» [11].

Современная социальная жизнь немыслима без конфликтов. Конфликты, будучи многофункциональными явлениями, пронизывают все сферы жизнедеятельности человека и общества. Важнейшим элементом анализа любого конфликта является отнесение его к определенному виду и типу. Классификация конфликтов позволяет выявлять специфику конфликтов, прогнозировать их

развитие, вырабатывать наиболее эффективные пути их разрешения. Анализ классических и современных трудов, посвященных изучению конфликтов, позволяет сделать вывод о существовании множества подходов к классификации конфликтов и выделить различные основания для классификаций. Основаниями для классификаций выступают: причины конфликта, состав сторон, динамика протекания, форма действия сторон, цели сторон, последствия конфликтов, степень их легальности, параметры времени, последствия, направленность и т. д. Однако в классификациях очень редко можно встретить такой вид конфликтов как гендерный или его отнесение к какому-либо типу конфликтов. Под гендерным конфликтом понимается социальное взаимодействие или психологическое состояние, в основе которого лежит противоречие между нормативными представлениями о чертах личности и особенностях поведения мужчин и женщин и формой их реализации в социальном взаимодействии, невозможностью или нежеланием социальным субъектам следовать этим представлениям, приводящее к столкновению интересов и целей. Гендерный конфликт – это разновидность социального конфликта между носителями социальных полов, при котором действия одной стороны сталкиваются с противодействиями другой и сопровождаются негативными эмоциями. Гендерный конфликт может быть определен как конфликт интересов (например, борьба женщин за более высокий статус в обществе), иметь горизонтальную и вертикальную направленность, конструктивные и деструктивные последствия, быть длительным и кратковременным, масштабным и локальным, институализированным и неинституализированным¹, внутриличностным, межличностным, межгрупповыми и т. д.

Многие исследователи гендерной проблематики выделяют внутриличностный, межличностный и межгрупповой уровень гендерных конфликтов. В рамках психологии наибольшее внимание уделяется внутриличностным гендерным конфликтам. Выделяются даже различные типы гендерных внутрилич-

¹ Гендерный конфликт в современных демократических обществах все чаще становится институционализированным, т. е. разрешается законодательным путем. И это, прежде всего, законодательное закрепление широких прав женщин, возможность защищать свои интересы в суде.

ностных конфликтов. 1. Межролевой гендерный конфликт (наиболее известен «ролевой конфликт работающей женщины» – когда женщина вынуждена осуществлять сразу несколько ролей, а средств для их качественного исполнения не хватает) 2. Конфликт гендерных предписаний и личных проявлений, желаний (желание вести себя так, как «настоящие женщины/мужчины» не поступают). 3. Экзистенциально–гендерный конфликт, затрагивающий жизненно значимые ценности и потребности человека (например, невозможность исполнить материнское предназначение или роль «кормильца»).

Гендерные конфликты функционируют и на межличностном уровне. Чаще всего подобные конфликты происходят в случае несовпадения гендерных предписаний и ожиданий группы с реальным поведением индивида. Подобные конфликты наиболее распространены в семейной и профессиональной сферах. В профессиональной среде конфликт может возникнуть в результате назначения руководителем женщины, которая, по мнению коллектива, по своей сути не может быть достойным руководителем, и в то же время, от руководителя-женщины коллектив ожидает мягкости в методах управления. В семье гендерные конфликты чаще всего происходят, когда не оправдываются ожидания, связанные с ролевым поведением супругов.

Гендерные конфликты на межгрупповом уровне зачастую представляют собой столкновения в борьбе женщин за свои права и более высокий статус, борьбу мужчин за сохранение своего высокого положения или борьбу как женщин, так и мужчин против представителей ЛГБТ. Конфликты в сфере труда порождаются различиями в статусе и позициях мужчин и женщин (разные условия для старта и прохождения по карьерной лестнице у мужчин и у женщин; разница в оплате труда; неравные условия для занятия трудовой, в том числе и предпринимательской деятельностью; феминизация бедности, при условиях неравных возможностей принятия на работу и увольнения; наличие сексуальных притеснений женщин на рабочем месте; восприятие женского труда по сравнению с мужским как более дорогостоящего и менее выгодного из-за неопределенности статуса материнства и отцовства в обществе).

Таким образом, становится очевидным, что к такому явлению как гендерный конфликт полностью применима классификация конфликтов, разрабатываемая в рамках конфликтологии (а не только психологии или социологии). Кроме того, к гендерному конфликту, наряду с любым социальным конфликтом, применима общая схема исследования: выявления причин, содержания, функций, динамики, последствий и путей преодоления. Однако гендерный конфликт имеет и свою специфику, которая выражается:

- в биологической направленности (дифференциация полов имеет биологическое основание);
- в психологической составляющей (различия в психологии мужчины и женщины, имеющие значительное значение в гендерных конфликтах);
- в социальной детерминированности (конфликты вызывают объективное социальное положение в обществе мужчин и женщин);
- в максимально широкой вертикальной и горизонтальной распространенности (гендерные конфликты имеют место на всех уровнях бытия: социально-экономическом, политическом, культурно-нравственном и на всех уровнях социального взаимодействия);
- в культурной компоненте (глубокое укоренение гендерных стереотипов и предписаний в традиционной культуре);
- во вневременном, перманентном характере (гендерные конфликты неизбежны на протяжении всей истории человечества, меняется лишь их острота, степень институализации, проблематика и иные характеристики).

Актуальность разработки теории гендерного конфликта в рамках конфликтологии диктуется современной жизнью, когда роль мужчины и женщины в обществе претерпевает значительные изменения. Кроме ставших уже традиционных «женских» сфер (домашнее хозяйство, воспитание, образование, здравоохранение), женщины активно покоряют сферы коммерции, социальных услуг, политики, культуры и науки. Не все представители «сильного» пола всегда позитивно реагирует на подобные изменения, как впрочем, и не всем представительницам «слабого» пола удается адаптироваться к новым реалиям и конст-

руктивно там взаимодействовать. Зачастую обозначенные изменения приводят к гендерным конфликтам.

Урегулирование, разрешение конфликта, а так же его анализ невозможен без определения его причин, источника, предмета. Не вдаваясь в тонкости различий этих понятий, отметим, что среди исследователей нет единой точки зрения на вопрос об источниках конфликта. На протяжении всей истории науки исследователи по-разному отвечали на этот вопрос. Если попытаться обобщить все достижения научной мысли от Аристотелевского видения корня конфликтов в неравенстве до его «интерпретации» Р. Дарендорфом, от классиков «экономического» прочтения причин конфликтов (А. Смит, К. Маркс) до поисков истоков конфликтов в биологии и психологии (Г. Зиммель, З. Фрейд и их последователи), от классических до современных приверженцев теории «человеческих потребностей» (А. Маслоу, Дж. Бертон, Дж. Дэвис, О. Надлер) и многие другие, то можно выделить группы основных причин конфликтов. К их числу можно отнести: социально-политические, экономические, социально-демографические, социально-психологические, индивидуально-психологические и организационные причины. Этот список далеко не полный, в каждой из них есть множество вариаций истоков конфликта, а сам конфликт может быть вызван не одной, а сразу несколькими причинами. Каждая из возможных причин может сопровождаться гендерной причиной, однако к какой группе отнести последнюю – сложный теоретический вопрос.

Роль гендерной идентичности, ролей и стереотипов различна для различных индивидов. Если они порождают конфликт индивида с другим индивидом или группой, то тогда гендерный источник конфликта следует отнести к группе индивидуально-психологических причин. Однако определенные гендерные стереотипы и стандарты функционируют в группах, и тогда они могут выступать как социально-психологические причины конфликтов. Востребованность гендерных норм зачастую зависит от социально-демографических характеристик личности (социально-демографическая причина), положение женщин и мужчин в обществе находится в тесной взаимосвязи с социально-политической

и экономической ситуаций в стране (социально-политические и экономические причины). Однако не столь важно отнести гендерные причины к какой-либо из групп, важно помнить о них, и об их потенциале, как конфликтогенном, так и об их возможностях в управлении конфликтами.

Можно выделить пять основных теорий возникновения гендерных конфликтов. Но разрабатывались они в русле психологии и социологии (а значит и большинство рассматриваемых в их рамках гендерных конфликтов, носят внутриличностный характер, реже - межличностный).

1. В рамках ролевых теорий, ролевой гендерный конфликт – социальная ситуация, в которой от индивида ожидаются несовместимые друг с другом ролевые действия, или ролевые действия, для исполнения которых нет достаточного количества необходимых ресурсов (ролевой конфликт работающей женщины).

2. Согласно теориям гендерной социализации, конфликты – результат противоречий между желаниями и стремлениями индивида и рамками, заданными гендерной социализацией. Соответствие/несоответствие гендерным ролям, усвоенных в процессе социализации – источник межличностных и межгрупповых конфликтов, как на микроуровне (прежде всего семья), так и на макроуровне (в сферах экономики и политики).

3. Концепция андрогинии является своеобразным продолжением теории социализации и на эмпирическом материале доказывает, что человек с андрогинными характеристиками (наличие одновременно и маскулинных, и фемининных черт) в гендерно структурированном обществе часто переживает внутренние конфликты несоответствия ожиданиям, но в современных открытых обществах такие люди функционируют более эффективно, имеют высокую степень адаптации к изменяющимся условиям.

4. Теория гендерной схемы делит всех людей на полотипизированных и неполотипизированных. Полотипизированные личности постоянно используют гендерные способы категоризации мира, и через их призму воспринимают мир как оппозицию мужчин и женщин, что способствует конфликтам. Неполотипи-

зированные личности редко используют гендерные схемы, мало подвержены стереотипному восприятию окружающих и отсюда проистекает их неконфликтность.

5. Концепция гендерной компетентности (в свою очередь эта концепция является развитием предыдущей) заявляет, что личность с гендерной компетентностью, принимая идеи похожести и равенства мужчин и женщин, конструктивистскую сущность гендера, менее склонна вступать и инициировать гендерные конфликты. Гендерно некомпетентные (полотипизированные) мужчины и женщины часто переживают конфликтные состояния нереализованных личных устремлений и несоответствия ожиданиям, склонны воспроизводить социальное неравенство и осуществлять дискриминационные действия, что часто приводит к межличностным и межгрупповым конфликтам [2; 3; 4; 8; 14].

Продолжая разговор о причинах конфликтов в гендерном измерении, следует отдельно остановиться на таких явлениях как гендерные роли, стереотипы, маркеры (различия, которые представляются значимыми [13]) и предубеждения, которые носят значительный конфликтогенный потенциал и могут оказывать существенное влияние на возникновение и протекание различных социальных конфликтов. В целом, гендер как многокомпонентный социальный конструкт, определяется не только биологическим полом, но и гендерными стереотипами, гендерными нормами и гендерной идентичностью. Гендерные роли – системы социальных стандартов, стереотипов, которым человек должен соответствовать, чтобы его признавали как мужчину или женщину, обусловленные дифференциацией людей в обществе по признаку пола. Гендерные роли носят нормативный характер, относятся к виду социальных ролей и выражают определённые социальные ожидания. Несовпадение подобных ожиданий с реальностью – источник множества конфликтов.

Неуспешное выполнение гендерной роли может вызвать как межролевые, так и внутриролевые конфликты. Межролевые конфликты возникают в ситуации одновременного исполнения слишком многоного количества ролей. Внутриролевой конфликт порождается противоречивыми требованиями, предъявляемыми к

исполнителю одной роли разными социальными группами или значимыми для личности людьми. Несмотря на то, что это все внутриличностные конфликты, они могут быть дополнительной причиной возникновения межличностных конфликтов.

Гендерный стереотип – упрощенный, устойчивый и эмоционально окрашенный образ поведения и черт характера мужчин и женщин. Выделяют три группы гендерных стереотипов: стереотипы маскулинности и фемининности (эмоциональная сдержанность, прагматизм, рационализм, активность и решительность мужчин противопоставляются женской чувствительности, эмоциональности, интуиции, мягкости, нерешительности, стремлению к поиску компромиссов); представления о распределении семейных и профессиональных ролей между мужчинами и женщинами (приватная сфера для женщин, где они матери и жены, и публичная сфера для мужчин, где они реализуются профессионально); представления о специфике содержания труда (женский труд должен носить исполнительский, обслуживающий характер, а мужской – творческий и руководящий). Очевидно, что любой тип гендерных стереотипов конфликтогенны.

По сути, гендерные роли – это социальное проявление гендерной идентичности индивида. Гендерная идентичность – аспект самосознания, описывающий переживание человеком себя как представителя определенного пола. Основой гендерной идентичности является базис «маскулинность-фемининность». Это одна из базовых характеристик личности (ввиду ее «природности», имеющей индивидуальный («Я – женщина/мужчина») и коллективный («Мы – женщины/мужчины») уровни. Согласно РАНО/WHO (Американская Организация Здравоохранения / Всемирная Организация Здравоохранения): «Гендерная идентичность определяет степень, в которой каждый индивид идентифицирует себя в качестве мужчины, женщины или некоего сочетания того и другого. Это внутренняя структура, создаваемая в процессе развития, которая позволяет индивиду организовать образ Я и социально функционировать в соответствии с ее / его воспринимаемым полом и гендером. Гендерная иден-

тичность определяет то, как индивид переживает свой гендер, и способствует чувству индивидуальной тождественности, уникальности и принадлежности» [9]. Лежащая в основе гендерной идентичности оппозиция «маскулинность-феминность», обладает такими характеристиками как множественность, историчность и ситуационность [10]. Историчность маскулинности и фемининности отражается в трансформации их структуры в ходе исторических процессов. Данная характеристика несет в себе определенный конфликтогенный потенциал – отказ от одного типа и переход к новой модели маскулинности и фемининности порождает гендерные конфликты на различных уровнях. По этой же причине множественность образцов мужественности и женственности, одновременно функционирующих в обществе, порождает гендерные конфликты. Ситуационность маскулинности и фемининности проявляется в их способности интенсифицироваться и инфицироваться при определенных условиях. Так, например, в конфликтах, во время тех или иных состязаний, вооруженных столкновений модели маскулинности интенсифицируются, сильнее начинают проявляться такие характеристики, как агрессивность, стремление к победе, что активно используется пропагандой. В относительно спокойное время ценность данных характеристик снижается, происходят инфляционные процессы, сглаживается «воинственность» индивида, при этом актуализируются образы «мужчина – труженик», «мужчина – отец семейства» и т. д.

Возможной причиной гендерных конфликтов могут выступать гендерные предубеждения – социальная установка с негативным и искаженным содержанием, предвзятое мнение, по отношению к представителям другого пола (негативный стереотип). Предубеждения имеют различную степень деструктивности воздействия на объект предубеждения. Наиболее мягкая форма проявления предубеждения – это неверbalное выражение антипатии (пренебрежительный тон, нахмуренные брови, отрицательные покачивания головой, плотно сомкнутые губы и др.), демонстрируемые в ситуациях, когда поведение мужчин или женщин не соответствует традиционным нормам полоспецифичного поведения. Далее следуют вербальные выражения антипатии к представителям другого по-

ла (сексистские анекдоты, высказывания, принижающие достоинства женщин или мужчин). Следующая ступень – это избегание группы, по отношению к которой имеются предубеждения (различные формы женоненавистничества и мужененавистничества). Ярко выраженный деструктивный характер носят действия, приводящие к дискриминации членов группы (например, различия в зарплатах мужчин и женщин, занимающих аналогичные должности). Наиболее деструктивная форма проявления предрассудков – акты физического и психологического насилия [8].

В целом, любой гендерный конфликт базируется на явлениях полоролевой дифференциации и иерархичности статусов мужчин и женщин, существующих в современных обществах [7]. Гендерная дифференциация – процесс, в котором биологические различия между мужчинами и женщинами наделяются социальным значением и употребляются как средства социальной классификации.

Гендерная дискриминация, т. е. ситуация ограничения или лишения прав по гендерному признаку наблюдается во всех сферах жизни общества: трудовой, социальной, экономической, политической, духовной, семейно-бытовой. Как прямая, так и косвенная гендерная дискриминация провоцирует конфликты, в том числе и гендерные. Анализируя любой тип социального конфликта, следует помнить о косвенной (завуалированной) гендерной дискриминации как о возможном источнике конфликта, в то время как прямая дискриминация лежит на поверхности и ее легче зафиксировать и корректировать. Наиболее распространена гендерная дискриминация при приеме на работу, при служебном продвижении, что приводит к различного рода конфликтам. В основании гендерных различий, являющихся необходимым элементом дискриминации, лежит иерархия, в которой маскулинное обозначается как доминирующее, а фемининное – как подчиненное. Многие исследователи (в их числе Р. Дарендорф, П. Сорокин и др.) считали социальное неравенство одной из основных причин социальных конфликтов. Таким образом, неравное положение мужчин и женщин, которому приписывается естественное происхождение, естественным образом становится источником разнообразных конфликтов.

Полноценный анализ социального конфликта не мыслим без определения и изучения его участников. Важность гендерного аспекта при анализе социальных конфликтов обусловлена тем, что участники конфликта – это всегда люди и всегда носители определенного социального пола, гендерных стереотипов и ролей, оказывающих перманентное значительное влияние на их поведение и мышление.

Среда конфликта – еще один важный момент анализа конфликта. Выше уже была рассмотрена актуальность гендерной составляющей при исследовании микросреды конфликта. Макросреда, т. е. конкретно-исторические и социально-психологические условия, в которых развертывается конфликт не лишен гендерных категорий (достаточно вспомнить такие характеристики гендерной идентичности как ситуационность, множественность и историчность). Широко распространенные в том или ином обществе гендерные нормы, гендерные стереотипы и роли могут не только оказывать значительное влияние на конфликт любого типа, но и продуцировать гендерный конфликт. Говоря о макросреде гендерного конфликта, стоит отметить, что большинство обществ, в том числе и российское, являются многокультурными и многонациональными, что ведет к гендерному разнообразию. В таких условиях, гендерные нормы, стереотипы и роли могут быть различны для разных поколений, разных этнокультурных и религиозных групп, разных слоев общества, что увеличивает вероятность возникновения гендерных конфликтов.

При анализе динамики социального конфликта важно определить его fazu, чтобы верно спрогнозировать развитие конфликта и выработать эффективные методы управления им. Эта мысль верна и для анализа гендерных конфликтов, которые, как и другие социальные конфликты, имеют 1) предконфликтную стадию (латентный этап); 2) стадию открытого конфликта; 3) стадию завершения конфликта; 4) послеконфликтную стадию (этап нормализации отношений). Гендерный конфликт переходит в открытую стадию при осознании противоречивых позиций сторон, что вызывает негативные эмоциональные переживания и побуждает к активным действиям (инцидент), направ-

ленным на устранения этого противоречия. В ситуации гендерного социального конфликта осознание женщинами их более низкого по сравнению с мужчинами статуса в обществе и несогласие с таким установившимся порядком может проявиться в активизации женских движений за свои права (первая и вторая волна феминизма).

Изучение поведенческих стратегий в гендерном конфликте, а так же выработка рекомендаций по наиболее конструктивным стратегиям – важная составляющая анализа и управления конфликтом. Пять классических стратегий (согласно методике Томаса-Килмана – это конфронтация, сотрудничество, приспособление, уход и компромисс) находятся в тесной взаимосвязи с гендерными ролями и стереотипами. Так, «мужской» стратегией выступает конфронтация, «женской» – приспособление, уход и компромисс. При этом возникает парадокс – стратегия, которая чаще всего является наиболее эффективной (сотрудничество) выходит за рамки традиционных гендерных стереотипов, а значит, ее использование требует значительных усилий, для преодоления рамок гендерной роли и стереотипов.

Наряду с другими типами социальных конфликтов, гендерные конфликты имеют внутриличностные и межличностные позитивные и негативные последствия. К негативным последствиям в обеих сферах можно отнести: тревожность, депрессию, чувство вины, снижение самооценки, стресс, проблемы в отношениях, снижение работоспособности, провоцирование новых конфликтов в семье и на работе, физическое и сексуальное насилие, суицид. С другой стороны, ситуация конфликта вскрывает противоречия, манифестирует проблемную ситуацию, часто вербализирует потребности и опасения сторон – что способствует гармонизации взаимоотношений, их переходу на конструктивный уровень.

Несмотря на то, что гендерные конфликты носят перманентный характер, необходимо разрабатывать способы их смягчения, разрешения и управления ими. Построение эгалитарного гуманного общества и паритетной демократии, формирование высокой культуры общения во всех сферах, разработка антидисриминационного законодательства – способствуют уменьшению гендерных

конфликтов, снижают уровень гендерной напряжённости. При этом стоит оставаться реалистами и понимать, что в обозримом будущем гендерные конфликты неизбежно будут возникать.

Изучение гендерных конфликтов, их причин, динамики, последствий, закономерностей развития, путей урегулирования и управления, конфликтогенного потенциала гендерных ролей и стереотипов, социальных институтов, транслирующих их – не только полноценный предмет конфликтологических исследований, заслуживающий значительного внимания, но и способствует развитию конфликтологической теории. Своими исследованиями гендерная конфликтология призвана снять гендерные ограничения для развития личности, способствовать реализации прав человека и гражданина в государстве, содействовать формированию гражданского общества и конструктивному социальному взаимодействию, вырабатывать практические рекомендации для управления конфликтами. Таким образом, в современных условиях российского общества, эта отрасль конфликтологии крайне необходима как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Литература

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ, 2000. – 551 с.
2. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 320 с.
3. Блок Дж. Влияние дифференцированной социализации на развитие личности мужчин и женщин // Практикум по социальной психологии / Под ред. Пайнс Э., Маслач К. – СПб.: «Питер», 2000. – С. 168–181.
4. Бэм С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. – 336 с.
5. Давыдова Ю. Гендерная конфликтология. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. – Germany, 2011. – 232 s.

6. Дмитриев А.В. Конфликтология: учебное пособие. – М.: Гардарики, 2000. – 320 с.

7. Замедлина Е.А. Конфликтология: учебное пособие. – М.: РИОР, 2005. – 141 с.

8. Клёцина И.С. Аналитические подходы к определению причин гендерных конфликтов и путей их преодоления // Противоречия, конфликты, кризисы личности: субъектно-бытийный подход: матер. Всерос. науч.-практ. семинара. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007. – С. 30–44.

9. Кон И.С. Пол и гендер. Заметки о терминах. URL: <http://sexology.narod.ru/publ037.html> (дата обращения: 24.04.2016).

10. Малкина-Пых И.Г. Гендерная терапия. Справочник практического психолога. URL: http://med-books.info/gendernaya-psihologiya_789/gendernaya-identichnost-41836.html (дата обращения: 24.04.2016).

11. Национальная энциклопедическая служба: [сайт]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/488/word/gender>;

<http://voluntary.ru/dictionary/1019379/word/gender> (дата обращения: 25.04.2016).

12. Овруцкая Г.К. Гендерный конфликт: методы исследования // Альманах современной науки и образования. – 2008. Ч. I., № 6 (13). – С. 160–163.

13. Рябов Д. «Другой» в европейской идентичности. URL: http://www.strony.toya.net.pl/~delazari/index_pliki/DmitriiRiabov.htm (дата обращения: 28. 04.2016).

14. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация "Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты". – М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Большаков Андрей Георгиевич, заведующий кафедрой конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор политических наук, профессор.

Галихузина Резеда Гильмутдиновна, доцент кафедры конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат исторических наук.

Гареева Карина Айдаровна, ассистент кафедры конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.

Глухова Александра Викторовна, заведующий кафедрой социологии и политологии Воронежского государственного университета, доктор политических наук, профессор.

Иванов Андрей Валерьевич, доцент кафедры конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат исторических наук.

Маврин Олег Викторович, доцент кафедры конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат социологических наук.

Мансуров Тимур Зуфарович, ассистент кафедры конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат политических наук.

Мингазова Нафиса Мансуровна, заведующий кафедрой природообустройства и водопользования Института управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор биологических наук.

Муратова Юлия Джамилевна, аспирант кафедры конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.

Никовская Лариса Игоревна, главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор социологических наук.

Носаненко Галина Юрьевна, доцент Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова, кандидат политических наук.

Сирюкова Яна Алексеевна, аспирант кафедры конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.

Терешина Елена Александровна, доцент кафедры конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат политических наук.

Тимофеева Лидия Николаевна, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук.

Храмова Евгения Валерьевна, ассистент кафедры конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.

Шибанова Наталья Александровна, ассистент кафедры конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат философских наук.

Якимец Владимир Николаевич, главный научный сотрудник Института проблем передачи информации РАН, профессор Московского физико-технического института (ГУ), доктор социологических наук.

Электронное издание

**ЭКСПЕРТИЗА И АНАЛИЗ КОНФЛИКТОВ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Статьи и материалы
Международного казанского научного форума
«Методология исследования конфликтов»

Компьютерная верстка
Уточкиной Т.В.

Подписано в печать 09.12.2016
Гарнитура «Times New Roman»
Уч.-изд. л. 1,37. Заказ 79/12

Оригинал-макет подготовлен
в Издательстве Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28